ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Свиридов Владислав Юрьевич

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920–1925 ГГ.: ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Специальность 5.9.1 — Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Д.Д. Николаев

Москва
2024

Содержание

Введение…….3

Глава 1. Стихотворная сатира русской эмиграции: города, издания, авторы…….……...23

Глава 2. Сатирическое изображение большевиков……...…...39

2.1 Сатирическое изображение «типичного большевика»…….....39

2.2 Сатирическое изображение руководителей Страны Советов……...49

2.2.1 Образ В.И. Ленина……..49

2.2.2 Образ Л.Д. Троцкого……..56

2.2.3 Образ Г.Е. Зиновьева……..58

2.2.4 Образы советских дипломатов: А.М. Коллонтай, Л.Б. Красина, М.М. Литвинова, Х.Г. Раковского, Г.В. Чичерина……61

2.2.5 Образы других лидеров большевиков……..……72

2.3 Сатирическое изображение Советской России……..78

2.4 Сатирическое изображение артистов и писателей, оставшихся в Советской России…….……..……..….93

Глава 3. Сатирическое изображение политиков стран Антанты……..100

3.1 Политика стран Антанты……..……..……100

3.2 Сатирический образ британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа.....116

Глава 4. Сатирическое изображение эмиграции……132

4.1 Жизнь эмиграции……..…...132

4.2 Сменовеховцы и «возвращенцы»……...159

4.3 Сатирический образ А.Н. Толстого……...168

Заключение…….174

Список использованной литературы……...……185

Введение

В русской словесности сатирическое начало обнаруживается еще в фольклоре. В качестве разнообразных видов народного юмора и сатиры XI–XVII веков В.П. Адрианова-Перетц приводит «сатирическую пословицу и поговорку, шутливый рассказ, сатирический портрет “врага” в народном эпосе, сказку и прибаутку, шуточную песню, “позорище”, т. е. драматическую сценку»[1]. Уже в XVII веке ведущей темой народной поэзии была «тема социальной борьбы»[2]. Выдающимися памятниками русской сатиры допетровского времени являются «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове», «Повесть о куре и лисице», «Служба кабаку» и др.

Стихотворные сатиры А.Д. Кантемира, направленные против невежества, пороков определенных сословий, страстей как таковых, открыли новый период в развитии русской литературы. А.Д. Кантемир активно использовал такие приемы, как саморазоблачение героя, гиперболизацию определенного качества. Сатирик обличал дворян, восхваляющих знатность своего рода и выступающих против преобразований Петра I:

Та же и в свободных

И в холопях течет кровь, та же плоть, те ж кости[3].

Использовал в своих произведениях А.Д. Кантемир образы чиновников и государей: в «Сатире VI. О истинном блаженстве» (1738) автор создает портрет чиновника-просителя, в «Сатире VIII. На бесстыдную нахальчивость» (1739) мы встречаем образ императрицы Анны Иоанновны, который, правда, сатирическим не является. А.Д. Кантемир выступил основоположником жанра стихотворной сатиры, родоначальником сатирического, обличительного направления русской литературы XVIII века, расцвет которого ознаменовали журналы Н.И. Новикова и

---

[1] Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века / Подг. текстов, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. Издание 2-е, дополненное. — М.: Наука, 1977. С. 111.
[2] Там же. С. 118.
[3] Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Автор вступ. статьи Ф.Я. Прийма; Примеч. З.И. Гершковича. — Л.: Советский писатель, 1956. С. 71.

И.А. Крылова, басни и эпиграммы А.П. Сумарокова, комедии Д.И. Фонвизина и др. А.П. Сумароков, как заметил Л.Ф. Ершов, «заложил основы басни нового типа: не просто иносказательного назидания с использованием застывших комических масок <…>, но басни-сценки, басни — живого рассказа, сатирического очерка»[4]. Отчасти этим объясняется популярность жанра басни в конце XVIII века: к нему обращались Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, М.М. Херасков и др. Тираноборческие мотивы, осуждение войн, обличение пороков чиновничьего аппарата встречаются в баснях И.И. Хемницера, в творчестве А.Н. Нахимова и П.П. Сумарокова.

Эти традиции Кантемира продолжил А.С. Грибоедов, сатирически изобразив нравы и быт Москвы в комедии в стихах «Горе от ума». Обращался к сатирическому обличению и А.С. Пушкин. Его произведения направлены не только на социально-политические проблемы России, но и на конкретных лиц, например, в стихотворении «Сказки. Noël» (1818) обличаются высокопоставленные чиновники Российской империи — директор исполнительного департамента Министерства полиции И.П. Лавров, секретарь цензурного комитета Министерства полиции В.И Соц, петербургский обер-полицеймейстер И.С. Горголи — и даже сам Император. Одним из приемов создания комического эффекта у Пушкина становится каламбур, использование омонимичных слов и оборотов, их сочетаний:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец[5].

Позднее этот прием развил в своем творчестве один из ведущих поэтов «Искры» Д.Д. Минаев.

В середине XIX века стихотворная сатира развивалась прежде всего на страницах журналов, среди которых самым ярким являлся журнал «Искра».

[4] Ершов Л.Ф. Русская стихотворная сатира (от Кантемира до Пушкина) // Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина. — М.: Современник, 1988. С. 13.
[5] Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. — М.: ГИХЛ, 1959. С. 64.

Сотрудники «Искры», увидевшей свет незадолго до отмены крепостного права, придерживались демократических позиций. В центре их творчества стояла проблема личного и общего. Как пишет И.Г. Ямпольский: «Народное счастье и благополучие было для них не абстрактным идеалом, а существеннейшим вопросом их внутреннего мира»[6]. В сатирических стихотворениях «искровцев» мы встречаем не только образы российских чиновников, например, министра народного просвещения А.В. Головнина в стихотворении В.С. Курочкина «Над цензурою, друзья…» (1861), но и образы литературных оппонентов: М.Н. Каткова, В.Д. Скарятина, Е.М. Феоктистова и других. При этом поэты «Искры» не ограничивались обличением отрицательных явлений внутри России, они откликались и на события западноевропейской жизни. Цензурный режим способствовал выработке эзопова языка, объекты обличения требовалось зашифровать так, чтобы читатель понимал автора, а цензор не имел оснований для запрета стихотворения. Однако без учета злободневности, знаний о политической и литературной жизни тех лет, многое в творчестве поэтов журнала может остаться непонятым.

Говоря про стихотворную сатиру этого периода, необходимо отметить и «Историю государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868) А.К. Толстого, где создается целая галерея образов царей и министров:

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом![7]

Первая четверть XX века составила целую эпоху в развитии русской сатиры. Наиболее популярные поэты-сатирики эмиграции первой половины 1920-х гг. начинали свой творческий путь до революций 1917 г., причем становление их как сатириков связано прежде всего с периодом Первой русской революции. Это плодотворное время в истории русской сатиры: за короткий промежуток

[6] Ямпольский И.Г. Поэты «Искры» // Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 1. — Л.: Советский писатель, 1987. С. 34.
[7] Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. — М.: Правда, 1980. С. 267

было напечатано огромное количество сатирических стихотворений. По сравнению с сатирой предшественников в сатире начала XX века значительно возросла роль прямого политического обличения. В.Г. Короленко писал: «Сатира вся сплошь превратилась в политическую»[8]. Как отмечала Л.А. Спиридонова, «басни, частушки, оды, баллады, романсы, народные песни стали сатирическими жанрами»[9]. Так называемая «свобода печати» сказалась на количестве периодики — по подсчету исследователей с 1905 по 1907 гг. вышло около трехсот сатирических изданий различного типа. Именно сатирические журналы, по выражению А.А. Нинова, «разнесли летучие строки обличительных стихов в самые отдаленные углы России»[10].

Одной из самых популярных форм обличения в начале XX века была сатира «на лицо», но также в журналах 1905–1906 гг. процветала сатира факта и сатирическая загадка. Другой популярный жанр в сатире периода Первой русской революции — перепев, имеющий целью высмеять какую-либо мишень, пользуясь формой и образами известного широкому читателю произведения.

В апреле 1908 г. в Санкт-Петербурге начал издаваться литературно-художественный журнал «Сатирикон». По справедливому замечанию П.П. Потемкина «Сатирикон» создал «направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху»[11]. Л.А. Спиридонова отмечала, что «Сатирикон» привнес «качественно новые формы художественной сатиры и политического смеха»[12]. Вокруг журнала объединились такие талантливые писатели, как А.Т. Аверченко, Н.А. Тэффи, П.П. Потемкин, Саша Черный и др. Все это привело к тому, что за несколько лет журнал завоевал статус самого популярного сатирико-юмористического российского журнала. Д.Д. Николаев

---

[8] В.К. Петербург смеется // Полтавщина. 1906. № 1. 1 (14) января. С. 2.
[9] Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. С. 33.
[10] Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира первой русской революции (1905-1907). — Л.: Советский писатель, 1969. С. 5.
[11] Потемкин П. Об А. Аверченко // Последние новости. 1925. № 1500. 15 марта. С. 2.
[12] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 53.

заключает, что «комическая литература перестала восприниматься как нечто второсортное»[13].

Существует большое количество трудов, посвященных русской дореволюционной сатире, в том числе и сатирической поэзии. К примеру, дореволюционная стихотворная сатира исследуется в диссертациях О.Б. Кушлиной «Жанровое своеобразие русской сатирической поэзии начала XX века (пародия, эпиграмма, басня)»[14], В.Н. Румянцевой «Стихотворный фельетон середины XIX века: Н.А. Некрасов, В.С. Курочкин, Д.Д. Минаев»[15], И.Л. Красновой «Проблема сатирического стихотворного стиля (на материале поэзии “Искры”)»[16]. Стоит отметить издания «Русская демократическая сатира XVII века»[17], «Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина»[18] и четыре книги серии «Библиотека поэта»[19], позволяющие проследить эволюцию сатиры в русской поэзии.

Февральская революция изменила обстановку в стране. Вместе с царской властью были ликвидированы учреждения, ответственные за печатные органы и цензуру. Сатирики восприняли Февральскую революцию с большим воодушевлением. После революции «прямые личные выпады в адрес отрекшегося Императора <…> заполнили страницы журналов <…> и в столице, и в провинции»[20]. Благодаря тому, что сатирики давали отклик на любое значимое событие в стране, сатира составила «своеобразную летопись революционного

---

[13] Там же.

[14] Кушлина О.Б. Жанровое своеобразие русской сатирической поэзии начала XX века (пародия, эпиграмма, басня): дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 1983. — 199 с.

[15] Румянцева В.Н. Стихотворный фельетон середины XIX века: Н.А. Некрасов, В.С. Курочкин, Д.Д. Минаев: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Самара, 2007. — 234 с.

[16] Краснова И.Л. Проблема сатирического стихотворного стиля (на материале поэзии «Искры»): дис. … канд. филол. наук: 10.01.08. — Алматы, 1997. — 275 с.

[17] Русская демократическая сатира XVII века / Подг. текстов, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. Издание 2-е, дополненное. — М.: Наука, 1977. — 255 с.

[18] Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина. — М.: Современник, 1988. — 540 с.;

[19] Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). — Л.: Советский писатель, 1969. — 720 с.; Русская стихотворная сатира 1908–1917 гг. — Л.: Советский писатель, 1974. — 736 с.; Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 1. — Л.: Советский писатель, 1987. — 384 с.; Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 2. — Л.: Советский писатель, 1987. — 464 с.

[20] Николаев Д.Д. «Похороны Эзопа»: русская сатира в 1917 году (от марта — к октябрю) // Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме: Материалы XXII Шешуковских чтений. / Под ред. Л.А. Трубиной. — М.: МПГУ, 2017. С. 58.

года»[21]. Однако с отменой цензуры полного отказа от эзопова языка не произошло. Как отмечает Д.Д. Николаев, «без эзопова языка часто исчезал комический эффект, возникавший на стыке текста и подтекста»[22]. В этот период еще шла Первая мировая война, и потому, по утверждению Д.Д. Николаева, «внутренняя сатира была тесно увязана с внешней»[23], так как идеи пораженчества приравнивались к контрреволюционности. Как и сатира Первой русской революции, сатира 1908–1917 гг. не была и не могла быть политически однородной.

После Октябрьской революции советская власть начинает закрывать издания антибольшевистской направленности и «к кон<цу> авг<уста> 1918 фактически запрещается вся оппозиционная пресса»[24]. Большевики начинают издавать собственные сатирические журналы, но из-за различных проблем московский журнал «Соловей», например, «напоминал самодеятельное издание»[25]. В статье «Сатира в годы Гражданской войны» Д.Д. Николаев и И.Л. Бражников отмечают, что в годы Гражданской войны «важнейшей пропагандистской функцией с<атиры> стало формирование образа врага: “белые” стремятся убедить читателей на подвластной им территории, что красные — это враги не только власти, но и “читателей”, красные убеждают “своих” читателей, что “врагами народа” являются белые»[26]. Сатирики, не принявшие Октябрьскую революцию и покинувшие Россию, продолжили творить за рубежом. Многие из них, по замечанию Д.Д. Николаева и И.Л. Бражникова, в 1918–1919 гг.

[21] Эвентов И.С. Сатирическая поэзия предоктябрьских лет // Русская стихотворная сатира 1908–1917 гг. — Л.: Советский писатель, 1974. С. 41.
[22] Николаев Д.Д. «Похороны Эзопа»: русская сатира в 1917 году (от марта — к октябрю) // Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме: Материалы XXII Шешуковских чтений. / Под ред. Л.А. Трубиной. — М.: МПГУ, 2017. С. 61.
[23] Там же.
[24] Николаев Д.Д., Бражников И.Л. Сатира в годы Гражданской войны» // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. — М.: Политическая энциклопедия. 2021. Том. 3. С. 137.
[25] Там же. С. 138.
[26] Там же. С. 137.

сотрудничали «в газетах тех городов, через которые пролегали беженские маршруты и маршруты отступления»[27].

Из числа оставшихся в Советской России сатириков наиболее значительными в послереволюционное десятилетие являются Демьян Бедный (Е.А. Придворов) и В.В. Маяковский, чье творчество привлекало пристальное внимание отечественных ученых. Например, Демьяну Бедному были посвящены докторские диссертации В.И. Макова «Творческий путь Демьяна Бедного»[28], В.А. Цыбенко «Творчество Демьяна Бедного»[29], а В.В. Маяковскому — кандидатские диссертации А.Н. Меньшутина «Сатира Маяковского периода 1921–1930 годов»[30], П.К. Сербена «Маяковский — сатирик: тема борьбы с пережитками прошлого в творчестве Маяковского послеоктябрьского периода»[31], О.И. Ильина «Героическая сатира Маяковского: проблемы сатиры поэта второй половины 20-х гг.»[32], С.А. Комарова «“Клоп” и “Баня” В.В. Маяковского и русская советская сатирическая комедия 20–30-х годов»[33] и др. Их творчество продолжает интересовать исследователей русской поэзии и сатиры и в нынешнее время.

Стихотворная сатира русского зарубежья долгое время не привлекала внимание ученых. Как заметила Л.А. Спиридонова, «создается впечатление, что <…> серьезные исследователи русского зарубежья считали сатирическую литературу второсортной и малоинтересной страницей ее истории»[34]. За последние десятилетия литература русского зарубежья, по меткому выражению

---

[27] Там же.

[28] Маков В.И. Творческий путь Демьяна Бедного: в 2-х томах: дис. … д-ра филол. наук: 10.00.00. — Ташкент, 1966. — 957 с.

[29] Цыбенко В.А. Творчество Демьяна Бедного: в 2-х томах: дис. … д-ра филол. наук: 10.00.00. — М., 1963. — 865 с.

[30] Меньшутин А.Н. Сатира Маяковского периода 1921–1930 годов: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00. — М., 1952. — 432 с.

[31] Сербен П.К. Маяковский — сатирик: тема борьбы с пережитками прошлого в творчестве Маяковского послеоктябрьского периода: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00. — Киев, 1953. — 394 с.

[32] Ильин О.И. Героическая сатира Маяковского: проблемы сатиры поэта второй половины 20-х гг.: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00. — Саратов, 1963. — 375 с.

[33] Комаров С.А. «Клоп» и «Баня» В. В. Маяковского и русская советская сатирическая комедия 20–30-х годов: дис. … канд. филол. наук: 10.01.02. — Томск, 1989. — 200 с.

[34] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 7.

Л.А. Спиридоновой, «превратилась в открытую книгу»[35], но количество научных трудов, посвященных сатирической поэзии эмиграции первой волны, по-прежнему крайне незначительно. Серьезный вклад в эту область знания внесли такие коллективные труды, как «Комическое в русской литературе XX века»[36], «Поэтика комического в русской литературе XX–XXI вв.»[37], «Литература русского зарубежья. 1920–1940»[38], а также монография «Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья»[39] Л.А. Спиридоновой, посвященная процессам развития сатиры и юмора в условиях эмиграции первой волны.

«Возвращение» на родину эмигрантского творчества русских юмористов и сатириков, прославившихся в дореволюционную эпоху, началось еще в 1960–1970-е гг. с публикаций произведений Аркадия Аверченко, Надежды Тэффи, Саши Черного, других поэтов «Сатирикона». В 1990-е гг. началось и активное изучение творчества писателей-эмигрантов. В 1993 г. Д.Д. Николаев защитил диссертацию «Творчество А.Т. Аверченко и Н.А. Тэффи: Две тенденции развития русской юмористики»[40], в 1994 г. Е.М. Трубиловой была защищена диссертация «Творческий путь Н.А. Тэффи (эмигрантский период)»[41]. Защищенная в 1998 г. диссертация В.К. Приходько «Каламбур и приемы его создания в произведениях

---

[35] Там же. С. 3.

[36] Комическое в русской литературе XX века. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. — 504 с.

[37] Поэтика комического в русской литературе XX–XXI вв. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 560 с.

[38] Литература русского зарубежья: 1920–1940 / Под ред. О.Н. Михайлова. — Вып. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 1993. — 332 с.; Литература русского зарубежья, 1920–1940 / Под ред. О.Н. Михайлова. — Вып. 2. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1999. — 328 с.; Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. — Вып. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 592 с.; Литература русского зарубежья: 1920–1940 / Под ред. О.Н. Михайлова. — Вып. 4. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 392 с.; Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. — Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — 544 с.

[39] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. — 336 с.

[40] Николаев Д.Д. Творчество Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики: дис. … канд. филол. наук: 10.01.02. — М., 1993. — 186 с.

[41] Трубилова Е.М. Творческий путь Н.А. Тэффи (эмигрантский период): дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 1994. — 168 с.

Н.А. Тэффи»[42] посвящена исследованию приемов и языковых средств создания комического эффекта в произведениях Н.А. Тэффи. Диссертация А.В. Щербаковой «Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов “Сатирикона”: на материале произведений А.Аверченко, Н.Тэффи, С.Черного»[43] посвящена изучению роли лексико-фразеологических средств создания языковой игры. А.В. Коротких в диссертации «Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А.Аверченко и Тэффи»[44] исследует прозаические произведения писателей, созданные в 1910–1940-х гг. В диссертационном исследовании Н.В. Рыбинской «Н.А. Тэффи — публицист газеты “Последние новости”: 1920–1940»[45] анализируется публицистическая деятельность Н.А. Тэффи в газете «Последние новости». Таким образом, начиная с 1990-х гг. творчеству сатириков, покинувших Россию после Октябрьской революции, был посвящен целый ряд кандидатских диссертаций[46].

«Королю смеха», А.Т. Аверченко, также посвящены диссертации О.А. Кузьминой «Рассказы А.Т. Аверченко: Жанр. Стиль. Поэтика»[47] и Е.К. Гуровой «Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А.Т. Аверченко»[48]. Прозу Дон-Аминадо (А.П. Шполянский)

---

[42] Приходько В.К. Каламбур и приемы его создания в произведениях Н.А. Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 1998. — 224 с.

[43] Щербакова А.В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Черного): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. — Кострома, 2007. — 198 с.

[44] Коротких А.В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Южно-Сахалинск, 2002. — 236 с.

[45] Рыбинская Н.В. Н.А. Тэффи — публицист газеты «Последние новости»: 1920–1940: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. — М., 2005. — 207 с.

[46] Бочкарева Е.В. Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Ульяновск, 2009. — 212 с.; Елизарова М.М. Языковая личность эмигранта в рассказах Тэффи 1920–1940-х годов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. — СПб., 1999. — 156 с.; Соловьева О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н.А. Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. — Магнитогорск, 2001. — 180 с.

[47] Кузьмина О.А. Рассказы А.Т. Аверченко: Жанр. Стиль. Поэтика: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Тверь. 2003. — 151 с.

[48] Гурова Е.К. Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А.Т. Аверченко: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. — М., 2000. — 154 с.

рассматривает К.А. Толкачев в исследовании «Художественный мир прозы Дон-Аминадо»[49].

Творчество Саши Черного анализирует в работах М.А. Жиркова: «Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия — Италия»[50], «Поэзия Саши Черного в эмиграции»[51], «Саша Черный как редактор и автор отдела сатиры и юмора “Бумеранг” в парижском еженедельном журнале “Иллюстрированная Россия”»[52] и др.[53]

В диссертациях Лю Хао «Поэзия русской эмиграции в Харбине: Основные имена и тенденции»[54], Н.А. Тиботкиной «Мотивная структура лирики Саши Черного»[55], Н.Н. Никитиной «Поэзия русского Берлина 1920-х гг.: на разломе эпох»[56], М.А. Будаговой «Мотивная структура поэзии Дон-Аминадо»[57],

---

[49] Толкачев К.А. Художественный мир прозы Дон-Аминадо: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 1999. — 154 с.

[50] Жиркова М.А. Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия — Италия // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. — С. 43–51.

[51] Жиркова М.А. Поэзия Саши Черного в эмиграции // Царскосельские чтения. 2014. № XVIII. — С. 268–274.

[52] Жиркова М.А. Саша Черный как редактор и автор отдела сатиры и юмора «Бумеранг» в парижском еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 2. — С. 67–74.

[53] Жиркова М.А. Гоголевские мотивы и образы в рассказе Саши Чёрного «Иллинойсский богач» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 1, № 4–1(16). — С. 47–56; Жиркова М.А. Комическое в «Несерьезных рассказах» Саши Черного // Studia Culturae. 2011. № 12. — С. 79–89; Жиркова М.А. Метафизика войны: особенности изображения войны в одноименном поэтическом цикле Саши Черного // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. — С. 35–39; Жиркова М.А. Человек и война в поэтическом цикле Саши Черного «Война» (Берлин, 1923) // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество. Том Книга 20. — Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2014. — С. 42–69; Жиркова М.А. Покинутая родина и первые впечатления в эмиграции в поэтических циклах Саши Черного «На Литве» и «Чужое солнце» // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). — С. 47–56; Жиркова М.А. Один день из жизни русского эмигранта. К проблеме эволюции поэзии Саши Черного в эмиграции // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59). — С. 217–229; Жиркова М.А. Вечный город глазами русского эмигранта в поэтических циклах Саши Черного «Римские камеи» и «Римские офорты» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1, № 1(40). — С. 5–13.

[54] Лю Хао. Поэзия русской эмиграции в Харбине: Основные имена и тенденции: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 2001. — 262 с.

[55] Тиботкина Н.А. Мотивная структура лирики Саши Черного: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Тверь, 2010. — 169 с.

[56] Никитина Н.Н. Поэзия русского Берлина 1920-х гг.: на разломе эпох: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — СПб., 2004. — 185 с.

[57] Будагова М.А. Мотивная структура поэзии Дон-Аминадо: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Тверь, 2014. — 169 с.

Е.А. Афанасьевой «“Сатиры и лирика” Саши Черного как метажанр»[58], посвященных поэзии русской эмиграции, авторы касаются вопросов сатирической поэзии.

Количество работ, исследующих сатирическую поэзию русского зарубежья 1920-х гг., незначительно, в основном это статьи и материалы по итогам выступлений на научных конференциях, например: «Образы Востока в контексте сатиры Дон-Аминадо» Г.А. Сорокина[59], «Дон-Аминадо в эмиграции» И.Л. Галинской[60], «Мотив ностальгии в сборнике стихов Дон-Аминадо «Дым без Отечества» (1921 г.)» М.А. Будаговой[61], «Поэтика эпиграмм Саши Черного» Е.А. Афанасьевой[62] и др.

Из сатириков русского зарубежья внимание исследователей привлекают прежде всего поэты-«сатириконцы», чье творчество стало объектом изучения еще в советский период. Творчество же таких сатириков, как Lolo (Л.Г. Мунштейн), Лери (В.В. Клопотовский), Жак Нуар (Я.В. Окснер), практически не находит отражения в трудах современных исследователей. Например, в учебнике Т.П. Буслаковой[63] лекция 4 называется «Русские “короли смеха” в эмиграции: А.Т. Аверченко, Тэффи, Саша Черный, Дон-Аминадо»[64], но Дон-Аминадо уделено чуть более одной страницы, вскользь автор упоминает Валентина Горянского и Петра Потемкина, а Lolo, Лери и Жак Нуар не удостаиваются даже и этого. Аналогичная картина наблюдается в учебном пособии «Литература русского зарубежья (1920–1990)»[65], где есть раздел «Писатели-“сатириконцы”», посвященный Аркадию Аверченко, Тэффи и Саше Черному. Недостаточное

---

[58] Афанасьева Е.А. «Сатиры и лирика» Саши Черного как метажанр: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. — Оренбург, 2013. — 281 с.
[59] Сорокина Г.А. Образы Востока в контексте сатиры Дон-Аминадо // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 60–70.
[60] Галинская И.Л. Дон-Аминадо в эмиграции // Вестник культурологии. 2015. № 2 (73). С. 127–134.
[61] Комическое в русской литературе XX века. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 144–150.
[62] Афанасьева Е.А. Поэтика эпиграмм Саши Черного // Вестник ОГУ. 2011. № 11 (130). С. 4–9.
[63] Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учебное пособие. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 2009. — 365 с.
[64] Там же. С. 68–87.
[65] Литература русского зарубежья (1920–1990): учебное пособие / под общ. ред. А.И. Смирновой. — 2-е изд., стер. — М.: Флинта, 2012. — 640 с.

внимание к сатирическому наследию характерно и для самого русского зарубежья, хотя многие сатирические публикации учтены в указателях Л.А. Фостер[66] и Э.А. Штейна[67], проделавших колоссальный труд по составлению библиографии русской зарубежной литературы. Например, Г.П. Струве[68] в «Русской литературе в изгнании» посвящает Lolo, Дон-Аминадо и Саше Черному всего несколько строк, от Р. Гуля[69] Саша Черный удостаивается лишь краткого упоминания, П.Е. Ковалевский[70] и вовсе не касается проблем сатирической литературы. То же самое, как справедливо отмечает Л.А. Спиридонова, можно сказать о работах И.И. Тхоржевского[71], П.Н. Милюкова[72], Г.В. Адамовича[73], Ф.А. Степуна[74], Г.Е. Озерецковского[75] и др.

Актуальность диссертационного исследования определяется значимостью сатиры в литературе русской послереволюционной эмиграции, а также возросшим за последние десятилетия научным и читательским интересом к литературе русского зарубежья. Необходимо восполнить пробел, вызванный недостаточной изученностью образно-мотивной структуры стихотворной сатиры русского зарубежья первой половины 1920-х гг. Сатирическая поэзия русского зарубежья 1920–1925 гг. отражает художественные модели восприятия и интерпретации общественно-политических событий в сатирических произведениях, а также идейно-эстетическую позицию русской послереволюционной эмиграции. Сатирическая поэзия русского зарубежья играла важную роль в литературном

---

[66] Фостер Л.А. Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968. Т. 1: А-К. / Сост. д-р филол. наук Людмила А. Фостер. — Бостон: MASS: Hall, 1970. — 681 с.; Фостер Л.А. Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968. Т. 2: Л-Я. / Сост. д-р филол. наук Людмила А. Фостер. — Бостон: MASS: Hall, 1970. — 682–1374 с.

[67] Штейн Э.А. Поэзия русского рассеяния 1920–1977. — Эшфорд: Ладья, 1978. — 182 с.

[68] Струве Г.П. Русская литература в изгнании. — 3-е изд. испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. — Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. — 448 с.

[69] Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции: в 3 т. Т.1: Россия в Германии. — М.: Б.С.Г.-пресс, 2001. — 554 с.

[70] Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. — Париж: Librairie des cinq continents, 1971. — 148 с.

[71] Тхоржевский И.И. Русская литература. — Париж: Возрождение, 1950. — 650 с.

[72] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т.1 — М.: Прогресс, 1993 — 528 с.

[73] Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. — Париж: б.и., 1961. — 18 с.

[74] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. Изд-е 2-е, испр. — СПб.: Алетейя, 2000. — 651 с.

[75] Озерецковский Г.Е. Русский блистательный Париж до войны. — Париж: б.и., 1973. — 213 с.

процессе, отображала процесс борьбы с большевиками и внутреннее противостояние в эмиграции — как идейное, так и эстетическое. Сатира первых лет эмиграции представляет особенный интерес для исследования, поскольку именно в это время происходит формирование самого феномена русского зарубежья, идет процесс самоопределения русских за границей. К сатире, направленной на внешних врагов эмиграции, которая занимает центральное место в начале 1920-х гг., добавляется сатира, отражающая борьбу различных групп внутри эмиграции.

Степень разработанности проблемы. До настоящего момента не существует работы, в которой образы и мотивы, используемые сатирической поэзией русского зарубежья 1920–1925 гг. рассматривались комплексно. Авторы диссертационных исследований анализировали лишь отдельные аспекты творчества конкретных поэтов — «Мотивную структуру лирики Саши Черного» (Н.А. Тиботкина) и «Мотивную структуру поэзии Дон-Аминадо» (М.А. Будагова).

Научная новизна диссертации заключается во впервые проведенном комплексном изучении мотивно-образной структуры сатирической поэзии русского зарубежья первой половины 1920-х гг., основанном на анализе всего корпуса стихотворных произведений, опубликованных на страницах ведущих эмигрантских изданий в разных центрах рассеяния.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в реализации комплексного подхода к изучению образно-мотивной структуры послереволюционной эмиграции. Впервые проанализирована образно-мотивная структура сатирической поэзии послереволюционной эмиграции, выявлены особенности поэтики, стилистики, жанровой структуры сатирической поэзии русского зарубежья, а также взаимосвязи тематики, проблематики творчества и идиостилей крупнейших поэтов-сатириков с общими тенденциями развития комического.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что материалы и выводы научного исследования могут быть использованы для преподавания общих и специальных курсов по истории русской литературы первой трети XX

века, по русской поэзии, русской сатире, а также при дальнейшем изучении литературы, журналистики и истории русского зарубежья, особенностей комической образности и средств ее создания.

Основной методологической базой исследования служат научные труды по теории и истории комического, литературе русского зарубежья и истории русской литературы 1920-х гг. (Ю.Б. Борева, Б. Дземидока, Л.Ф. Ершова, Н.В. Корниенко, О.Н. Михайлова, Д.Д. Николаева, Д.П. Николаева, В.И. Новикова, А.А. Нинова, В.Я. Проппа, А.Г. Соколова, Л.А. Спиридоновой, Е.М. Трубиловой, А.И. Чагина, С.И. Шешукова, И.Г. Ямпольского и др.), а также работы, посвященные исследованию художественной образности, мотива, стиховедения (А.Н. Веселовского, Б.М. Гаспарова, М.Л. Гаспарова, М.М. Гиршмана, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Ю.Б. Орлицкого, И.В. Силантьева, Л.И. Тимофеева, Б.В. Томашевского, В.Е. Холшевникова и др.).

Объектом исследования является стихотворная сатира русского зарубежья первой половины 1920-х гг. В подавляющем большинстве случаев это произведения с тех пор не переизданные. Так как сатира является откликом на злобу дня, сатирическую поэзию русского зарубежья первой половины 20-х гг. XX века чаще всего можно встретить на страницах газет и журналов, а потому основным объектом нашего внимания является периодика русского зарубежья. В ходе работы над исследованием были фронтально изучены имеющиеся в доступности экземпляры русских эмигрантских газет и журналов 1920–1925 гг., печатавших сатирические произведения. Назовем наиболее значительные из них. В первую очередь это «Бич» (Париж), «Возрождение» (Париж), «Дни» (Берлин), «Заря» (Харбин), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новости жизни» (Харбин), «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин), «Русский голос» (Харбин), «Свет» (Харбин), «Свободные мысли» (Париж), «Сегодня» (Рига), «Славянская заря» (Прага). Сатирические стихотворения создавались не только популярными и хорошо известными в начале XX века и в эмиграции поэтами-сатириками, но и авторами, завоевавшими славу не на сатирическом поприще или не оставившими столь значимого следа в русской литературе, а также и вовсе анонимами.

Предметом исследования являются образы и мотивы стихотворной сатиры русского зарубежья 1920–1925 гг.

Сатира является одной из важнейших форм художественной реакции на общественно значимые события, а ее анализ позволяет выявить диапазон и специфику авторских подходов и проследить их эволюцию, связанную с изменением общественных настроений. Изучение особенностей образной и мотивной структур сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг. существенно расширяет наши представления об актуальной тематике и проблематике поэзии русской эмиграции в целом, а также позволяет ввести в научный оборот значительное количество произведений, до сих пор не становившихся объектом исследования, и тем самым существенно расширить представление о литературном процессе первой половины 1920-х гг. и закономерностях его развития.

Художественный образ мы понимаем как форму отражения «объективной действительности в искусстве с позиций определенного эстетического идеала»[76]. Сатирическим образом является художественный образ, выявляющий с помощью средств создания комизма один или множество общественно-значимых пороков, которые обличает сатирическое произведение. «Сатирический образ — это результат “направленного искажения”, которое обнаруживает в предмете дотоле скрытый комический аспект и тем самым возвращает ему неприглядный сущностный вид»[77]. Сатира уходит «в преувеличениях и обобщениях настолько далеко от исходного материала, что реальные признаки получают в образе воплощение фантастическое, условно отвлеченное»[78], или, наоборот, приближается «к предмету изображения вплотную. Отклонение сатирического образа от “обычного” достигается за счет заострения, гиперболизации, преувеличения, гротеска»[79]. Понятие мотива в современном литературоведении

[76] Большой толковый словарь по культурологии // URL: http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-213.htm#zag-1350 (дата обращения: 10.10.2020)
[77] Вулис А.З. Сатира // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 6: Присказка — «Советская Россия» / Гл. ред. А.А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1971. С. 674.
[78] Там же. С. 675.
[79] Там же.

чрезвычайно многогранно. Исследователи не оставляют попыток дать точное определение мотива и выявить его роль в художественном произведении. Теоретики литературы рассматривают связи мотива с другими категориями литературоведения. В нашем исследовании мы опираемся на понятие мотива как «устойчивого формально-содержательного компонента литературного текста. Мотив может быть выделен как в пределах одного или нескольких произведений писателя (например, определенного цикла), так и в контексте всего его творчества, а также какого-либо литературного направления или литературы целой эпохи»[80]. Круг сатирических мотивов, используемых поэтами в исследуемый нами период, многообразен и отражает основные идеи авторских характеристик и позиций.

Ключевым мотивом литературного творчества эмиграции первой волны стала ностальгия по утраченной родине. Как отмечает В.В. Агеносов, «сквозным лейтмотивом всей русской литературы за рубежом проходит тема России, тоски по ней, отвергшей своих детей»[81]. В стихотворениях, в которых встречается мотив прощания с родиной, «повторяется кадр отхода судна от берега, отсылающий к одному из самых трагических эпизодов гражданской войны: Крымской эвакуации»[82]. Н.Б. Лапаева отмечает, что в поэзии эмиграции 1920–30-х гг. «“крымская катастрофа” глубоко осмысливается: становясь предметом поэтической рефлексии, она “вызревает” в мотив “ухода из Крыма”. Этот мотив пронизывает произведения поэтов с разными эмигрантскими судьбами и, порой, кардинально отличающихся друг от друга своим умонастроением и мироощущением»[83].

При этом, как отмечает А.И. Чагин: «Размышляя об укорененности русской поэзии в традицию на двух путях ее развития в 1920–1930-е годы, обратим

---

[80] Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 230.
[81] Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). — М.: Терра-спорт, 1998. С. 8.
[82] Бжикцы И. Ars memorae — ars oblivionis в поэзии «первой волны» русской эмиграции // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 88.
[83] Лапаева Н.Б. Мотив «ухода из Крыма» в поэзии русской эмиграции 1920–30-х годов // Вестник ЧелГУ. 2008. № 30. С. 80–81.

внимание и на то, что в созданных в это время произведениях поэтов и России, и зарубежья оживают духовный опыт и образы одних и тех же, общих и для москвича, и для эмигранта, великих предшественников: Пушкина, Лермонтова, Державина, Тютчева»[84].

Мотивы ностальгии, прощания с родиной мы встречаем и в сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг.

Цель работы: выявить особенности образной системы и мотивной структуры русской сатирической поэзии первых лет эмиграции, характер отбора объектов сатирического изображения, их художественной интерпретации и средств достижения сатирического эффекта.

Для достижения названной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Фронтально изучить стихотворные сборники и подшивки газет и журналов русского зарубежья за 1920–1925 гг.: «Баян» (Харбин), «Бич» (Париж), «Вал» (Харбин), «Возрождение» (Париж), «Вперед» (Харбин), «Голос эмигранта» (Берлин), «Дни» (Берлин), «Дым Отечества» (Харбин), «Жар-птица» (Берлин; Париж), «Зарницы» (Константинополь, София), «Заря» (Харбин), «Окно» (Харбин), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), «Новая шанхайская жизнь» (Шанхай), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Новости жизни» (Харбин), «Новые русские вести» (Гельсингфорс), «Последние новости» (Париж), «Ревельские новости» (Таллин), «Руль» (Берлин), «Русская жизнь» (Харбин), «Русские вести» (Гельсингфорс), «Русский голос» (Харбин), «Русское слово» (Нью-Йорк), «Русское эхо» (Константинополь), «Русское эхо» (Шанхай), «Русь» (София), «Свободные мысли» (Париж), «Сибирская жизнь» (Харбин), «Свет» (Харбин), «Сегодня» (Рига), «Сегодня вечером» (Рига), «Сегодня понедельник» (Рига), «Славянская заря» (Прага), «Эхо» (Ковно) и др.

2. В собранном корпусе стихотворных текстов 1920–1925 гг. выявить сатирические произведения.

3. Определить ключевые образы и мотивы.

---

[84] Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 132.

4. Выявить особенности поэтики стихотворной сатиры русского зарубежья первой половины 1920-х гг.

5. Определить художественное своеобразие и культурно-историческое значение отобранных сатирических стихотворных произведений, выявить художественные средства создания образов.

6. Определить общие тенденции в стихотворной сатире русского зарубежья и различия, обусловленные особенностями различных центров русского рассеяния, периодических изданий и идейно-художественными приоритетами авторов.

7. Выявить специфику сатирической поэзии русского зарубежья от момента ее формирования до середины 1920-х гг.

В соответствии с поставленными целями, задачами и спецификой материала нами применялись аналитический, описательный и сопоставительный методы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Центральное место в сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг. занимает политическая сатира.

2. Главными объектами стихотворной сатиры становятся большевики, европейские политики, готовые сотрудничать с советской властью, сменовеховцы. Поэты активно используют сатиру «на лицо», делая героями своих сатирических стихотворений конкретных политиков и подвергая гиперболизации их характерные черты.

3. В ходе процесса самоопределения русских за границей создается сатирический образ русского эмигранта. Сатира отображает борьбу различных политических групп внутри эмиграции, их идейное, социальное и эстетическое противостояние.

4. Сатирические поэты русского зарубежья обращаются к разным стихотворным жанрам: поэме, фельетону, перепеву, басне, частушке, загадке, эпиграмме и др.

5. Сатирическая поэзия отражает мироощущение, идейные позиции и эстетические установки не только конкретных авторов, но и широкой аудитории русских эмигрантов, на которых она ориентирована.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы (насчитывающего 356 наименований).

Первая глава «Стихотворная сатира русской эмиграции: города, издания, авторы» посвящена общему обзору положения, в котором оказались сатирики в изгнании. Дана характеристика ведущих эмигрантских изданий и роли, которую занимала в этих изданиях сатирическая поэзия, а также краткая характеристика творчества наиболее значимых поэтов-сатириков первых лет эмиграции.

Вторая глава «Сатирическое изображение большевиков» посвящена образу «типичного большевика», образам советских лидеров, сатирическому изображению внутренней жизни Советской России, а также изображению артистов и писателей, оставшихся в России. Выявлены ключевые мотивы, используемые поэтами.

Третья глава «Сатирическое изображение политиков стран Антанты» посвящена образам европейских политиков. Среди этих образов выявлен наиболее часто встречающийся в стихотворной сатире русского зарубежья первой половины 1920-х гг. образ конкретного политика — премьер-министра Британской империи Дэвида Ллойд-Джорджа, которому посвящен отдельный параграф. Ключевым мотивом при изображении политиков стран Антанты является мотив предательства.

Четвертая глава «Сатирическое изображение эмиграции» посвящена внутренней жизни эмиграции. В сатирических стихотворениях изображены тяготы типичного эмигранта, высмеивается наполненная иностранными словами русская речь эмигрантов, обличаются эмигранты, вставшие на пути сменовеховства. Среди сменовеховцев выделен образ А.Н. Толстого. Выявлены преобладающие при изображении эмиграции мотивы.

Результаты работы были **апробированы** на международных научных и научно-практических конференциях:

1. Комическое в русской литературе XX–XXI вв.: история и современность. 17–19 ноября 2020 г., ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва.

2. 1920-е и 2020-е: взгляд сквозь столетие. XXV Шешуковские чтения. 28–29 января 2021 г., МПГУ, г. Москва.

3. Международная научная конференция «Изучение жизни и творчества Н.А. Тэффи на современном этапе». 21 декабря 2021 г., ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва и Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Польша.

4. Международная научно-практическая конференция «XXVII Шешуковские чтения. Наследие научных школ кафедры русской литературы XX–XXI вв. Института филологии МПГУ». 27–28 января 2022 г., МПГУ, г. Москва.

5. Международная научная конференция «Творчество Н.А. Тэффи в России и за рубежом. Личность. Эпоха. Традиция. К 150-летию со дня рождения». 8–10 ноября 2022 г., ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва.

Положения диссертационной работы представлены в статьях, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Свиридов В.Ю. Образ большевиков в сатирической поэме Lolo «О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки)» / В.Ю. Свиридов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 59–63.

2. Свиридов В.Ю. Сатирический образ Ллойд-Джорджа в периодике русского зарубежья первой половины 1920-х годов / В.Ю. Свиридов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 7. — С. 2100–2104.

3. Свиридов В.Ю. Стихотворная сатира 1920 года в парижской газете «Последние новости» / В.Ю. Свиридов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2022. — № 5. — С. 104–113.

Глава 1. Стихотворная сатира русской эмиграции: города, издания, авторы

Основными центрами рассеяния русской эмиграции в первой половине 1920-х гг. стали Берлин, Константинополь, Париж, Прага, София, Харбин, а также страны, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи. Константинополь являлся первым местом беженства у многих эмигрантов. Крупнейшим центром русской эмиграции стал Париж. Там же с 27 апреля 1920 г. издавалась одна из наиболее популярных газет русского зарубежья — «Последние новости». С первого же номера, в котором был опубликован знаменитый рассказ Н.А. Тэффи «Ке фер?»[85], в газете важную роль играли сатирические произведения. Авторами сатирических стихотворений в парижском издании были Lolo, Дон-Аминадо, Н. Тасин (Н.Я. Коган), а также поэты, псевдоним которых раскрыть не удалось: Улисс, ЭН-ВЭ-ВЭ. В большинстве своем поэты-сатирики русского зарубежья первой половины 1920-х гг. скрывались за псевдонимами, в дальнейшем в диссертации они будут называться под теми псевдонимами, под которыми публиковались.

В первой половине 1920-х гг. сатирическая поэзия в «Последних новостях» публиковалась преимущественно в 1920–1922 гг., за эти годы было опубликовано 94 сатирических стихотворения. В 1923 г. на страницах парижской газеты помещено всего два сатирических стихотворения, в 1924 г. — четыре, а в 1925 г. в «Последних новостях» и вовсе не появилось ни одного сатирического стихотворения. Основными темами стихотворений становятся англо-советские переговоры, обличение стран Антанты, забывших свою союзницу — Россию, наследницей которой ощущала себя эмиграция, осуждение той части эмигрантов, которые готовы пойти на примирение с большевиками. Авторы использовали самые разнообразные жанровые формы: например, стихотворение Lolo «Потухающий вулкан»[86] написано в виде интервью; стихотворение Улисса

[85] Тэффи. Ке фер? // Последние новости. 1920. № 1. 27 апреля. С. 2.
[86] Lolo. Потухающий вулкан // Последние новости. 1920. № 112. 4 сентября. С. 3.

«Догадайтесь сами!»[87] состоит из загадок; произведение «La donna e mobile»[88] Дон-Аминадо пишет в форме письма; ЭН-ВЭ-ВЭ пишет «Злободневные частушки»[89]. В форме перепева написаны сатирические стихотворения «Альтернатива»[90], «Маскарад»[91], «У райских врат»[92], «Всем сестрам по серьгам»[93] (автор вышеперечисленных произведений — Lolo), «Кудесники»[94] (Улисс), «Монолог Ленина»[95] (Н. Тасин) и другие. Для перепева выбирались произведения, знакомые рядовому эмигранту, часто это были известные романсы или стихотворения выдающихся русских поэтов: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Это демонстрирует не только приверженность стихотворной сатиры русского зарубежья традициям дореволюционной русской поэзии и сатиры, но и включенность сатирической поэзии русского зарубежья в русло классической русской литературы, с которой эмиграция чувствовала неразрывную связь.

Париж часто называют столицей русского зарубежья 1920–1930-х гг., но в начале второго десятилетия XX века с Парижем соперничал Берлин. Д.Д. Николаев называет главную причину особой роли Германии в формировании русской эмиграции: «Германия оказалась наиболее подготовленной из европейских стран к наплыву русских беженцев — прежде всего потому, что в Германии уже было огромное число русских»[96]. За счет того, что «значительное число русских военнослужащих оставалось в немецком плену и после заключения мирного договора между Россией и Германией <…> именно в Германии, если не считать государств, образованных на отделенных территориях Российской

[87] Улисс. Догадайтесь сами! // Последние новости. 1920. № 52. 26 июня. С. 3.
[88] Дон-Аминадо. La donna e mobile // Последние новости. 1920. № 123. 17 сентября. С. 3.
[89] ЭН-ВЭ-ВЭ. Злободневные частушки // Последние новости. 1923. № 943. 19 мая. С. 3.
[90] Lolo. Альтернатива // Последние новости. 1921. № 313. 27 апреля. С. 2.
[91] Lolo. Маскарад // Последние новости. 1920. № 76. 24 июля. С. 3.
[92] Lolo. У райских врат // Последние новости. 1920. № 106. 28 августа. С. 3.
[93] Lolo. Всем сестрам по серьгам // Последние новости. 1921. № 218. 6 января. С. 3.
[94] Улисс. Кудесники // Последние новости. 1920. № 38. 10 июня. С. 3.
[95] Тасин Н. Монолог Ленина // Последние новости. 1923. № 1126. 23 декабря. С. 3.
[96] Николаев Д.Д. Русские периодические издания в Германии // Литература русского зарубежья. 1920–1940. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 174.

империи, была самая большая “русская” аудитория»[97]. Издательское дело занимало значительное место в жизни русского Берлина и было важным аспектом культуры русской эмиграции в начале 1920-х гг. В конце 1923 г., по словам А.Б. Цфасмана[98], в Берлине было 86 русских издательств. Там же с ноября 1920 г. выходила газета «Руль» под редакцией лидеров кадетской партии В.Д. Набокова и И.В. Гессена. По воспоминаниям последнего, в немецкой столице было возможно почувствовать «трепетное ощущение Петербурга»[99]. Для «Руля», как замечает А.М. Зверев, «было исключительно важно доказать, что после исхода из России духовная традиция не прервалась и что в изгнании она осталась глубоко национальной»[100]. Поскольку в издании «большое внимание уделялось русскому рассеянию на Балканах, в США, Балтии, Латинской Америке, Китае и др. странах»[101], оно получило распространение далеко да пределами Германии, а тираж быстро превысил 20 тысяч экземпляров. С газетой в разное время сотрудничали Lolo, А. Черный, Дон-Аминадо, Жак Нуар, Лери и другие. В общей сложности, до 1925 г. в «Руле» нами выявлено 72 сатирических стихотворения. В 1922 г. в газете перепечатывались отрывки из поэмы Лери «Онегин наших дней». Именно Лери является наиболее популярным автором сатирических стихотворений на страницах берлинского издания: из 72 стихотворений его перу принадлежат 32.

С наступлением в Германии экономического кризиса эмигранты начали покидать страну. Переселение было массовым: в 1924 г. в Германии насчитывалось 500 тысяч русских беженцев, а в 1926 — всего около 40 тысяч. Постепенно Берлин утратил свое значение крупного культурного центра русской эмиграции.

---

[97] Там же.
[98] Цфасман А.Б. «Русский Берлин» начала 1920-х годов: издательский бум // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34 (135). С. 103.
[99] Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. — Париж: YMCA-PRESS, 1979. С. 86.
[100] Зверев А.М. «Руль» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940): в 4 т. Т. 2. Ч. 2. Периодика и литературные центры / Гл. ред. А.Н. Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 235.
[101] Там же. С. 232.

Одним из самых заметных изданий русского зарубежья была также рижская газета «Сегодня». Издатели, отмечает Е.М. Трубилова, «открещивались от названия “эмигрантская газета”, поскольку не считали себя, уроженцев латвийской земли, и большинство своих читателей, не по доброй воле оказавшихся за пределами России, эмигрантами»[102], а своей задачей видели сохранение русской культуры. Газета поддерживала демократические идеи, А.В. Амфитеатров отмечал ее «твердую противобольшевистскую позицию»[103]. Главной причиной популярности газеты «Сегодня» Е.М. Трубилова называет литературный раздел, в котором публиковались и перепечатывались произведения ведущих писателей русского зарубежья, в том числе сатириков и юмористов: Аверченко, Тэффи, Дон-Аминадо, Жака Нуара, Лери и других. За 6 лет, с 1920 по 1925 г., «Сегодня» опубликовало 66 сатирических стихотворений, при этом в 1920 г. на страницах газеты появилось 26 стихотворений, из которых 11 являлись перепечатками. Поэты активно использовали жанр басни, в этом жанре написаны произведения «Конь»[104], «Петухи»[105], «Собаки»[106] Ал. Темного и «Мышь»[107] Владимира Некрылова. В 1921 г. рижская газета также поместила на своих страницах неоконченную сатирическую поэму анонимного авторства «Кому на Большевизии жить хорошо», а в 1922 г. перепечатала часть поэмы Лери «Онегин наших дней». После 1920 г. сатирических стихотворений в газете «Сегодня» было мало: в 1921 — 2, в 1922 — 7, в 1923 — 3, в 1924 — 4. Зато в 1925 г. в газете было помещено 24 сатирических стихотворения, правда, многие из них — отредактированные произведения Lolo, ранее уже публиковавшиеся в других изданиях.

Отметим, что рижское издание выпускало к своей газете два «приложения»: «Сегодня понедельник» и «Сегодня вечером», на страницах которых также

---

[102] Трубилова Е.М. Русские периодические издания в Латвии. Газета «Сегодня» // Литература русского зарубежья. 1920-1940. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 293

[103] Амфитеатров А.В. «Стена Плача» и «Стена Нерушимая». — Белград: Новое время, 1929. С. 126-127.

[104] Темный Ал. Конь // Сегодня. 1920. № 61. 14 марта. С. 1.

[105] Темный Ал. Петухи // Сегодня. 1920. № 76. 2 апреля. С. 2.

[106] Темный Ал. Собаки // Сегодня. 1920. № 65. 19 марта. С. 2.

[107] Некрылов В. Мышь // Сегодня. 1920. № 10. 14 января. С. 2.

помещали поэзию. В 1920 г. «Сегодня понедельник» опубликовало три сатирических стихотворения, из которых два являются перепечатками. В вечернем же «приложении» к газете «Сегодня» в 1925 г. появилось три сатирических стихотворения Жака Нуара.

Сатирические произведения на своих страницах публиковали журналы «Бич» (Париж) и «Зарницы» (Константинополь, София). В журнале «Жар-птица», как пишет Е.М. Трубилова, «поэзии отводилось не слишком много места»[108]. С 1922 г. в Берлине, а затем с 16 сентября 1925 г. в Париже издавалась газета «Дни». В 1922–1923 гг. «Дни» перепечатали на своих страницах поэму анонимного авторства «Кому на Большевизии жить хорошо». В 1925 г. в «Возрождении» (Париж) было опубликовано 20 сатирических стихотворений, а также стихотворный «Эмигрантский букварь» Lolo, первый номер газеты вышел в середине 1925 г. — 3 июня. В газете «Ревельские новости» (Таллин) хоть и публиковались стихотворения, однако сатирических среди них нами не выявлено. В Гельсингфорсе издание «Новая русская жизнь» публиковало сатирические стихотворения Али-Хана (А.И. Куприн), а «Русские вести» и «Новые русские вести» перепечатывали на своих страницах произведения Lolo и Лери. Так же стихи Lolo опубликованы в константинопольской газете «Русское эхо». На страницах пражской газеты «Славянская заря» публиковал сатирические стихотворения и поэму «Онегин наших дней» Лери.

Наиболее влиятельная русская эмигрантская газета Соединенных Штатов Америки — «Новое русское слово», редакция которой базировалась в Нью-Йорке. Газета была основана еще в 1910 г. и до 1920 г. выходила под названием «Русское слово». В начале 1920-х гг. газета имела просоветский характер и печатала материалы, в которых эмиграцию призывали вернуться в Россию. Но к середине второго десятилетия XX века редакция изменила политическое направление, поддерживая антибольшевистские позиции. На страницах нью-йоркской газеты публиковались и перепечатывались произведения Аверченко, Бальмонта, Бунина,

[108] Трубилова Е.М. «Жар-птица» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 2. Ч. 1. Периодика и литературные центры. / Гл. ред. А.Н. Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 211.

М. Горького, Жака Нуара, Зощенко, сатириков, скрывшихся под псевдонимами Чичиков и Игла, и других писателей. Именно Чичиков был наиболее плодовитым сатирическим поэтом «Нового русского слова» этого периода: в 1924 г. было опубликовано 4 его стихотворения, в 1925 г. — 22 сатирических стихотворения. Также, в 1925 г. «Новое русское слово» напечатало на своих страницах поэму Чичикова «Краткая энциклопедия нью-йоркских соотечественников».

В Китае в начале 20-х гг. XX столетия насчитывалось от 250 до 500 тысяч человек русского населения, однако эти цифры включают в себя граждан, которые проживали в Китае и до революции. Основными центрами рассеяния в Китае являлись города Харбин и Шанхай, в которых эмиграция печатала множество периодических изданий. Одна из газет, «Русский голос», издавалась в Харбине, ее первый номер вышел 1 июля 1920 г. Довольно часто она перепечатывала художественные произведения эмигрантов со страниц парижских и берлинских изданий. Но находилось место и для харбинских писателей, публиковались в газете С. Маманди (С.А. Поперек), А. Несмелов (А.И. Митропольский), А. Ачаир (А.А. Грызов) и другие.

Другая харбинская газета «Новости жизни» начала выходить еще до революции, в 1914 г. Газета существовала до 1927 г., в литературном отделе печатались произведения Сергея Алымова, К. Шелонского, а также множества поэтов под различными псевдонимами.

Одним из самых популярных харбинских изданий на русском языке была газета «Заря», которой Е.М. Трубилова дала эпитет «задиристая»[109], так как она задевала другие харбинские газеты и даже саму Москву. На ее страницах перепечатывались произведения Lolo, Аверченко, Жака Нуара, А. Черного и Тэффи, а также, вероятно, местных поэтов: Марка Фрянина, Коли Шило (Н.Д. Шилов).

Харбинская газета «Вперед», выходившая с февраля 1920 г. по 5 июня 1921 г. ежедневно, занимала просоветскую позицию. Сотрудники издания чаще

[109] Трубилова Е.М. Периодика Дальнего Востока. Харбин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 487.

всего пользовались псевдонимами, а литературный отдел был заполнен, как замечает Е.М. Трубилова, «низкопробными корявыми стихотворениями “политического” содержания»[110].

Отметим также газету «Свет» (Харбин), на страницах которой публиковались сатирические стихотворения поэта, подписывавшего свои произведения псевдонимом Кокойда.

Говоря о периодике Шанхая, необходимо выделить газету «Новая Шанхайская жизнь». Это было издание большого формата, выходившее на шести полосах и публиковавшее материалы не только из русского зарубежья, но и перепечатывавшее материалы из Советской России, причем эти перепечатки занимали значительную часть развлекательных разделов. Так, наряду с поэтами под псевдонимами Капитан Кук (В.С. Логинов), Харбинец, газета печатала стихотворения Демьяна Бедного, В. Лебедева и других.

Анализируя периодические издания Африки, в частности, русского Туниса, Е.Н. Ельцова отмечает, что издаваемые в Тунисе журналы носили локальный характер, были рукописными или напечатанными на машинке. В докладе «Комическое в периодических изданиях русской эмиграции в Тунисе (1920–1925)» на международной научной конференции «Творчество Н.А. Тэффи в России и за рубежом. Личность. Эпоха. Традиция. К 150-летию со дня рождения», проходившей в 2022 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Е.Н. Ельцова привела в пример журналы «Жили-были» (Бизерта, 1922), «Скорпион» (Бизерта, 1921), «Уютка» (Тунис, 1922).

Таким образом, сатирические стихотворные произведения публиковались в периодических изданиях всех крупных центров русского рассеяния. Главными изданиями русского зарубежья первой половины 1920-х гг., помещавшими на своих страницах сатирическую поэзию, были газеты «Последние новости» (Париж), «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига). Авторы публиковавшихся отдельно или в рубрике «Маленький фельетон» стихотворений откликались на широкий круг тем: от обличения режима большевиков до тоски по родине и тягот

[110] Там же. С. 483.

эмигрантской жизни. Среди авторов сатирических произведений были как широко известные в эмиграции поэты, чьи произведения перепечатывались в разных странах, так и писатели, знакомые лишь местной аудитории.

В начале 20-х гг. XX века в эмиграции оказались популярные поэты-сатирики дореволюционных лет: А. Черный, П.П. Потемкин, В.И. Горянский.

Петр Петрович Потемкин — один из авторов «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». До революции стихотворения Потемкина печатались в журналах «Водолаз», «Еж», «Комета», «Маски», «Ночь», «Рапира» и других. По выражению Л.А. Спиридоновой, Потемкин «с редким мастерством передавал поэзию будничного, обыденного»[111]. Октябрьскую революцию сатирик отверг и в ноябре 1920 г. с семьей уехал из Одессы в Бессарабию, а затем в Чехословакию. В 1923 г. в Берлине вышла книга стихов Потемкина «Отцветшая герань: То, чего не будет»[112], объединяющая произведения, опубликованные в России и созданные в эмиграции. В Праге он активно участвовал в литературной жизни эмиграции, занимался переводами чешских авторов. Однако, как отметила Л.А. Спиридонова, «его собственная поэзия давалась ему все труднее»[113]. В Праге поэт жил до 1924 г., после перебрался в Париж. В Париже Потемкин сотрудничал с газетой «Последние новости», которая в 1924 г. напечатала два его сатирических стихотворения «“Даешь” и “берешь”»[114] и «Ленин — остров»[115].

В 1924 г. комедия Потемкина «Дон Жуан — супруг смерти» была поставлена на сцене «Театра независимых» в Риме. По словам Л.А. Спиридоновой, «Хорошо изв<естный> сюжет звучал в ней довольно оригинально благодаря злободневным политич<еским> намекам и совр<еменным> репризам»[116]. Потемкин организовал в Париже «Русский

---

[111] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 22.
[112] Потемкин П.П. Отцветшая герань: То, чего не будет. — Берлин: З.И. Гржебин, 1923. — 135 с.
[113] Там же.
[114] П.П.П. «Даешь» и «берешь» // Последние новости. 1924. № 1305. 27 июля. С. 3.
[115] Потемкин. Ленин — остров // Последние новости. 1924. № 1317. 10 августа. С. 3.
[116] Спиридонова Л.А. Потемкин Петр Петрович // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 1. Писатели русского зарубежья / Гл. ред. А.Н.Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 323.

шахматный кружок», выступил автором девиза Международной шахматной федерации — «Gens una sumus», снялся в фильме «Казанова». Летом 1926 г. он работал над романом, писал оперетту. Однако 21 октября 1926 г. скоропостижно скончался в возрасте 40 лет. В некрологе Валентин Горянский писал: «Имя Потемкина наравне с блестящими именами Тэффи, Аверченко, Дон-Аминадо, Радакова и Саши Черного принадлежат к “Летучей Мыши” в такой же степени, как и к “Сатирикону”. <…> Жизнь Потемкина прервалась в самом расцвете его творчества, в тот момент, когда он перешел к крупным произведениям, как “Дон Жуан и Смерть”, включенное в репертуар “Летучей Мыши” в Париже»[117].

Еще один бывший известный сатириконец, оказавшийся в изгнании, — Александр Михайлович Гликберг, публиковавшийся, как правило, под псевдонимами Саша Черный и А. Черный. В годы Первой русской революции Саша Черный печатался в журнале «Зритель», сотрудничал с журналами «Альманах», «Маски», «Леший» и др. Первый поэтический сборник А.М. Гликберга «Разные мотивы», изданный в 1906 г. под настоящей фамилией автора, был запрещен. В 1908–1911 гг. Саша Черный «стал одним из поэтич<еских> лидеров в еженед<ельнике> “Сатирикон”»[118]. В это же время выходят его сборники «Сатиры» и «Сатиры и лирика». В 1918 г., не желая сотрудничать с большевиками, Саша Черный покидает Псков и перебирается в Литву. В 1920 г. он переезжает в Берлин, издает книги стихов: «Детский остров», «Жажда», переиздает сборники «Сатиры» и «Сатиры и лирика». Также поэт сотрудничает с газетами «Руль», «Сегодня», журналом «Сполохи», редактирует литературный отдел журнала «Жар-птица». В мае 1923 г. Саша Черный отправляется в Италию, однако уже в марте 1924 г. переезжает в Париж, где становится постоянным сотрудником журнала «Иллюстрированная Россия», печатается в «Последних новостях» и «Возрождении». В 1928 г. под его редакцией издан альманах для юношества «Русская земля». В 1931 г. он

[117] Горянский В. Петр Потемкин // Возрождение. 1926. № 513. 28 октября. С. 3.
[118] Спиридонова Л.А. Черный Саша // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 1. Писатели русского зарубежья / Гл. ред. А.Н.Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 432.

принимает участие в работе парижского «Сатирикона». Последние книги Саши Черного — «Несерьезные рассказы» и «Солдатские сказки».

Валентин Иванович Иванов, более известный под псевдонимом Валентин Горянский, — также сотрудник журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Не приняв Октябрьскую революцию, сатирик в 1918 г. уехал в Одессу. В 1920 г. Валентин Горянский эмигрировал, уплыв на корабле «Габсбург» из Одессы в Константинополь. Там на страницах журнала «Зарницы» он опубликовал поэму «Вехи огненные». Переехав в 1922 г. в Хорватию, Горянский сотрудничал с журналом «Младость» и выпустил книги сказок и детских рассказов. С 1926 г. поэт жил в Париже, помещал на страницах газет «Последние новости» и «Возрождение» маленькие фельетоны в стихах и прозе. Чаще всего, замечает Л.А. Спиридонова, это была «сатира на злобу дня»[119]. В 1931 г. в парижском «Сатириконе» печатались «Рассказы господина Тощенко», автором которых являлся Валентин Горянский. Последние произведения сатирика «Невская симфония» и «Парфандр и Глафира» были опубликованы уже после его смерти.

Однако наиболее активными в первой половине 1920-х гг. были поэты-сатирики, не столь известные в этом качестве до революции, как прославленные сатириконцы, — Lolo, Дон-Аминадо, Жак Нуар и Лери.

Lolo, настоящее имя которого Леонид Григорьевич Мунштейн, родился в 1867 г. в Екатеринославе. Стихи Lolo начал писать еще в студенческие годы, однако славу поэта-сатирика завоевал на рубеже веков, во время работы в московской газете «Новости дня», в которой опубликовал «св<ыше> тысячи фельетонов в стихах под общим загл<авием> “Страничка из письма”»[120]. В годы Первой русской революции получило известность сатирическое стихотворение Lolo «“Три пощечины” или “Ненасытный министр”»[121], обличающее министра внутренних дел П.Н. Дурново. В этот период он активно публиковался в

[119] Спиридонова Л.А. Горянский Валентин Иванович // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 1. Писатели русского зарубежья / Гл. ред. А.Н.Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 139–140.
[120] Чуваков В.Н. Лоло (Lolo) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 1. Писатели русского зарубежья / Гл. ред. А.Н.Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 246.
[121] Lolo. «Три пощечины» или «Ненасытный министр» // Стрелы. 1905. № 7. 22 декабря. С. 8.

сатирических журналах, таких как «Зарницы», «Сигнал», «Стрелы». Но необходимо отметить, что сатира отнюдь не единственное призвание Lolo, значительный отрезок своей жизни он был связан с театром, его пьесы ставили на сценах петербургских и московских театров. Н.А. Тэффи вспоминала: «Мы даже вместе написали оперетку “Екатерина Вторая”, шедшую с большим успехом в Москве, сколько мне помнится, в 18-м году. Очень нравились публике “минаевские” рифмы Лоло, на которые он действительно был мастер»[122]. Самый большой успех имела его пьеса «Вечный праздник», которую Дорошевич, по воспоминаниям Lolo, назвал «бокалом шампанского»[123]. В 1908 г. Lolo основал еженедельный театральный журнал «Рампа и жизнь». Уже в 1937 г., оценивая вклад Lolo в дореволюционную отечественную театральную жизнь, П.М. Пильский утверждал, что можно «написать даже монографию: “Л.Г. Мунштейн-Лоло как театральный деятель”»[124].

К приходу к власти большевиков Lolo отнесся негативно и эмигрировал через Одессу в Константинополь. В эмиграции он был художественным руководителем в театре сатиры и юмора «Маски», в котором его жена В.Н. Ильнарская входила в состав русской театральной труппы. С этим театром они, как писал А. Гольденвейзер, «объездили все центры беженства»[125]. Как автор стихотворений, в первую очередь сатирических, Lolo сотрудничал с газетами и журналами «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Последние новости», «Руль», «Сегодня». Его стихи перепечатывали на своих страницах газеты «Рижский курьер», «Виленское утро», «Эхо», «Русское слово» (Харбин), «Заря» и др. Как заметила Л.А. Спиридонова, «для целого поколения изгнанников стала лейтмотивом»[126] фраза Lolo из стихотворения «Пыль Москвы», написанного на о. Принкипо в феврале 1920 г.:

---

[122] Тэффи Н.А. Моя летопись. — М.: Вагриус, 2004. С. 317.
[123] Плещеев А. Старая дружба с театром (Беседа с Л.Г. Мунштейном-Lolo накануне его юбилея) // Сегодня. 1930. № 296. 26 октября. С. 4.
[124] Пильский П. Л.Г. Мунштейн-Lolo. К его 70-летию // Сегодня. 1937. № 72. 13 марта. С. 2.
[125] Гольденвейзер А. Л.Г. Мунштейн-Lolo // Новое русское слово. 1947. № 12946. 5 октября. С. 8.
[126] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 17.

Пыль Москвы на ленте старой шляпы

Я, как символ, свято берегу…

В 1922 г. в Париже отдельным изданием вышла сатирическая поэма Lolo «О черте лысом и о всех его присных. (Конец красной сказки)»[127], а в 1931 г. сборник «Пыль Москвы: Лирика и сатира»[128]. В том же 1931 г. Lolo стал участником третьего «Сатирикона» — парижского.

Весь беженский период жизни Л.Г. Мунштейн был верен идее непримиримости. В некрологе «Л.Г. Мунштейн-Lolo» А. Гольденвейзер отмечал, что на большевиков Lolo «в 1947 году смотрел такими же глазами, как в 1917»[129].

Аминад Петрович (Аминодав Пейсахович) Шполянский родился в Елисаветграде в 1888 г. Во время Первой мировой войны был солдатом, что нашло отражение в первой книге лирико-патриотических стихотворений «Песни войны», которую поэт издал под псевдонимом «Дон-Аминадо». Фельетоны Дон-Аминадо появлялись на страницах газет «Новь», «Раннее утро», «Утро России», и др. Пьесу Дон-Аминадо «Весна семнадцатого года», которая стала для него, по словам Л.А. Спиридоновой, «первым опытом политической сатиры»[130] в мае 1917 г. поставил на своей сцене Новый Театр П.В. Кохмановского. Октябрьскую революцию Дон-Аминадо отверг и решил покинуть родину. В январе 1920 г. он поселился в Париже, где начал печататься в «Последних новостях», «Свободных мыслях», редактировал детский журнал «Зеленая палочка», первый номер которого назвал «ударным»[131]. В 1921 г. в столице Франции был издан первый эмигрантский сборник стихотворений Дон-Аминадо «Дым без отечества», в котором преобладал мотив ностальгии по утраченной родине. Дарование А.П. Шполянского высоко ценили современники. В 1927 г. И.А. Бунин писал: «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже

---

[127] Lolo. О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки). — Париж: Франко-Русская Печать, 1922. — 24 с.
[128] Lolo. Пыль Москвы: Лирика и сатира. — Париж: б.и., 1931. — 200 с.
[129] Гольденвейзер А. Л.Г. Мунштейн-Lolo // Новое русское слово. 1947. № 12946. 5 октября. С. 8.
[130] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 253.
[131] Литература русского зарубежья. 1920–1940. Выпуск 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 415.

давно пора дать подобающее место его большому таланту — художественному, а не только газетному, злободневному»[132]. Стоит упомянуть и слова Д.П. Святополк-Мирского: «самый главный из прославившихся уже в эмиграции писателей, самый любимый, истинный властитель дум зарубежной Руси — Дон-Аминадо»[133]. В 1930-х гг. Дон-Аминадо, по выражению Л.А. Спиридоновой, «крупнейший сатирик русского зарубежья»[134]. Она отмечает, что заслугой Дон-Аминадо «является не только его сатира, продолжающая классич<ескую> традицию рус. лит-ры, но и пропаганда этой традиции в Европе: антология рус<ского> юмора «Смех в степи» — «Le rire dans la steppe» (P., 1927; совместно с М. Декобра)»[135]. В 1931 г. Дон-Аминадо один из виднейших участников парижского «Сатирикона». Его талант отмечали не только в эмиграции, но и на родине, московское издание «За рубежом» писало в 1934 году: «Дон-Аминадо является одним из наиболее даровитых уцелевших в эмиграции поэтов»[136]. Несмотря на то, что в начале 1920-х гг. А.П. Шполянский чаще подписывал свои произведения без дефиса — «Дон Аминадо», мы в данной работе будем использовать устоявшееся в литературоведении написание псевдонима «Дон-Аминадо».

В год Первой русской революции в кишиневском издании «Бессарабская жизнь» свой творческий путь начал Жак Нуар (Яков Вигдорович Окснер). Жак Нуар сотрудничал с журналом «Новый Сатирикон», в период Гражданской войны его стихотворения можно было встретить в журнале революционной сатиры «Бомба» (Одесса). Переехав в Кишинев, он работал в газете «Новое слово». В 1922 г. Жак Нуар перебрался в Берлин, печатался в «Голосе эмигранта», «Руле», сотрудничал с рижской газетой «Сегодня», выпустил стихотворные сборники «Сквозь дымчатые стекла» (1922), «Картонный паяц» (1923), «Лицом к Берлину»

---

[132] Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. — М.: Наследие, 1998. С. 263.
[133] Святополк-Мирский Д.П. Заметки об эмигрантской литературе // Евразия. 1929. № 7. 5 янв. С. 6.
[134] Спиридонова Л.А. Дон-Аминадо // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 1.: Писатели русского зарубежья / Гл. ред. А.Н.Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 157.
[135] Там же. С. 158.
[136] Горький М. Поэзия белой эмиграции // За рубежом. 1934. № 6. С. 10.

(1924), «Прищуренный глаз» (1925), «На сквозняке» (1927), несколько сборников стихов для детей. В рецензии на книгу «Прищуренный глаз» К. Риг. поставил Жака Нуара в один ряд с Сашей Черным, Lolo, Дон-Аминадо, Агнивцевым и писал, что в он «свой, признанный и любимый»[137] в небольшой семье русских стихотворцев-сатириков. В середине 1930-х гг. поэт поселился в Румынии, где сотрудничал с газетами «Наша речь» (Бухарест) и «Бессарабское слово» (Кишинев). Скончался в 1941 году.

Владимир Владимирович Клопотовский, известный под псевдонимом Лери, родился в 1883 г. в столице Российской империи. Согласно сведениям энциклопедического проекта «Русские Латвии»[138], которым занимается Институт русского культурного наследия Латвии, дебютный рассказ Клопотовского был подписан псевдонимом Владимир Весеньев и появился в газете «Юго-Западная Неделя» (Киев). Псевдоним Лери поэт впервые использовал в киевской газете «Последние новости», но славу острого и интересного фельетониста, пишущего на злободневные темы и оперативно отзывающегося на многие актуальные события, завоевал в Одессе, сотрудничая с крупнейшей южнорусской газетой «Одесский листок», в которой долго работал в качестве фельетониста. Некоторое время Лери жил в Петербурге, где входил в состав редакции «Биржевых ведомостей», после в Киеве, затем вновь в Одессе, из которой эмигрировал. В беженский период, пройдя маршрут Прага–Берлин–Париж, он обосновался в 1924 г. в Риге. В 1922 г. в Берлине отдельным изданием вышла поэма Лери «Онегин наших дней»[139]. В Латвии поэт стал постоянным сотрудником газеты «Сегодня», печатался в других латвийских региональных периодических изданиях и в берлинской газете «Руль», а также сотрудничал с журналом «Иллюстрированная Россия». Лери публиковал частями роман «Онегин с берегов Невы» на страницах газет «Сегодня» и «Сегодня вечером», а также поэму в стихах «Онегин в Каунасе» в каунасской газете «Эхо». Совместно с Lolo Лери выпустил большой сатирический альбом в стихах «Там!.. Картинки советского

[137] Риг К. Жак Нуар // Сегодня. 1925. № 2. 3 января. С. 7.
[138] Русские Латвии // URL: http://www.russkije.lv (дата обращения 01.04.2021).
[139] Лери. Онегин наших дней. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. — 157 с.

рая»[140]. Помимо сатирических стихотворений он писал скетчи, статьи, обзоры, эстрадные обозрения. Скетчи и обозрения Лери появлялись в репертуаре лучших русских сцен, а в Риге и вовсе «вошла в традицию русского театрального сезона постановка его злободневных пьес»[141]. Музыкальные комедии Лери проходили «каждый год в Театре Русской Драмы с неизменным успехом»[142]. Среди его многочисленных псевдонимов Н.В. Кононова называет «В. К., В., Весеньев, В. Весеньев — Кудряш, Кудряш, возможно, Зритель, Ирель»[143]. Б.А. Равдин предполагает, что «Лесной, Лесной В., Лесной Вл., Лесной Владимир»[144] тоже относятся к многочисленным криптонимам В.В. Клопотовского. Скончался В.В. Клопотовский 28 марта 1944 г. Газеты «Русский вестник» и «Новое слово» поместили на своих страницах некрологи, посвященные кончине сатирика и журналиста.

Всего, по данным ООН, к 1926 г. Россию покинуло свыше миллиона человек. Русские эмигранты считали, что они вывезли Россию вместе с собой, что именно они наследники русской культуры, обязанные сохранить традиции прошлого. Это подтверждают слова из статьи В. Сирина (В.В. Набоков) «Годовщина»: «В той особенной России, которая невидимо окружает нас, оживляет и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и никакой силы, кроме нашей совести»[145]. Само понятие «зарубежная Россия» впервые использовал Б.Э. Нольде[146] в 1920 г. В начале 1920-х гг. эмигранты, убежденные в том, что власть большевиков неминуемо падет, ожидали возвращения на родину в самом ближайшем будущем.

---

[140] Lolo, Лери. Там!.. Картинки советского рая. — Берлин: б.и., 1923. — 36 с.

[141] Б.п. 30-летие литературной деятельности В.В. Лери-Клопотовского (К завтрашнему юбилейному спектаклю в Театре Русской Драмы) // Сегодня. 1935. № 87. 28 марта. С. 8.

[142] Там же.

[143] Кононова Н. В. Географическое пограничье в статьях В. Клопотовского-Лери на страницах рижских газет «Сегодня» и «Сегодня вечером» за 1927 год // Сборник материалов Международных научных конференций в Риге (21.02–22.02.2013) и Пскове (05.12–07.12.2013), посвященных проблемам пограничья. — Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 86.

[144] Равдин Б.А. Роспись журнала «Для всех». Рига. 1944 // «Радость ждет сокровенного слова». Сб. науч. ст. в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. — Рига: Латвийский университет, 2013. С. 224.

[145] Сирин В. Годовщина // Руль. 1927. № 2120. 18 ноября. С. 2.

[146] Русская литература в эмиграции: сборник статей / Под. ред. Н.П. Полторацкого. — Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 26.

Сатирики поддерживали эти настроения. Так, среди задач писателей русского зарубежья Д.Д. Николаев называет поддержку эмигрантского читателя: писатель должен «уверить его в том, что Россия освободится от владычества большевиков, показать губительность революции и обреченность нового режима»[147].

[147] Николаев Д.Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 523.

Глава 2. Сатирическое изображение большевиков

Поскольку большую часть эмиграции в 1920-х гг. составляли люди, которые не приняли Октябрьскую революцию, одной из главных мишеней для сатириков русского зарубежья становятся большевики. Обличению и высмеиванию подвергаются как сами большевики, так и их союзники. Поэты создают образ «типичного большевика», наделяя его различными негативными чертами, которые они видели в большевизме, образы лидеров большевиков, выделяя их характерные черты, сатирически изображают жизнь в Советской России, а также артистов и писателей, оставшихся в стране и поддерживающих, по мнению эмигрантов, новую власть.

2.1 Сатирическое изображение «типичного большевика»

Типичным большевиком в изображении сатириков русского зарубежья является любой рядовой представитель советской власти: красноармеец, журналист подконтрольного большевикам издания, работник ЧК, человек, ставший большевиком после прихода советского режима к власти, либо причисляющий себя к большевикам еще до революции. Поэты-сатирики обличают коммунистов, подчеркивают их связь с Германией, сравнивают большевиков с инфернальными силами, высмеивают советские лозунги.

Образ молодого человека, решившего примкнуть к большевикам, создает Lolo в сатирическом стихотворении «Тот, кто быстро схватывает»[148], опубликованном 11 сентября 1920 г. на страницах «Последних новостей». Ключевыми мотивами стихотворения являются мотивы грабежа и предательства. Стихотворение построено в форме монолога женщины, приютившей «из жалости» мальчика. Увидев в нем «парня способного», она принимается за его образование:

Он десятками книги проглатывал;

[148] Lolo. Тот, кто быстро схватывает // Последние новости. 1920. № 118. 11 сентября. С. 3.

Обладая душой поэтической,

Все, что видел и слышал, он схватывал

С быстротою почти фантастической![149]

Для женщины занятия с талантливым парнем — это форма эскапизма, побега от ужасающей ее советской действительности:

Мы ушли от шальной повседневности,

От эксцессов, чинимых злодеями[150].

В одно из занятий молодой человек не сдерживает своей страсти по отношению к хозяйке квартиры:

Он схватил меня дерзко в объятия

С быстротою почти фантастической![151]

Последняя строка проходит рефреном через все стихотворение. Совершив насилие, герой сатиры покидает квартиру, «с улыбкой таинственной» посмотрев на драгоценности хозяйки. Женщина ожидала, что «мальчик редких способностей» вернется с раскаянием, прося прощения со слезами на глазах. Но он возвращается с солдатами для «обработки» квартиры:

И опять, все, что видел, он схватывал

С быстротою почти фантастической![152]

Поэт делает акцент на мотивах грабежа и неблагодарности. Как отмечает Б. Дземидок, «одна из главных целей сатирического произведения — “срывание всех и всяческих масок” и обнажение сути явлений»[153]. Lolo через частное, через конкретную ситуацию, показывает общее. Он обличает отсутствие моральных принципов у молодого человека, примкнувшего к большевикам. На гостеприимность хозяйки квартиры сатирический герой отвечает тем, что совершает над ней насилие, а затем предает ее доверие и возвращается, чтобы отобрать драгоценности.

---

[149] Там же.
[150] Там же.
[151] Там же.
[152] Там же.
[153] Дземидок Б. О комическом. — М.: Прогресс, 1974. С. 154.

Аморальность большевиков изображает и Али-Хан (А.И. Куприн) в стихотворении «Весна (в Совдепии)»[154]. Сатирическое произведение построено на противопоставлении: в каждой строфе первые две строки изображают естественность природы, а последние — самовластие советского режима. С первых строк поэт вводит мотив грабежа:

Ручьи вдоль улицы журчат.
Река взломала лед…
Сегодня с обыском солдат
Придет, иль не придет?..
Шумит весны зеленый шлейф,
Повсюду жизнь и свет…
Взломали в банке тещин сейф —
Брильянтов нет, как нет[155].

Али-Хан создает образ большевика, подчеркивает безнравственность служителей советской власти:

В природе праздник, карнавал…
Как весел детский крик!..
Вчера расстрелом угрожал
Мне пьяный большевик[156].

Несмотря на то, что завершающие строки стихотворения воспевают Советскую Россию, мы понимаем, что это восхваление носит саркастический характер:

Как горек нам твой черствый хлеб,
Забытый Богом край!..
Pardon!.. Да здравствует Совдеп!
Ура, коммунный рай![157]

---

[154] Али-Хан. Весна (в Совдепии) // Новая русская жизнь. 1920. № 40. 19 февраля. С. 3.
[155] Там же.
[156] Там же.
[157] Там же.

Мотив грабежа мы встречаем и в сатирическом стихотворении «Враз кончайте!», опубликованном 13 октября 1920 г. на страницах газеты «Свет»[158]. Харбинский поэт, скрывшийся за псевдонимом Я. А-н, не только обличает большевиков, но и указывает, откуда они пришли:

Как от немцев к нам пробрались
Стрекулисты,
Те, что важно назывались
Коммунисты[159].

Подчеркивая связь большевиков с немцами, Я. А-н продолжает традиции сатиры революционных лет. Как отмечает А.В. Репников в статье «1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников»: «В антибольшевистских карикатурах, помещенных в таких изданиях, как Бич, Стрекоза, Новый Сатирикон и др., Ленин обычно подавался как марионетка немцев»[160].

Изначально, как замечает сатирик, коммунисты толковали с народом о свободе и том, что будь они у власти «было б славно! Было б <…> все исправно!» Рабочие и крестьяне согласились с ними и нарядились в кумачи, но как только коммунисты «власть прибрали», они:

От свечи, иконы чтимой
Открестились,
За грабеж земли родимой
Ухватились[161].

Не только в безбожии, грабеже и обмане обвиняет автор коммунистов: когда им стало «скарба мало» — полилась кровь. Помимо мотива грабежа поэтом в стихотворение вводятся мотивы обмана и террора. В сатирическом стихотворении коммунисты уничижительно сравнивают людей с цыплятами:

---

[158] А-н Я. Враз кончайте! // Свет. 1920. № 435. 13 октября. С. 2.
[159] Там же.
[160] Репников А.В. 1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников // Россия XXI. 2017. № 1. С. 167.
[161] А-н Я. Враз кончайте! // Свет. 1920. № 435. 13 октября. С. 2.

Человек, мол, что цыпленок —

Режь людишек!

Мужичонок, и бабенок,

И детишек![162]

Кроме того, что кровожадные призывы «резать людишек» и «детишек» стоят в сильных позициях текста — в концах строк, поэт использовал деминутив для более яркого изображения беспощадности коммунистов, которые, по его мнению, готовы резать, как цыплят, не только взрослых людей, но и даже детей. Я. А-н вкладывает в уста коммунистам саркастическую фразу:

«В смерти, стало быть, свободу

Вы найдете!»

Сказ ведут они народу

При налете[163].

Однако сатирик не только предлагает «на стрекулистов взять управу» и расправиться с коммунистами, но и призывает к активным действиям:

Дни не ждут, настало время —

Враз кончайте!

С нивы отчей злое семя

Вырывайте![164]

Я. А-н изображает коммунистов хитрыми политиками, которые дав народу множество обещаний, не только отказались от их выполнения, получив власть, но и устроили грабеж и террор. Они представлены людьми, беспощадными к собственному народу.

В сатирическом стихотворении Лери «Чертова гибель (Святочное происшествие)»[165], опубликованном в конце 1922 г. в газете «Сегодня», ключевыми мотивами являются мотивы грабежа и нечистой силы. В начале стихотворения поэт вспоминает, что «когда-то в ночь под Рождество царило в

---

[162] Там же.
[163] Там же.
[164] Там же.
[165] Лери. Чертова гибель (Святочное происшествие) // Сегодня. 1922. № 291. 24 декабря. С. 6.

мире волшебство» и писатели ежегодно «строчили» к святкам рассказы о торжестве добра над злом. Но сейчас бесов нет, они «удрали» с лица земли, слово «удрали» подчеркивается с помощью лексического повтора:

Удрал нечистый в ад чуть жив,

Удрал, с позором уступив

Свое влиянье на земле

Лицу, засевшему в Кремле[166].

Таким образом, Ленин, который угадывается в «лице, засевшем в Кремле», изображен автором злее и ужаснее, чем сам черт. После этого вступления сатирик начинает рассказ о том, как большевики прогнали бесов. «Нечистый» исполнял свои обычные обязанности, пугал людей «чертовщиной», пытался «сбить прохожего с пути», но встретил красноармейца с винтовкой, который на свирепый крик черта только рассмеялся:

Брось валять, брат, дурака

И ступай за мной в че-ка![167]

Отметим, как Лери изображает красноармейца: он мало того, что не испугался черта, так еще и называет его «братом». Поэт тем самым роднит большевиков и силы зла. Изображая «чрезвычайку», автор вводит мотив грабежа:

А потом с бедняги сняли

Все ненужные детали

От цепочки до штанов,

Пояснив: «декрет таков!»

И остался бес в манишке.

А попутно, как излишки,

И бесовский капитал

Пан Дзержинский отобрал[168].

После этого бес отправляется к Вельзевулу, которому рассказывает про большевиков:

---

[166] Там же.
[167] Там же.
[168] Там же.

Есть совдеп теперь на свете —

Перед ним мы, черти, дети,

Победил чертей с хвостом

Черт бесхвостый — совнарком[169].

Бес признает, что черт «полный нуль» перед большевиком с винтовкой. Вельзевул, выслушав доклад, принимает решение закрыть «завод» чертей и ада на земле:

Если есть совдеп московский,

Закрываю ад чертовский![170]

Большевиков Лери изображает бесстрашными, они не испугались черта и обокрали его, но это бесстрашие происходит от того, что большевики, по мнению автора, еще хуже чертей.

А.В. Прохоренко среди образов большевиков в 1917 году выделяет образ «дебошира, <…> агитирующего на погромы лозунгами “Долой!”, “Бей!”»[171] Про использование лозунгов большевиками пишет и Д.Д. Николаев: «большевики вообще сделали использование “лозунга момента” одним из ключевых приемов в политической борьбе»[172]. В стихотворении «“Даешь” и “берешь”»[173] П.П.П. (это стихотворение мы атрибутируем как произведение Петра Петровича Потемкина), используя аллитерацию и ассонанс, высмеивает советские лозунги, которые для всего мира уже «большевистский трафарет»:

Все «даешь», даешь Варшаву,

Добролет и Доброхим,

Саву, Драву и Мораву,

Даже… Иерусалим[174].

---

[169] Там же.
[170] Там же.
[171] Прохоренко А.В. Революция и сатира. По материалам журналов и газет Петрограда за 1917 год в фондах Библиотеки Российской академии наук: библиографический обзор. — СПб.: БАН, 2020. С. 30.
[172] Николаев Д.Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 508.
[173] П.П.П. «Даешь» и «берешь» // Последние новости. 1924. № 1305. 27 июля. С. 3.
[174] Там же.

Но волею рока большевикам ничего не дается, отчего сатирик резюмирует, отсылая читателя к названию книги А.Т. Аверченко «Караси и щуки. Рассказы последнего дня», а также к сказке «Карась-идеалист» М.Е. Салтыкова-Щедрина: «стать ли щукой карасю». Завершается стихотворение игрой слов:

Ах, кричите вы: «даешь»,

А берете только… взятки[175].

Мотивы нечистой силы и разрушения звучат в стихотворении Жака Нуара «Сов-галоп»[176], опубликованном в конце ноября 1924 г. в газете «Руль». Поэт сравнивает большевиков с табуном. Начинается стихотворение с лексического повтора, создающего эффект бешеного движения стада лошадей:

Скопом, скопом,

Бешеным галопом,

Айда через ямы, айда через пни![177]

Как известно, лошади скачут галопом, когда им необходимо быстро преодолеть некую дистанцию. В стихотворении эти лошади, в которых угадываются большевики, планируют после скачки, как они сами заявляют, «жеребцами планетарно ржать», соответственно, их галоп можно трактовать как бег к мировой революции. О том, что речь идет именно о большевиках, становится ясно по следующим фразам: «Запусти в святыню трехэтажный “мат”; Кто не с нами — к стенке! Кто инако мыслит — к дьяволу в гамак; С гиком с кровью, с “красной нивой”, с “новью”»[178]. Весь этот «сов-галоп» в конце стихотворения прямо заявляет, куда он намерен доскакать:

Скопом, скопом,

Бешеным галопом

Через всю Европу, прямо к черту в пасть![179]

---

[175] Там же.
[176] Нуар Жак. Сов-галоп // Руль. 1924. № 1215. 30 ноября. С. 4.
[177] Там же.
[178] Там же.
[179] Там же.

Жак Нуар уподобляет большевиков дикой бешеной силе, которая грозит смести все со своего пути, рефрен усиливает это сравнение. Стихотворение можно рассматривать как предостережение Европе.

Мотивы грабежа и террора мы встречаем в стихотворении Чичикова «Еще бы!»[180], появившемся на страницах «Нового русского слова» 15 февраля 1925 г. Эпиграфом поэт берет новость, как он указывает, «из советских газет», где сказано, что «Карательным отрядом расстреляно 15 крестьян, не желавших платить продналога. Задержавшийся сначала сбор продналога начинает поступать вполне нормально»[181]. Сатирик яростно бичует большевиков, сочувствуя крестьянам:

Доведенные поборами
До злобы, до озверения,
Порасправились с «селькорами»[182].

Далее он рассказывает, как карательный отряд расстрелял «душ пятнадцать» и после этого газеты вышли с отчетом, повторяющим эпиграф. Автор заключает:

Не прибавил лишь Иуда,
Из советских прихлебателей,
Что налог тот был отобран
Вместе с жизнью обывателей[183].

Чичиков гневно называет автора новости, ставшей поводом к созданию стихотворения, «Иудой» и «прихлебателем», изображает советских корреспондентов лживыми, а большевиков безжалостными и жестокими. Они связываются сатириком с казнями собственного народа. Упоминание того, что налог был именно «отобран вместе с жизнью», вводит в стихотворение мотивы грабежа и террора.

---

[180] Чичиков. Еще бы! // Новое русское слово. 1925. № 4403. 15 февраля. С. 2.
[181] Там же.
[182] Там же.
[183] Там же.

В 1925 г. «Руль» публикует четыре стихотворения Lolo под общим заглавием «Великой вдовице»[184]. Во втором стихотворении повествование ведется от лица сотрудника ЧК, который описывает свой обычный день. Данное сатирическое произведение — перепев стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк», отрывок из которого Lolo берет эпиграфом. Чекист, изображаемый поэтом, не испытывает никаких угрызений совести по поводу своей работы. Сатирик делает акцент на мотиве террора:

С тех пор, как гений Ильича
Мне дал всеведенье чекиста,
Творю я дело палача
Безукоризненно и чисто[185].

Благодаря красочному описанию создается впечатление, что слуга большевизма гордится местом своей службы. Его рассказ о своих обязанностях наполнен иронией:

Пророчу каждому беду
И в душу каждую гляжу я,
В застенок ласково веду
Как призрак бледного буржуя[186].

Далее сатирический герой описывает различные применяемые им пытки: вырывание ногтей, ломание костей. Он получает от подобных действий истинное наслаждение и заявляет: «как упоительны забавы!». Чекист изображается поэтом безжалостным, кровожадным и корыстным. Lolo показывает, что несмотря на все идеалы, к которым на словах стремятся коммунисты, на деле их интересы вполне материальны: усердия сотрудника ЧК оценены по заслугам, на его руках «и кровь, и царские каменья».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в образе большевика в стихотворной сатире русского зарубежья 1920–1925 гг. выделяются негативные качества. Большевики связываются поэтами с безжалостностью, грабежом,

[184] Lolo. Великой вдовице // Руль. 1925. № 1302. 15 марта. С. 5.
[185] Там же.
[186] Там же.

кровожадностью, отсутствием морали, террором. Среди приемов, которыми пользуются поэты, мы встречаем аллитерацию, ассонанс, лексический повтор, сравнение. Сатирики активно используют сарказм. Главная черта типичного большевика в изображении сатириков русского зарубежья — стремление к разрушению. Преобладающими мотивами при изображении большевиков становятся мотивы грабежа, террора и нечистой силы.

2.2 Сатирическое изображение руководителей Страны Советов

Наряду с образом «типичного большевика» поэтами русского зарубежья была создана целая галерея сатирических образов вождей Советской России. Появление в качестве героев сатирических стихотворений лидеров большевиков чаще всего связано с событиями или новостными заметками, на которые реагировали писатели.

2.2.1 Образ В.И. Ленина

Образ В.И. Ленина в русской сатире создавался еще в революционные годы. После Октябрьской революции в изданиях, неподконтрольных большевикам, продолжает создаваться сатирический образ вождя Советской России. Создается он и стихотворной сатирой русского зарубежья.

20 июля 1920 г. был выпущен 12 номер журнала «Коммунистический интернационал». Журнал открывала статья М. Горького «Владимир Ильич Ленин»[187], в которой он заявлял, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым, и, несмотря на то, что «мещан это взбесит, многие товарищи усмехнутся, и весело захохочет сам Ленин»[188]. После публикации этой статьи сатирики начинают использовать в своих произведениях образ смеющегося Ленина. Первым его использовал Улисс в фельетоне «Смотр

[187] Горький М. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический интернационал. 1920. № 12. 20 июля. С. 1927.
[188] Там же.

дипломатов»[189], опубликованном 13 августа 1920 г. на страницах «Последних новостей». Фельетон обличает нерешительность европейских политиков по отношению к Советской России, эта нерешительность вызывает смех Ленина.

Lolo тоже использует образ смеющегося Ленина. 1 сентября в газете «Последние новости» публикуется стихотворение «L'homme, qui rit»[190], название которого отсылает к роману Виктора Гюго «Человек, который смеется». Эпиграфом Lolo берет фразу «…Он любит и умеет хохотать!», подписывая, что она «Из статьи Горького о Ленине». Поэт изображает тяготы жизни в Советской России, бедность, голод и террор, и на фоне всего этого в каждой строфе упоминается смеющийся Ленин. Голодная жизнь простого народа противопоставляется сытой жизни председателя Совнаркома:

— Мышь! — Крыса!.. Разбрызгавши грязь,
На «пищу» бросаются люди…
А Ленин смеется, мирясь
С индейкой на царственном блюде!..[191]

Даже тот ужасающий факт, что «Москва превратилась в погост», не может остановить смех Ленина, который сравнивается со смехом маленького ребенка: «смеется, как бэби…» Чем ужаснее вещи изображаются в стихотворении, тем сильнее смеется Владимир Ильич, сатирик вводит мотив террора: «кровавый приказ» Л.Д. Троцкого казнить население вызывает у Ленина хохот «до колик».

После расстрелов в ЧК, которые также вызвали приступы смеха у вождя мирового пролетариата, автор противопоставляет изображаемую советскую действительность смеющемуся Ленину:

Упитана кровью земля, —
И ворон над трупами вьется…
А Ленин в чертогах Кремля
Готовит декрет — и смеется!..[192]

---

[189] Улисс. Смотр дипломатов // Последние новости. 1920. № 93. 13 августа. С. 3.
[190] Lolo. L'homme, qui rit // Последние новости. 1920. № 109. 1 сентября. С. 3.
[191] Там же.
[192] Там же.

В конце стихотворения Lolo использует параллелизм, подчеркивающий, что беды России связаны именно с лидером большевиков:

Устали мы верить и ждать,

Что рушится царство Паяца, —

Что он перестанет смеяться,

А Русь перестанет рыдать!..[193]

Жизнь в Советской России изображена в этом стихотворении невыносимой: население испытывает нехватку продовольствия, расстрелы в столице начинаются с самого раннего утра («…чуть забрезжит рассвет, расстрел…»). Поэт обличает Ленина как причину страданий России и ее населения. В стихотворении Ленин смеется над самыми ужасающими вещами, отчего создается образ кровожадного лидера большевиков, которому доставляют удовольствие страдания собственного народа.

В 8 номере парижского журнала «Бич» было опубликовано стихотворение «Святой»[194] Евг. Захарова. Поэт, откликаясь на статью М. Горького, в которой тот назвал Ленина святым, заявляет со злобной иронией, используя игру слов:

А я, изгнанник злой и тощий,

Теперь живу одной мечтой:

Чтоб этот так сказать «святой»

Скорее обратился… в мощи![195]

Яростно бичует Ленина Лери в стихотворении «Огородник»[196], опубликованном на страницах «Руля» 16 июля 1922 г. Поводом к созданию стихотворения послужила новость о том, что Ленин занялся огородничеством, которую поэт берет эпиграфом. Автор удивляется подобным новостям и иронично называет Ленина «новейшим от совдепа Цинциннатом». Иронией наполнено все стихотворение:

Огурец сменил винтовку…

---

[193] Там же.
[194] Захаров Евг. Святой // Бич. 1920. № 8. С. 13.
[195] Там же.
[196] Лери. Огородник // Руль. 1922. № 494. 16 июля. С. 5.

Вижу — рай:

Вот пасет себе коровку

Коллонтай

Рвет цветочки на покое

Для венка

Наше «сердце золотое»

Из че-ка[197].

Троцкий в этой новой обстановке «трудится за сохой», а народ радуется, что «вместо надписи надгробной — огород». Сатирик саркастически заявляет, что «Ильич» соберет обильный урожай, поскольку «поливал землю кровью». Пролитая кровь вводит мотив террора. Лери бичует лидеров большевиков и Ленина как их предводителя, и показывает, что никакие новые занятия, даже самые миролюбивые, не скроют кровожадную сущность большевиков.

Подвергается осмеянию председатель Совнаркома СССР и в стихотворении Н. Тасина «Монолог Ленина»[198], опубликованном 23 декабря 1923 г. в «Последних новостях». Сатирическое произведение перепевает монолог царя, входящего в царские палаты, из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Эпиграфом поэт берет сообщение Каменева: «Есть надежда, что к тов. Ленину скоро вернется способность речи»[199]. Как и Борис Годунов в произведении Пушкина, у Н. Тасина вождь Октябрьской революции рассуждает вслух сам с собой: он седьмой год царствует над Русью, однако счастья в его душе нет. Как известно, в трагедии царь думал снискать любовь народа щедротами и успокоить его во славе и довольствии. Ленин же избирает для этих целей следующие методы, которые создают комический эффект своей абсурдностью:

…Я думал свой народ

В объятьях диктатуры успокоить

И с помощью че-ка любовь его снискать[200].

---

[197] Там же.
[198] Тасин Н. Монолог Ленина // Последние новости. 1923. № 1126. 23 декабря. С. 3.
[199] Там же.
[200] Там же.

Упоминание ЧК вводит в перепев мотив террора. Находит особый способ лидер большевиков и для борьбы с «гладом», терзающим родину:

Я продналог им дал, я горы
Дензнаков, не жалея, им печатал,
Я выписал для них из Англии Дункан,
Я рассылал во все концы России
Отряды агитаторов искусных,
Везде я всюду насажал им комячеек,
Нещадно я травил с-ров и с-деков
И много их, народ потешить
Дзержинский расстрелял в подвалах Вечека[201].

Сравнение методов, которыми царь и председатель Совета народных комиссаров пытаются оказать помощь народу, создает комический эффект. Мечтая найти отраду в РКП, Ленин заявляет, что вокруг него «бездарности иль плуты», после чего начинает перечислять людей и их недостатки. Этими «бездарностями и плутами» оказываются первые лица Советского государства:

Глядеть противно, как на сцене мировой
Фиглярствует, гримасничая, Троцкий,
Как спесью надувается Зиновьев,
Плохой паяц в провинциальном цирке,
Как передергивает карты Карл Радек
И мечется в истерике Бухарин,
Крича как попугай: «Левей! Левее!»
Ну, кто ж еще? Чичерин? Луначарский?[202]

Сатирический герой полагает, что спасти его может только НЭП, тем не менее, он допускает, что может ошибаться. В таком случае остается только «бежать, бежать, минуты не теряя»:

Но… рад бежать, да некуда… Ужасно!

[201] Там же.
[202] Там же.

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста[203].

В стихотворении Н. Тасина Ленин изобличает самого себя.

Изобличают себя и сатирические герои стихотворения Lolo «Анкета»[204]. Стихотворение написано в форме беседы трех деятелей Советской России: Л.Д. Троцкого, В.И. Ленина и Ю.В. Стеклова, которые излагают свои методы решения проблемы голода в стране. Троцкий изображен автором кровожадным и агрессивным человеком «военной складки». Его идея проста: «раз-два — и в битву без оглядки». Захват Бессарабии и Польши под «лейтмотив звонких пушек», по мнению народного комиссара по военным и морским делам, поможет Советской России получить хлеб. Троцкий в данном случае олицетворяет собой кровожадную сущность большевиков, изображаемых сатириком. Иной подход предлагает Ленин:

Не лучше ль с помощью Максима

Сердца гуманные раскрыть?[205]

Стихотворение опубликовано в августе 1921 г., Lolo обыгрывает обращение М. Горького «Ко всем честным людям» от 13 июля 1921 г., в котором тот призывал оказать помощь России в борьбе с голодом. Поэт изображает Ленина лицемерным политиком. Он раскрывает читателю план председателя Совнаркома и с помощью анафоры противопоставляет поступки «белой банды» и большевиков:

Мы примем дар, но с белой бандой

Мы расквитаемся тотчас:

Покормят белым хлебом нас,

А мы их — красной пропагандой[206].

Но и Троцкого, и Ленина превосходит в своей циничности редактор газеты «Известия ВЦИК» Стеклов, предлагающий вообще ничего не предпринимать.

---

[203] Там же.
[204] Lolo. Анкета // Последние новости. 1921. № 401. 7 августа. С. 2.
[205] Там же.
[206] Там же.

Главная задача — сохранение власти, «продленье наркомдержавья и Чека», а не борьба с голодом. Равнодушный к собственному народу Стеклов заявляет:

Пусть будет смертность исполинской,

Но уцелеет пять голов:

Владимир Ленин, пан Дзержинский,

Зиновьев, Троцкий и Стеклов[207].

Если Троцкий в стихотворении олицетворяет собой кровожадную сущность большевиков, то Ленин и Стеклов — лицемерие и безжалостность, соответственно. Если объединить Троцкого, Ленина и Стеклова, получится поистине ужасающий образ большевиков. Ради сохранения власти они готовы идти на любые меры, вплоть до истребления народа собственной страны.

Отметим, что после смерти Ленина его образ не исчезает из сатирической поэзии русского зарубежья. Так, в 1924 г. мы встречаем образ Ленина в стихотворении Lolo «Предел»[208]:

Мне все равно, что в пышном склепе Ленин

Уже смердит, утратив всю красу…[209]

Возникает образ Ленина и в конце 1925 г. в стихотворении Путти «Предмет ввоза в СССР»[210]:

В мавзолей улегся Ленин

Успокоился Есенин,

Попритихла Коллонтайка;

Не устала ль грабить шайка?[211]

---

[207] Там же.
[208] Lolo. Предел // Руль. 1924. № 1085. 1 июля. С. 2.
[209] Там же.
[210] Путти. Предмет ввоза в СССР // Руль. 1925. № 1541. 25 декабря. С. 4.
[211] Там же.

2.2.2 Образ Л.Д. Троцкого

Создан стихотворной сатирой русского зарубежья первой половины 1920-х гг. и образ главного идеолога мировой революции Л.Д. Троцкого. Стихотворение Lolo «Четверть (в альбом дорогим “товарищам”)»[212] обличает отношение большевиков к собственному народу. Ключевыми мотивами здесь являются мотивы голода и смерти. Поводом к созданию сатирического произведения становятся слова из речи Троцкого, которые поэт берет эпиграфом: «Три четверти пусть умрут от голода и холода, но остальные будут жить во славу всемирной революции»[213]. Троцкий изображен воинственным, жестоким и лживым, что подчеркивается сравнением «яркий, как кровь, монолог»; эпитетом «огнедышащий Троцкий»; а также описанием речи Троцкого:

Сколько лжи, каннибальских острот

Пролилось из разверзнутой пасти![214]

Автор изображает социальное неравенство, которое, по его мнению, царит в Советской России: выделенная Троцким четверть «любимцев фортуны», которая должна остаться в живых, «объедается во славу коммуны», пока остальные «во славу коммуны» умирают от голода. Оправдывает такое разделение народа и советская периодика: «“Правда” в цикле правдивых статей», как иронизирует поэт, заявляет:

Смерть каких-нибудь трех четвертей —

Это, в общем-то, вовсе немного![215]

Использование литоты усиливает сатирический эффект. Использует сатирик и омонимичную рифму:

Наша четверть сильна и смела

<…>

«Правда» все предрассудки смела[216].

---

[212] Lolo. Четверть (в альбом дорогим «товарищам») // Последние новости. 1920. № 158. 28 октября. С. 2.
[213] Там же.
[214] Там же.
[215] Там же.

В избранную четверть попадают первые лица советского государства: В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, а также «поющий в бреду» Ф.И. Шаляпин, который в это время воспринимается эмиграцией как предатель. Ленин, как замечает автор, «весел и беспутен». Все они, как и «рать коммунаров», не хотят умирать «даже в честь и во славу Коммуны!»[217] Эта строка проходит рефреном через все стихотворение. За счет используемой поэтом лексики образ Троцкого в стихотворении скорее напоминает кровожадное чудовище, а не человека. Остальные лидеры большевиков удостаиваются простого упоминания, Ленин в очередной раз изображается жизнерадостным и веселым.

5 февраля 1925 г. Чичиков публикует в «Новом русском слове» четыре стихотворения под общим заглавием «Рифмы дня»[218]. Второе стихотворение, не имеющее заглавия, высмеивает постоянные заметки газет о состоянии здоровья Троцкого. Так, на вопросы друзей о самочувствии Троцкий отвечает:

Ей, ей, не знаю я

Я не читал еще сегодняшней газеты[219].

Изображает социальное неравенство и Михаил Чехонин в стихотворении «Вставай, проклятьем заклейменный!»[220] В сатирическом произведении Троцкий представлен воинственным человеком: как только до него доходит «всеобщий дым восстаний», он собирает депутатов, излагает свой план, садится в поезд и запевает Интернационал, первая строчка которого и является заглавием стихотворения. Поэт выносит мотив террора на первый план: прибыв в Саратов, Троцкий «пускает в расход» повстанцев, а затем, как иронизирует сатирик, оставшимся говорит «штук двадцать пять речей». Саркастически изображается и военный быт большевиков: Троцкий, приказав солдату «будить всех рано», угощает его денатуратом. Утром солдат задается вопросом, как ему обратиться к Троцкому:

---

[216] Там же.
[217] Там же.
[218] Чичиков. Рифмы дня // Новое русское слово. 1925. № 4393. 5 февраля. С. 2.
[219] Там же.
[220] Чехонин М. Вставай, проклятьем заклейменный! // Новое русское слово. 1925. № 4359. 2 января. С. 2.

Назвать величеством опасно…

Теперь величеств нет у нас.

Товарищ, тоже не согласно…

Уж слишком чином он горазд[221].

Но «воин красный» находит довольно оригинальный выход из создавшегося положения, стуча прикладом в дверь наркома:

«Вставай, проклятьем заклейменный»,

Он звучным басом закричал[222].

Михаил Чехонин изображает Троцкого кровожадным и воинственным: связывает его с расстрелами и смертью. Высмеивает автор и красноармейцев, которые пьют «денатурат», и внутренний уклад жизни большевиков: солдат боится обратиться к старшему по званию словом «товарищ».

2.2.3 Образ Г.Е. Зиновьева

В октябре 1920 г. на съезде Независимой социал-демократической партии Германии в Галле председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев произнес 4-часовую речь, после которой часть «независимых» примкнула к немецким коммунистам. Это событие становится поводом к созданию сатирического стихотворения Lolo «Зиновьев»[223], обличающего советского политика. Для эпиграфа автор берет знаменитые строки А.А. Фета:

Ряд волшебных изменений

Милого лица…[224]

Начинается стихотворение с «утра Свободы», Февральской революции, изображенной в положительных красках, что подчеркивается использованием метонимии:

Русь проснулась

---

[221] Там же.
[222] Там же.
[223] Lolo. Зиновьев // Последние новости. 1920. № 161. 31 октября. С. 3.
[224] Там же.

<…>

Ей, ликующей…[225]

Именно тогда в Россию смог вернуться «тощий, худосочный и жалкий» Зиновьев. Поэт вводит мотив лжи: вернувшись, Зиновьев начинает «врать чепуху». Это вранье увенчалось приходом к власти большевиков, Октябрьской революцией, которую сатирик изображает негативно:

«Чепуха» увенчалась пожаром,

Неизбывным, кровавым кошмаром,

Рокового, как смерть, Октября![226]

Стихотворение написано спустя три года после революционных событий семнадцатого года. Lolo, оглядываясь назад, задается риторическим вопросом:

Миновали три года печали

(Не тринадцать, не двадцать ли три?)[227].

Зиновьев за это время кардинально изменился, поэт уверен, что «мы б его не узнали», и иронично предлагает посмотреть его портрет «в Journal'е»: «Если ты не брезглив, посмотри!» Описывая успехи на политическом поприще «сытого и упитанного» большевика, Lolo использует эпифору и игру слов:

Всей Европе пожаром грозит он,

«Независимым» сделал визит он, —

Чтоб зависели все от него![228]

В конце стихотворения для изображения председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов используются следующие характеристики: «вождь голытьбы подневольной», «надменный, довольный злой болтун», «сытый ворон голодной земли», «прожорливый ворон», «убийца и вор». Зиновьев наделен самыми негативными чертами и пороками. Помимо мотива лжи, в конце стихотворения мы встречаем мотив смерти: российского

[225] Там же.
[226] Там же.
[227] Там же.
[228] Там же.

революционера сатирик называет убийцей, а советское государство — «российским погостом».

В стихотворении «Зиновьев и “селькоры”»[229], опубликованном в «Новом русском слове» 31 декабря 1924 г., Чичиков изображает социальное неравенство в Советском Союзе. Селькоры, поскольку простой народ их бьет, объединились и пошли искать защиты у Зиновьева. Их речь насыщена глаголами действия, также используется омоним:

Нету силы! убивают!

Словно заяц ты косой,

Палят. В землю зарывают,

Бьют лопатой, бьют косой…[230]

Речь Зиновьева полна комизма, он просит селькоров подождать, потому что как только советская власть «перережет всех буржуев», то «настанет благодать»; самих же селькоров член Политбюро обещает «записать в святцы» и поставить им мавзолей «рядом с Ленинским», который станет могилой «всех святых». Чичиков создает комический эффект с помощью несоответствия: речь одного из руководителей страны, которая борется с религией, насыщена церковной терминологией. Изображение жалобы Зиновьева на синяк на фоне жалоб селькоров также создает комический эффект:

И меня на днях побили,

Разве слово я сказал?

Я терплю, хоть это скверно,

Но меня не гложет грусть —

И во славу коминтерна

Пусть меня колотят! Пусть!..[231]

Чичиков завершает стихотворение изображением досуга партийного руководителя, чем лишний раз подчеркивает социальное неравенство в СССР:

Так сказав родимым деткам,

---

[229] Чичиков. Зиновьев и «селькоры» // Новое русское слово. 1924. № 4357. 31 декабря. С. 2.
[230] Там же.
[231] Там же.

Он волос поправил клок —

И поехал к шансоньеткам

На обычный «файф о клок»[232].

Обличается Зиновьев и большевистская власть в стихотворении «Три Гришки»[233], автор которого подписался Черный Михал. Сатирик изображает трех Гришек, о которых сказано в заглавии: Отрепьева, Распутина и Зиновьева. Отрепьев «раздоров сеял семя», но «он исчез, его забыли». Распутин «также сеял зло». Третий Гришка принес России, по мнению автора, «раздоры, кровь и злобу». Бичует сатирик и большевиков, которых иносказательно называет «власть тьмы», вводя мотив нечистой силы. Завершается стихотворение убеждением, что Зиновьев пропадет, как и предыдущие два «Гришки»:

Поступим с этим, как с чумою —

Их раздавим всех, как мух[234].

Отметим, что Черный Михал уверен в конечном успехе борьбы против советского режима: Зиновьев и большевики не пропадут сами по себе, а их «раздавят».

2.2.4 Образы советских дипломатов: А.М. Коллонтай, Л.Б. Красина, М.М. Литвинова, Х.Г. Раковского, Г.В. Чичерина

В начале 1920 г. М.М. Литвинов вел в Копенгагене переговоры с Англией об обмене пленными. Эту встречу обыгрывает М.К. Айзенштадт, стихотворение которого «Золото в скобках»[235] было опубликовано в газете «Сегодня» 17 февраля 1920 г. Сатирическим героем стихотворения является Литвинов, мечтающий «о совдепах мировых». Он едет в Копенгаген и в дороге погружается в мысли. Тут и мечты об уничтожении «белых», и размышления «о поддельных ассигнациях»:

О, прием этот бесценен…

---

[232] Там же.
[233] Черный Михал. Три Гришки // Новое русское слово. 1925. № 4402. 14 февраля. С. 2.
[234] Там же.
[235] Айзенштадт М.К. Золото в скобках // Сегодня. 1920. № 39. 17 февраля. С. 1.

Обождите только год, —

И наш вождь, великий Ленин,

В красный рай вас приведет!

<…>

Нам же много реквизиций,

Ах, как много предстоит…[236]

Автор вводит мотив грабежа: используя лексический повтор, он акцентирует внимание читателя на огромном количестве будущих реквизиций. На этом поэт завершает стихотворение:

Так в мечтах об общем благе,

Он, среди словесных сеч,

Едет грозно в Копенгаген

Мировой пожар зажечь[237].

Литвинов изображен большевиком, свято верящим в идею мировой революции: он едет в Копенгаген зажечь мировой пожар, уверен, что через год настанет «красный рай», думает о будущих реквизициях. При этом прямо какими-либо негативными чертами советский лидер не наделен. Отметим, что ускорить «конец белых» Литвинову должен помочь Л.Б. Красин, о котором тот отзывается «мой наставник и “отец”».

10 апреля 1922 г. в Генуе открылась международная конференция, на которую были приглашены большевики. Этот факт вызвал недовольство в среде эмиграции. Большая часть эмиграции считала, что «большевики не могут представлять русский народ, поскольку отстаивают не его, а свои интересы»[238]. Высказывались предложения отправить на конференцию представителей от русских эмигрантов. «Последние новости» выступали против, аргументируя свою позицию тем, что эмиграция не должна иметь никакого отношения к решениям и договорам, которые могут связать ее и большевиков. «Руль» выражал опасения,

---

[236] Там же.
[237] Там же.
[238] Урядова А.В. Генуэзская конференция и русская эмиграция // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 140.

что советские делегаты обеспечат в Генуе международное признание большевиков. Газета «Сегодня» писала о том, что результатом конференции станет «либо капитуляция большевиков, что маловероятно, либо окончательное разочарование в советском миролюбии»[239]. 14 апреля 1922 г. в газете «Руль» публикуется заметка «Досуги советских делегатов»[240], в которой рассказывается о том, что советские делегаты стали завсегдатаями ресторана «де Феррари», где танцуют фокстрот. Лери довольно быстро откликается на это событие: стихотворение «Генуэзский фокстрот»[241] было опубликовано уже 16 числа. Через все стихотворение проходит мотив танца. Лери изображает советских делегатов богатыми и обеспеченными людьми:

В ресторане де Феррари,
Отдыхая от забот,
Пляшет русский пролетарий
С итальянкою фокстрот.
На руке горят караты,
Спрятан мрачный револьвер —
Веселятся делегаты
Красной Р.С.Ф.С.Р.[242]

На столе «ведро с шампанским исчезает за ведром», а Г.В. Чичерин «млеет в па американском». Все это, как иронично замечает Лери, происходит по приказу Ленина. В танце дама задает Чичерину вопрос о голоде в Советской России, нарком по иностранным делам РСФСР отвечает, что это выдумки врагов, ведь у советских делегатов бриллианты, а «макароны и кианти» им дают сорок раз в день. Подобные речи Чичерина в произведении Лери соблазняют молодую итальянку, которая «подругою чекиста стала <…> в ту же ночь». Чичерин изображен человеком, перед которым нет никаких преград, но сделано это, чтобы

[239] Б. Эм. Генуя // Сегодня. 1922. № 82. 1922. 9 апреля. С. 1.
[240] Б.п. Досуги советских делегатов // Руль. 1922. № 430. 14 апреля. С. 3.
[241] Лери. Генуэзский фокстрот // Руль. 1922. № 431. 16 апреля. С. 11.
[242] Там же.

обличить европейских политиков. Поэт завершает стихи риторическим вопросом, оправдывая «монну»:

И возможно ль быть ей тверже
С гостем сказочной земли,
Если сам Барту с Ллойд-Джорджем
С ним себя не соблюли?!..[243]

Мотив танца мы встречаем и в стихотворении Lolo «Нуль — в итоге»[244], опубликованном 30 мая 1922 г. в «Последних новостях». Поэт подводит итоги Генуэзской конференции и майских событий на политической арене, обличает как европейских политиков, так и большевиков. Стихотворение поделено на пять строф, каждая из которых составляет законченный сюжет. В первой строфе Ллойд-Джорджу и Луиджи Факта практически удалось договориться с Советами о «светлом Пакте», в котором угадывается пакт о ненападении, однако Троцкий, мечтающий добиться торжества и залить Европу кровью, выступает против. Он изображен воинственным и жестоким. Во второй строфе Lolo вводит мотив лжи, она посвящена лицемерию большевиков, в частности Х.Г. Раковского. О лицемерии Раковского сатирик заявляет без каких-либо околичностей и прикрытий:

Уверял Раковский прессу
Лицемерным тенорком,
Что к свободе и к прогрессу
Устремился Совнарком[245].

Как и в сатирическом произведении Lolo «Genova la superba»[246], в монологе, вложенном в уста советского делегата, отрицаются казни, которых «не бывает на Руси». Более того, как утверждает Раковский, в Советской России «в почете снова Вера, Собственность и Слово <…> “Собираться” (на дому) не мешают никому».

[243] Лери. Генуэзский фокстрот // Руль. 1922. № 431. 16 апреля. С. 11.
[244] Lolo. Нуль — в итоге // Последние новости. 1922. № 649. 30 мая. С. 3.
[245] Там же.
[246] Lolo. Genova la superba // Последние новости. 1922. № 626. 30 апреля. С. 2.

Поэт саркастически высмеивает лживые, по его мнению, заявления большевиков о свободе стачек и вероисповедания.

В третьей строфе Lolo противопоставляет уверениям Раковского высказывания Ленина. 23 апреля 1922 г. В.И. Ленину была проведена операция — профессор Борхардт извлек пулю, оставшуюся после покушения 30 августа 1918 г. В стихотворении после операции «Ильич, с изъятьем пули, встал на прежние ходули». Он начинает наставлять пролетариев на истинный путь:

Право собственности — бредни,

Право нищенства — безвредней[247].

«Право собственности» противопоставляется «праву нищенства», а анафора и звукопись усиливают комический эффект.

23 февраля 1922 г. ВЦИК опубликовал декрет об изъятии церковных ценностей. Спустя несколько дней, 28 февраля, патриарх Тихон обратился к верующим с Воззванием[248], в котором заявлял, что «подобный акт является актом святотатства». С марта 1922 г. патриарх регулярно вызывался на допросы в ГПУ при НКВД РСФСР, а в начале мая был вызван в качестве свидетеля на процесс над московским духовенством, обвиненным в сопротивлении изъятию церковных ценностей. На следующий день, 6 мая, патриарх Тихон был помещен под домашний арест в своей резиденции на Троицком подворье, а 16 мая изолирован в Донском монастыре. Lolo не упускает возможность упомянуть данный факт, вкладывая в уста Ленину следующие слова о патриархе:

Под замком Святейший Тихон, —

Стал почтителен и тих он[249].

Каламбурная рифма, которую использует поэт, усиливает обличение большевиков по поводу их речей о различных свободах в Советской России.

---

[247] Lolo. Нуль — в итоге // Последние новости. 1922. № 649. 30 мая. С. 3.

[248] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994. С. 188–190.

[249] Lolo. Нуль — в итоге // Последние новости. № 649. 1922. 30 мая. С. 3.

Четвертая и пятая строфы подводят итоги Генуэзской конференции: Ллойд-Джордж лишается «пышной тоги миротворца-мудреца»; королю нелестно, что он завтракал «с дикарями»; Жан-Луи Барту «проездился» зря; советскую делегацию после яркой светской жизни ждет выговор от Ленина. Но если четвертая строфа описывает неудачи европейских и советских политиков, пятая посвящена восхвалению американцев, отказавшихся принять участие в международной конференции в Генуе. Lolo выдвигает на первый план мотив танца, он использует новостные заметки о том, что советская делегация танцует в ресторанах фокстрот, и сравнивает конференцию с танцем:

Кончен пошлый, глупый танец,
Лишь мудрец-американец
Не отправился в танцкласс,
Не пустился в этот пляс[250].
«Мудрец-американец» решительно заявил:
Ни открыто, ни тайком
Не сойдусь с большевиком[251].

Для Lolo какие-либо переговоры с Советской Россией нелегитимны, именно поэтому он одобряет отказ США от участия в генуэзской конференции и предрекает РСФСР неудачу на предстоящей конференции в Гааге:

Янки тверд. Ну, а без янки
Для советской обезьянки
Все заказаны пути:
Ей кредита не найти![252]

Lolo, помимо того, что называет Советскую Россию «обезьянкой», находит к этому слову каламбурную рифму, отчего вывод сатирика звучит обличительно и смешно.

Летом 1924 г. в Лондоне проходила англо-советская конференция, на которой обсуждался торговый договор между Советским Союзом и

[250] Там же.
[251] Там же.
[252] Там же.

Великобританией. 10 июля газета «Сегодня» опубликовала заметку «СССР согласен заплатить 25 проц. Уступки в Лондоне»[253], в которой сообщалось, что советское правительство согласилось взять на себя уплату 25 процентов долгов царского правительства, но «влиятельные английские круги и поныне против предоставления Сов. России займа»[254]. Эти переговоры, обличая лживость большевиков, обыгрывает С. Авдеев в стихотворении «Из перехваченной переписки»[255]. Сатирическое произведение, опубликованное газетой «Сегодня» 13 июля, состоит из писем Красина и Раковского. Автор вводит мотив обмана, Раковский сообщает, что ложь не помогает в переговорах:

Конференцию затерло:

Сити взяло нас за горло.

Ты, что хочешь, им налги —

Все же требуют долги[256].

25 июля 1924 г. в газете «Workers Weekly» коммунистом Джоном Россом Кемпбеллом была опубликована статья «Открытое военное письмо к вооруженным силам»[257]. Кемпбелл призывал повернуть оружие против угнетателей рабочего класса. После публикации статьи Кемпбелл был задержан и обвинен в просоветской деятельности. Решение лейбористского правительства о прекращении судебного преследования Кэмпбелла привело к потере вотума доверия в Палате общин и досрочным парламентским выборам. 25 октября 1924 г. письмо, якобы подписанное председателем Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьевым, одним из руководителей Коминтерна О.В. Куусиненом, главой британской коммунистической партии А. Мак-Манусом, было опубликовано в газете «Daily Mail». В «письме Зиновьева» «повторялись основные положения статьи, опубликованной Кемпбеллом»[258]. Письмо попало в прессу в разгар борьбы

---

[253] Б.п. СССР согласен заплатить 25 проц. Уступки в Лондоне // Сегодня. 1924. № 152. 10 июля. С. 4.
[254] Там же.
[255] Авдеев С. Из перехваченной переписки // Сегодня. 1924. № 155. 13 июля. С. 3.
[256] Там же.
[257] James Klugmann, History of the Communist Party of Great Britain: Volume One: Formation and Early Years, 1919–1924. London: Lawrence and Wishart, 1968. p. 366–367.
[258] Майгур А.В. Политический и экономический контекст подписания советско-британского торгового соглашения // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 107.

накануне парламентских выборов в Великобритании и вызвало большой резонанс. Министерство иностранных дел Великобритании вручило ноту протеста поверенному СССР в делах в Великобритании Х.Г. Раковскому, в которой данное письмо «...квалифицировалось как прямое вмешательство Советского государства во внутренние дела Великобритании»[259]. На следующий день Раковский отправил ответную ноту, в которой доказывал фальшивость письма. Макдональд также поставил подлинность письма под сомнение. Но усилившийся в общественном сознании страх революции предопределил победу консервативной партии на парламентских выборах 29 октября.

Спустя несколько дней, 2 ноября 1924 г. в газете «Руль» публикуется стихотворение Дон-Аминадо «Непропавшая грамота»[260]. Поводом к нему становится как раз «письмо Зиновьева» и победа консерваторов на выборах. Название, выбранное поэтом, отсылает читателя к повести Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота». Стихотворение поделено на три части, каждая посвящена определенному политику. В первой части рассказывается про Зиновьева, во второй — про Раковского, третья часть посвящена Макдональду. Начинаются все три части одинаково: и Зиновьев, и Раковский, и Макдональд были «мужчинами, как следует». Первый ведает «всею вселенною», второй «всей дипломатией», последний — «целой империей». Стоит отметить, что 12 октября того же года была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика. Дон-Аминадо, говоря о «прокламации к некоей нации», обыгрывает это событие, противопоставляя молдаван и великобританцев:

А нация, будь, не вполне молдаванская,

А, так себе, просто… великобританская[261].

Красин в прокламации писал «откровенные» слова, но «не очень почтенные». Автор называет их обыкновенными и характеризует таким образом манеру речи советских политиков. «Заведующий всею вселенной» в обращении к

---

[259] Антисоветские подлоги: История фальшивок. Факсимиле и комментарии. — М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1926. С. 24.
[260] Дон-Аминадо. Непропавшая грамота // Руль. 1924. № 1192. 2 ноября. С. 4.
[261] Там же.

великобританской нации призывает ее «послать все парламенты к чертовой матери», «свернуть своим лордам шейки». Далее поэт использует прием нисходящей градации, чтобы подчеркнуть, что в таком случае случится с Британской империей:

Разбейся на комы, потом на ячейки,

На слоги, на знаки, на буквы согласные,

Большие саженные, красные, красные!..

Яви нам пожар мирового сияния,

Гори, разгорайся… и, с тем, до свидания!..[262]

8 августа СССР и Британия подписали два договора: общий и торговый. Торговый договор заменял торговое соглашение от 16 марта 1921 г. и содержал признание британским правительством советской монополии внешней торговли, обеспечивал советскому торговому представителю в Англии дипломатические привилегии. Дон-Аминадо с помощью риторических восклицаний изображает радость Раковского по этому поводу, полпред СССР в Великобритании так обращается к стране:

Хорошая! Дойная! Трижды коровушка!..

Премьер твой — миленочек, глупый Рамзаинька[263].

Как и в случае с Ллойд-Джорджем, которого поэты-сатирики русского зарубежья в своих стихотворениях изображали обманутым Красиным, Макдональда Раковский называет «глупым». Великобритании противопоставляется Советский Союз:

А наша республика паинька-паинька…

Живет себе тихо, такая убогая,

Не то, что там Индии, мухи не трогая!

Вот климат неважный… от голода давимся.

А так… уверяю вас… очень понравимся![264]

---

[262] Там же.
[263] Там же.
[264] Там же.

Оксюморон «от голода давимся» усиливает обличение большевиков, под властью которых народ не имеет достаточного пропитания. Подписав договоры, Раковский предлагает поднять бокалы «за гений народа британского» и заканчивает свою речь фразой «Привет королеве и, с тем, до свидания…» Возглас «до свидания» звучит рефреном в конце каждой части стихотворения.

Высмеяли поэты-сатирики русского зарубежья и первую женщину-дипломата А.М. Коллонтай, занимавшуюся также литературно-пропагандистской деятельностью по созданию образа женщины нового типа. Полпред СССР в Норвегии является сатирическим героем стихотворения А. Черного «Серп и корона»[265]. Эпиграфом автор берет новость о том, что Коллонтай была принята норвежским королем. Сатирик иронично повествует об этой встрече: король сразу приглянулся Коллонтай и та, спросив, женат ли он, «задрала две тощие палки в ажурпролетарских чулках». После этого она пускается в рассуждения о браке, о том, что это «буржуазная грязь», и хвалится советскими солдатами, умеющими «любить, не женясь». Репликами, которые поэт вкладывает в уста Коллонтай, он высмеивает внутренний уклад жизни в Советской России:

И как одеваются в селах?

У нас — декольте до пупа…[266]

А. Черный иронизирует по поводу возможного диалога короля и полпреда: Коллонтай предлагает правителю Норвегии отказаться от короны и обещает приют в СССР. Более того, «послица», как автор называет Коллонтай, вызывая ассоциации с ослицей, обещает королю записать его в комсомол. Ближе к концу стихотворения поэт саркастически высмеивает истинную сущность советских политиков, «Madame» переходит к скрытым угрозам:

Прощайте! Клянусь вам Азефом, —

Мы вас не прирежем пока…

Ах, кстати… Прошу вас быть шефом

Мордовского ленинполка[267].

---

[265] Черный А. Серп и корона // Новое русское слово. 1924. № 4308. 12 ноября. С. 2.
[266] Там же.

Это отношение к большевикам выражается и в эпитетах, которые использует автор по отношению к Коллонтай: «наглая», «хищная». Изображая аудиенцию, в ходе которой Коллонтай начинает агитировать Хокона VII перейти на сторону большевиков, А. Черный высмеивает Коллонтай, вкладывает в ее уста абсурдные высказывания.

Вслед за А. Черным называет Коллонтай «послицей» и Lolo в стихотворении «Эмигрантский букварь»[268], опубликованном на страницах «Возрождения». «Эмигрантский букварь» Lolo построен в виде букваря, где на каждую букву алфавита приводится стихотворение. В строках, написанных сатириком к букве «К», ключевым является мотив грабежа:

Колье «послицы» Коллонтай
И кольца Каменевой — звенья
Единой цепи; все каменья
Горят огнями преступленья…
Товарищ Красин, сосчитай![269]

Высмеивается Александра Коллонтай и внутренний уклад жизни в СССР и в стихотворении Жака Нуара «Сексуальное матинэ»[270], опубликованном 25 декабря 1925 г. в «Руле». В качестве эпиграфа автор использовал заметку из новостной хроники, сообщающую, что Коллонтай «устроила для представителей германской прессы матинэ», на котором «развивала свои воззрения на сексуальную проблему в Советской России». Сексуальная проблема является излюбленной темой «полпредессы», как сатирик называет Коллонтай, вслед за Сашей Черным с его неологизмом «послица» используя феминитив. Ее взгляды поэт изображает в ироническом ключе:

Так и так, скорей за дело,
Не теряйте даром слов!
Я ведь ком-собаку съела

---

[267] Там же.
[268] Lolo. Эмигрантский букварь // Возрождение. 1925. № 89. 30 августа. С. 3.
[269] Там же.
[270] Нуар Жак. Сексуальное матинэ // Руль. 1925. № 1541. 25 декабря. С. 6.

В отношениях полов[271].

Жак Нуар высмеивает пренебрежительное отношение к браку, в уста Коллонтай он вкладывает следующую речь:

Нам не нужно краснобайства, —

Если кустик и скамья —

Значит, есть уже хозяйство,

Значит, будет ком-семья…[272]

Ход мыслей Коллонтай, который изображает поэт, создает комический эффект. Чтобы подчеркнуть «достижения» большевиков в «отношениях полов», используется противопоставление:

В прежнем чувстве мало толка,

В новом — все на красный лад[273].

Зарубежная пресса в восторге от речей «полпредессы», открывшей журналистам, как иронизирует Жак Нуар, «волшебный мир». Комплименты, которые они ей говорят, сравнивая Коллонтай с парламентом, также создают комический эффект:

Вы не дама… вы — парламент

С представительством всех стран![274]

2.2.5 Образы других лидеров большевиков

12 декабря 1920 г. «Последние новости» публикуют стихотворение Lolo «Первые ласточки»[275], высмеивающее устройство советского общества, где лидеры большевиков по сравнению с обычным народом имеют значительные привилегии. Эпиграфом послужила следующая новость: «За изгнание Врангеля из Крыма Каменев получил в вечное владение дом в Москве, на Кузнецком

[271] Там же.
[272] Там же.
[273] Там же.
[274] Там же.
[275] Lolo. Первые ласточки // Последние новости. 1920. № 197. 12 декабря. С. 3.

мосту»[276]. С первых строк в стихотворении звучат мотивы грабежа и террора, Л.Б. Каменеву выдали дом, прежний собственник которого «повешен». Сама возможность такого «подарка» высмеивается, сатирик заявляет, что в Советской России «победил Закон буржуя», слова Пьера Прудона «собственность есть кража» — «вздор» и называет Каменева «коммунистом-домовладельцем» и «хозяином-коммунаром». Изображены в стихотворении и Троцкий, говорящий «спич», «звонко поющий» Шаляпин, Ленин, Инесса Арманд (Инесса Арманд скончалась в сентябре 1920 г., однако в стихотворении ее образ сохраняется), причем имя последней напрямую не упоминается, поэт аллегорически называет ее «расфуфыренной девчонкой», «Распутиным в юбке» и «метресской». Завершается стихотворение использованием анафоры и параллелизма:

Есть у Каменева дом,

Есть у Ленина — метресска[277].

В конце мая 1922 г. во время пребывания в Горках, у Ленина случается острый приступ, который привел к ослаблению движений правой руки, правой ноги и некоторому расстройству речи, из-за чего он остается в усадьбе в течение четырех месяцев. Lolo откликается на это событие стихотворением «Кандидаты (рифмы невинного свойства)»[278], в котором рассуждает, кто заменит Ленина на время болезни, и высмеивает советских лидеров. С первых строк автор выносит на первый план стихотворения мотив нечистой силы, сравнивает большевиков с силами зла:

Черти крупные и малые,

Чертенята захудалые

Делят ризы Сатаны[279].

Изображение возможных преемников «хворого хозяина» проникнуто сарказмом. «Кровеносный» Л.Д. Троцкий представлен воинственным политиком, который будет «в ежовых Русь» держать. А.И. Рыков, «хозяин замечательный»,

---

[276] Там же.
[277] Там же.
[278] Lolo. Кандидаты (рифмы невинного свойства) // Руль. 1922. № 480. 17 июня. С. 2.
[279] Там же.

обещает довести Россию до окончательной разрухи. Когда очередь доходит до Г.В. Чичерина, в свою поддержку он произносит речь, аргументом которой является тесная связь наркома иностранных дел с Европой, и обещает «напустить темноты» вместе с «Джорджами и Фактами». Упоминание именно Ллойд-Джорджа и Луиджи Факта не случайно. Если с Англией у Советской России уже был заключен торговый договор, то укор в адрес премьера Италии звучит потому, что на пленарном заседании генуэзской конференции Факта призывал к экономическому сотрудничеству с Советской Россией. Готовность вести диалог с большевиками для Lolo уже предательство. Чичерин намеревается обмануть итальянского политика и «напустить темноты», под которой можно понимать большевистскую пропаганду. Образ Чичерина снова используется сатирой русского зарубежья для обличения европейских политиков. Ф.Э. Дзержинский же, основатель ВЧК, «сладко шепчет»: «Здравствуй, встань, проснись, Чека!» Мечтания Дзержинского о пробуждении карательного аппарата советской власти подчеркивают его кровожадность. Н.И. Бухарина сатирик именует «советским Робеспьером», а М.М. Литвинову дает эпитет «хитроватый» и называет его «птенцом гнезда осиного».

Завершается стихотворение надеждой на скорый крах большевистского режима:

Но… коммуна обесценена…

Потускнело «око Ленина» —

И заря недалека![280]

В образе чертей изображает Lolo лидеров большевиков и в поэме «О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки)»[281]. В поэме преобладают мотивы голода, нечистой силы, террора. По сюжету Русь находится под властью чертей. Среди чертей самым главным является Лысый Черт, прообразом которого послужил Ленин. Ему помогают Черт-Палач, Черт-Вояка и Чертяка Толстомордый — Дзержинский, Троцкий и Чичерин соответственно. Благодаря

[280] Там же.

[281] Lolo. О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки). — Париж: Франко-Русская Печать, 1922. — 24 с.

этой власти в стране тотальная разруха и голод, Lolo саркастически высмеивает внутреннюю политику большевиков:

Люди голодны, раздеты, —

Нет людей, одни скелеты:

Кость сквозь кожу так и прет.

Мрет измученный народ[282].

Именно большевики в поэме — главная причина бедности и голода в России. Сатирик подчеркивает связь сил зла и большевиков:

Обирали всю страну, —

Ублажали Сатану[283], — а также высмеивает политические взаимоотношения Советской России с Европой: черти хвалятся природными богатствами страны и готовы «все отдать» ради получения кредита. Однако выполнение чертями требования Европы «водворить <…> Веру, Собственность, Закон» на Руси, а также попытка Лысого Черта наладить отношения с Церковью, приводят к краху их власти. Черти в страхе разбежались, а Лысый Черт «хвост постриг» и превратился в Лысого барина. Звучит мотив маскарада[284].

Стихотворение Чичикова «Новый адрес бывшей России»[285] высмеивает Дзержинского. Автор заявляет, что узнал из газет «о злободневном факте»: Троцкого заменил Дзержинский. Он язвительно замечает по этому поводу:

Войска Чеки и армия в контакте,

Под предводительством садиста и кретина[286].

И, развивая свою мысль, что скоро Дзержинский «доканает Русь», саркастически обращается к русской эмиграции, которая пишет письма на родину:

Не адресуйте ваших писем в «эсэсер»

---

[282] Там же. С. 6.
[283] Там же. С. 8.
[284] Результаты анализа данной поэмы представлены в публикации Свиридов В.Ю. Образ большевиков в сатирической поэме Lolo «О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки)» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 59–63.
[285] Чичиков. Новый адрес бывшей России // Новое русское слово. 1925. № 4374. 17 января. С. 2.
[286] Там же.

А просто адресуйте в «вечека»[287].

В конце 1925 г. газета «Сегодня» публикует произведение Lolo «Бенефис Луначарского. Новые варианты из “Горе от ума”»[288], героем которого является нарком просвещения РСФСР. Действие в стихотворении происходит недалеко от советского полпредства в Париже. А.В. Луначарский созерцает «фасад бывшего русского посольства» и пускается в воспоминания о том, как раньше к посольству «не смел и близко подойти», как ходил «в дырявом пальтеце» и делал заказ «в кафе на Монпарнасе». Большевики преодолели трудный и жестокий путь, Луначарский рассказывает, к чему он в итоге привел:

…Цель оправдывает средства.

Средств не было у нас, но Ленин нас увлек,

И вот скажу я без кокетства,

Избит валютой кошелек![289]

Для создания комического эффекта Lolo использует каламбур. Герой стихотворения вдруг переходит от средств как возможностей к средствам как деньгам, что усиливает самообличение: получается, что целью большевиков была финансовая выгода. Навстречу Луначарскому идет эмигрант А.А. Чацкий, которого нарком просвещения РСФСР «чрезвычайно» рад видеть. Поэт использует игру слов для создания комического эффекта: Чацкий рассказывает, что «сбежал из чрезвычайки тайно».

Превосходно одетый советский политик, «толстеющий с каждым днем», противопоставляет себя эмигранту, который «худ, как скелет». Он хочет помочь Чацкому дружеским советом, но тот вновь использует игру слов и говорит: «мне ненавистны все Советы». Луначарский обещает Чацкому «карьеру», «мотор и деньги, и почет». Подругой Чацкого, по словам наркома, станет «идейная гетера», более того, нарком предлагает эмигранту «бескорыстно уступить» свою подругу.

---

[287] Там же.
[288] Lolo. Бенефис Луначарского. Новые варианты из «Горе от ума» // Сегодня. 1925. № 291. 25 декабря. С. 6.
[289] Там же.

Поэт, описывая с помощью риторических восклицаний «очаровательный кружок» советских дам, вводит мотив грабежа:

Какие умницы, красавицы, таланты!

Какие декольте! Какие бриллианты!

Кремлевские![290]

Но на все уговоры эмигрант, перебивая Луначарского, решительно заявляет:

Нет, пред убийцами я не склоню главы —

И твердо верую, что скоро им скажу я:

Вон из Москвы![291]

В конце стихотворения сатирик делает акцент на мотиве танца. Советский политик смотрит на часы, он торопится на встречу с французами и прощается с эмигрантом:

Ну, я спешу… Прощай. Твой крик не страшен нашим —

И, особливо — мне: я старый жрец кулис:

В Париже нынче я справляю бенефис.

Европа выгонит — в Китае мы попляшем![292]

Луначарский изображен успешным политиком, однако склонить Чацкого к переходу на сторону большевиков ему не удается. Lolo создает образ рядового эмигранта, придерживающегося антисоветских взглядов, твердого в своих убеждениях и идеалах.

Стихотворная сатира русского зарубежья 1920–1925 гг. создала широкую галерею образов лидеров большевиков. Сатирики, откликаясь на публикации новостных заметок и статей, на международные политические события, делают советских политиков объектами обличения и насмешки. Не во всех случаях образы советских политиков наделены исключительно негативными чертами. Так, заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР Литвинов назван «хитроватым», что можно объяснить успехами большевиков на политической арене. Сам же народный комиссар по иностранным делам РСФСР

[290] Там же.
[291] Там же.
[292] Там же.

Чичерин изображен чрезвычайно успешным политиком, но необходимо отметить, что сделано это для того, чтобы обличить Барту и Ллойд-Джорджа, допустивших во время Генуэзской конференции заключение между Советской Россией и Германией Рапалльского договора. Однако чаще всего гиперболизируются негативные черты. Например, народный комиссар по военным делам РСФСР Троцкий изображен исключительно кровожадным человеком, думающим только о войне. Ленин же как квинтэссенция большевизма сочетает в себе все то ужасное, что, как считают сатирики, несет в себе данный политический режим. Высмеивается и первая в мире женщина-посол Александра Коллонтай. Поэты используют различные средства художественной выразительности: аллегорию, градацию, иносказание, иронию, каламбурную и омонимичную рифмы, лексический повтор, литоту, параллелизм, противопоставление, риторический вопрос, сравнение. Лидеры Советской России периодически сравниваются с силами ада. Делая персонажем стихотворения советского политика, сатирики используют его прямую речь, отчего происходит изобличение лидера большевиков. Голод, социальное неравенство, расстрелы в Советской России поэты-сатирики изображают как результат Октябрьской революции и власти лидеров большевиков. Преобладающими мотивами при изображении советских политиков становятся мотивы грабежа, лжи, нечистой силы, танца, террора.

2.3 Сатирическое изображение Советской России

В первой половине 1920-х гг. в поэзии русского зарубежья создается сатирический образ Советской России. Сатирики изображают жизнь в Стране Советов полной тягот и лишений, причиной которых служат большевики. Соответственно, основными мотивами при изображении Советской России становятся мотивы бедности, голода и разрухи как следствий деятельности большевиков. Пристально следила русская эмиграция и за событиями на мировой политической арене, в которых одной из стран-участниц являлась Советская Россия. Мирным переговорам между РСФСР и Финляндией, проходившим в

1920 г. посвящено стихотворение Кокойды «Вот те на?»[293], опубликованное 29 июня 1920 г. в газете «Свет». Эпиграфом автор берет сообщение ВЦИК о том, что «Финляндское правительство <…> приняло всевозможные меры к изоляции нашей мирной делегации. Отведенные ей два дома оцеплены густо солдатами <…> безмолвными и окаменевшими <…> При приближении членов нашей делегации они автоматически поворачиваются к нам спиной»[294]. По мнению поэта, который не скрывает своего негативного отношения к большевикам, «совдепские кретины все не стоят ни рожна». Он считает, что на переговоры с Финляндией прибыли «наши воры», и восторгается действиями финского правительства, встретившего советскую делегацию спиной. Эта восторженность выражается в рефрене «Вот те на!», проходящем через все стихотворение. Россию как страну Кокойда отделяет от большевистского правительства:

Все их лозунги и речи
Как угарный дым из печи,
С ними врозь идет страна.
Вот те на![295]

Заканчивается стихотворение торжеством финнов — стена финской армии окружает советских дипломатов, которым ничего не остается, кроме как «повернуть к родным пенатам». Если в первой строфе рефрен «Вот те на?» используется вопросительно, демонстрируя удивление по поводу того, что большевиков «раскусили даже финны», то последней строке сатирик победно восклицает «Вот те на!», радуясь неудаче советской делегации.

Бедственное положение страны изображает Кокойда в стихотворении «Урожай на “губернии”»[296], опубликованном 4 июля 1920 г. в газете «Свет». Эпиграфом поэт берет сообщение московской газеты «Беднота» о том, что множество губерний переведено на военное положение. Первая часть стихотворения построена на антитезе: в первой строфе «русской горестной

[293] Кокойда. Вот те на? // Свет. 1920. № 350. 29 июня. С. 2.
[294] Там же.
[295] Там же.
[296] Кокойда. Урожай на «губернии» // Свет. 1920. № 355. 4 июля. С. 2.

судьбе» противопоставляются «губернии», которые в стране «расплодились как грибы». Во второй строфе Кокойда, помимо антитезы, использует гиперболу, иносказание и пейоративную лексику:

Пусть огромные окраины

Отпадают каждый час,

Но зато убийцы-Каины

Размножаются у нас[297].

Третья строфа, которая также строится на противопоставлении, раскрывает, кто подразумевается под «убийцами-Каинами»:

Гибнет царство под ударами,

За войной кипит война,

Но зато сплошь комиссарами

Переполнена страна[298].

Кокойда вводит в стихотворение мотивы смерти и разрухи и изображает зловещую атмосферу внутри страны: государство гибнет, территории отделяются, одна война сменяет другую, а внутри множатся «убийцы-Каины», с которыми у поэта нет ничего общего.

Что им наши беды, тернии

И урезки рубежа, — восклицает сатирик, по его мнению, новые губернии необходимы большевикам лишь «для гульбы и грабежа»:

Всех зажали «комиссарии»

И справляют карнавал[299].

Кокойда изображает бедственное положение государства под управлением комиссаров. С помощью противопоставления он отделяет страну от большевиков, а последних изображает убийцами, не задумывающимися о будущем России и ее народа.

Мотивы разрушения и лжи мы встречаем и в стихотворении Lolo «Вранье»[300], опубликованном 10 июля 1920 г. на страницах «Последних

[297] Там же.
[298] Там же.
[299] Там же.

новостей». Сатирическое произведение написано в самый разгар международной конференции в Спа. Автор бичует политиков, которые «лгут в течение столетий». Но лжецами изображены не только политики, а все люди. Анафора подчеркивает всеобщность этого порока: в первой строфе, состоящей из 14 строк, 8 начинаются со слова «врут» и 2 со слова «врет». Поэт иронизирует:

Даже праведник, и тот,

Хоть и праведно, но врет[301].

Лжет и Совнарком, которому подобран эпитет «смертоносный», однако Lolo отмечает, язвительно называя большевиков «холопами», что они иногда говорят правду, сметая все на своем пути, как и обещали. Звучит мотив разрушения. Первых лиц Советской России поэт сравнивает с животными: Петерса называет «московским царем зверей», а в отношении Троцкого использует игру слов: «стал ягненком Троцкий Лев». Завершается стихотворение ироничным выводом:

Вы не врете?!... Милый мой,

Значит, вы — глухонемой![302]

19 июля 1920 г. в Советской России начал работу Второй Конгресс Коминтерна. Lolo откликается на это событие стихотворением «Маскарад»[303], ключевым мотивом которого является мотив голода. Написано оно в жанре перепева, источником послужило стихотворение М.Ю. Лермонтова «Нищий». Сатирик изображает голод в Советской России: «Свободный сын страны свободной» стоит с протянутой рукой, в которую кладут «что-то». Поэт иронически использует эпитеты «свободный сын», «страны свободной», создавая комический эффект. Вместо камня, как у Лермонтова, человеку кладут в руку «полфунта коммунистического хлебца», автору не верится, что в голодной Москве возможно получить такое сокровище. Причина этому довольно прозаична:

---

[300] Lolo. Вранье // Последние новости. 1920. № 64. 10 июля. С. 2.
[301] Там же.
[302] Там же.
[303] Lolo. Маскарад // Последние новости. 1920. № 76. 24 июля. С. 3.

Сегодня кормится Москва

В честь «делегатов» из Европы![304]

Начинается маскарад, который поэт вынес в заглавие стихотворения, — большевики заботятся о наличии хлеба только во время приезда иностранной делегации, пытаясь таким способом скрыть от нее бедственное положение простого народа. С приездом делегации в Москве становится «тепло и светло», днем жизнь в городе кипит, однако ночью большевики показывают свое настоящее лицо: солдаты хоронят расстрелянных людей. С помощью противопоставления ночных расстрелов кипящей в Москве дневной жизни Lolo вводит мотив террора. Саркастически изображая прелести «коммунистического быта», автор делает следующее заключение:

Конечно, хуже, чем в раю,

Но, положительно, недурно![305]

В стихотворении используется кольцевая композиция. С отъездом делегатов из столицы Советской России вокруг становится «вновь темно». Смерть проникает и в дневное время суток:

Всю ночь работает Ч.К.,

Весь день «предателей» хоронят[306].

Маскарад, устроенный большевиками, заканчивается, все возвращается на круги своя:

И вновь, томимый злой тоской,

Больной, измученный, голодный,

Стоит с протянутой рукой

Свободный сын страны свободной!..[307]

Изображая советскую действительность, Lolo использует лермонтовские мотивы: несмотря на то, что в руку кладется хлеб, а не камень, на фоне изображенных зверств ЧК и голода, этот хлеб практически равноценен камню из

[304] Там же.
[305] Там же.
[306] Там же.
[307] Там же.

стихотворения «Нищий». Поэт связывает большевиков со смертью и расстрелами, а жизнь в Советской России — с голодом и обманом. В перепеве обличаются Советы, по мнению поэта, приведшие Россию к катастрофическому состоянию и устроившие маскарад перед делегатами из Европы.

Мотив голода мы встречаем и в стихотворении А.И. Куприна «Раб рабов (в Совдепии)»[308], которое он подписал псевдонимом Али-Хан. Куприн изображает жителя Советской России, рассказывающего о своей жизни при «большевицком порядке»:

Подтянув ремнем желудок,
Поборов обжорный блуд,
Я не ем по трое суток,
Как верблюд![309]

Этот же мотив голода является ключевым и в стихотворении Lolo «У райских врат (Подражание Пушкину)»[310]. Впервые оно было опубликовано в 1918 г. журнале «Рампа и жизнь»[311]. Позднее Lolo его отредактировал и добавил две строфы (первую и последнюю). Написано стихотворение в жанре перепева, источником послужило стихотворение А.С. Пушкина «Пророк». Поэт саркастически изображает решение проблемы голода советской властью, большевики занимаются грабежом и террором:

…Был май. Одесский Исполком,
За неимением питанья,
Кормил нас пулями, штыком
И «днями мирного восстанья»[312].

Томимый «тоскою, жаждою и гладом» поэт бредет по тротуару, но получает удар прикладом от рядового красноармейца. Автор делает акцент на мотиве грабежа: большевик отбирает бумажник, часы, пиджак, сорочку и штиблеты.

---

[308] Али-Хан. Раб рабов (в Совдепии) // Новая русская жизнь. 1920. № 41. 20 февраля. С. 5.
[309] Там же.
[310] Lolo. У райских врат (Подражание Пушкину) // Последние новости. 1920. № 106. 28 августа. С. 3.
[311] Lolo. У райских врат (Подражание Пушкину) // Рампа и жизнь. 1918. № 26–30. С. 11.
[312] Lolo. У райских врат (Подражание Пушкину) // Последние новости. 1920. № 106. 28 августа. С. 3.

Сатирик вводит мотив бедности, ностальгируя по прежним временам, он тем самым подчеркивает бедность, царящую в Советской России:

И снял он древние штиблеты —

Минувших дней, когда поэты,

Могли купить, продав сонет,

Две пары лаковых штиблет[313].

Вводит Lolo в стихотворение и мотив смерти: в тот момент, когда красноармеец прикасается к часам, время замирает, а часы отправляются в Лету, реку забвения. После встречи с большевиком главный герой остается в «костюме Адама» и слышит «некий глас»:

Восстань, буржуй, и виждь, и внемли,

Глаза припухшие раскрой —

И обходя моря и земли,

Прославь свободный русский строй![314]

Сатирик понимает, что этот «глас» — голос Карла Маркса и соглашается «выполнить урок», но просит свои вещи назад. Ответ Маркса наполнен сарказмом:

Слепец! Вещей не собирай,

Будь наг и горд! — вещал Учитель.

Ты без одежд прославишь рай,

Как настоящий райский житель![315]

Красноармейца Lolo изображает грабителем, связывает его образ со смертью. Lolo бичует большевиков, которые могут «накормить» лишь «пулями» и «штыком» или ограбить свой народ. Тематический и языковой контраст стихотворения Lolo со стихотворением А.С. Пушкина создает комический эффект.

23 июля 1920 года в газете «Последние новости» было опубликовано стихотворение Дон-Аминадо «Сильнее смерти»[316]. Позднее поэт, переработав это

[313] Там же.
[314] Там же.
[315] Там же.

произведение, включил его под названием «У врат царства» в сборник «Дым без отечества». Стихотворение поделено на три части: первая часть посвящена воспоминанию о днях революции, вторая — времени правления большевиков, а третья наполнена надеждами о скором возвращении на родину. В начале стихотворения, используя аллитерацию, ассонанс и парцелляцию, сатирик изображает мрачную атмосферу революционных дней:

Все опростали. И все опростили.

Взяли из жизни и нежность, и звон.

Бросили наземь. Топтали и били.

Пили. Растлили. И выгнали вон[317].

Автор здесь иносказательно говорит о России: аллегорически изображает ее девушкой, которую «бросили наземь», «топтали и били», «растлили» и «выгнали вон». «Девий» же кокошник «первый кабатчик купил на селе». Картина революции, изображаемая Дон-Аминадо, предвещает страшную беду: в деревне надрывается «хриплая, злая, шальная гармонь», а город веселится тем, что готовит братьев «для братских могил». Людей, упившихся революцией, Дон-Аминадо сравнивает с животными:

Жили, как свиньи. Дрожали, как мыши.

Грызлись, как злые голодные псы[318].

Время правления большевиков Дон-Аминадо связывает с жестокостью и казнями:

Кровью кропили кирпичные щели.

Не пожалели на сваи костей

Вот уж и флаги на кровле зардели.

Ждут именитых заморских гостей[319].

---

[316] Дон-Аминадо. Сильнее смерти // Последние новости. 1920. № 75. 23 июля. С. 3.
[317] Там же.
[318] Там же.
[319] Там же.

Сатирическое обличение сочетается с гражданским пафосом, в конце стихотворения Дон-Аминадо выражает надежду на скорое возвращение на родину, которая подчеркивается анафорой:

Верую в чудо твоих воскресений.

Верую в то, что отвергнешь чужих.

И по реке, по разливной, весенней

Будет к тебе долгожданный жених!..[320]

Вспоминая о днях революции и о России, Дон-Аминадо обличает тех, кто, пользуясь революционным временем, начал творить беззаконие и выгнал Россию из дома. Его стихотворение наполнено верой в скорое возвращение эмиграции на родину. Стоит отметить, что в отличие от газетной версии стихотворения, в сборнике «Дым без отечества» произведение лишается патетики и имеет порицающую и безрадостную концовку:

Были рабами. И будут рабами.

Сами воздвигнуть. И сами сожгут.

Господи Боже, свершишь ли над нами

Страшный, последний, обещанный Суд?![321]

Стихотворение Lolo «Пролетариям всех стран»[322] написано в форме воззвания большевиков к рабочим Европы. С самого начала стихотворения сатирик выдвигает на первый план мотив разрушения:

Полюбуйтесь на наше пожарище:

Вьется дым меж российских развалин

<…>

Да пылает огонь разрушения!

Все смести — было наше решение —

И, как видите, с русской земли

Все, что было возможно, смели![323]

---

[320] Там же.
[321] Дон-Аминадо. Дым без отечества. — Париж: Север, 1921. С. 14.
[322] Lolo. Пролетариям всех стран // Последние новости. 1922. № 677. 2 июля. С. 2.
[323] Там же.

«Московские товарищи» перечисляют все прелести жизни в РСФСР, которых им удалось добиться: «голод, вошь, людоедство, тиф», пристрастный суд, расстрелы. Свобода, равенство и братство в Советской России — «миф» и «шутка забытая». Сатирик выносит на первый план мотив террора:

И Че-Ка, псевдонимом прикрытая,

От таких архаических шуток,

Отучает в течение суток[324].

В доказательство своих слов о благополучии в родной стране большевики предлагают посмотреть на российские богатства, которых, как иронизирует автор, в Европе после Октябрьской революции оказалось предостаточно:

Как они заграницей повсюду

Тешат взоры торговому люду[325].

Используя звукопись, саркастически изображает Lolo отношение большевиков к проблеме голода в Советской России:

Нам не страшен теперь недород:

Не страшась, умирает народ![326]

Если в начале стихотворения большевики доброжелательны, то ближе к концу они показывают свое истинное лицо: жаждут окончательно расправиться с эсерами, причем на закрытом суде, куда не допустят «буржуазную защиту». В последней строфе, рассуждая о болезни Ленина, «товарищи» и вовсе переходят в «атаку» на пролетариев Европы, к которым обращено их воззвание:

Наша красная Русь опечалена,

Но глядит с упованьем на Сталина.

Эй, не смейтесь — у вас-то самих

Разве нет Фердинандов восьмых?[327]

Стихотворение проникнуто сарказмом, комический эффект достигается несоответствием: прекрасные условия жизни в Советской России, которых

[324] Там же.
[325] Там же.
[326] Там же.
[327] Там же.

«московским товарищам» удалось достичь благодаря революции, на самом деле таковыми не являются. Lolo объединяет всевозможные отрицательные явления, которые, как он считает, есть в стране Советов.

В стихотворении «Ленинград»[328] Лери высмеивает переименование Петрограда в Ленинград, изображая большевика, готового отказаться от истории своей страны. Сатирическим героем является большевик, для которого фигура Петра Великого не представляет ценности, что можно увидеть по эпитету «какой-то». Поэт использует оксюморон, сочетание этого эпитета рядом со словом «Великий», как прозвали Петра I, создает комический эффект:

Какой позор!.. При красном ВЦИКе
В коммунистической стране
На фальконетовском коне
Сидит какой-то Петр Великий!..[329]

Вызывает у большевика возмущение и отсутствие у памятника Петру I субординации перед инспектором кавалерии рабоче-крестьянской Красной армии С.М. Буденным:

Во фронт, невежа, не встает
Он даже, даже… пред Буденным!..[330]

Для создания комического эффекта Лери использует олицетворение: Медный Всадник должен отдавать честь Буденному. Петр Великий оказывается не нужен советской власти, шведам грозить уже ни к чему, так как в шведский край назначена полпредом «сама товарищ Коллонтай». Коллонтай, как и Буденного, сатирический герой считает значимее Петра I.

Петр I должен, согласно решению Совета, уступить коня Ленину. Но картина советского Ленинграда, которую изображает Лери, совсем безрадостна. Владимир Ильич с коня Фальконе будет взирать не только «на берега пустынных волн», но и «на город, как погост, пустынный». Отсылая читателя к вступлению поэмы А.С. Пушкина «Медный Всадник», Лери сравнивает Ленинград с

[328] Лери. Ленинград // Руль. 1924. № 1000. 19 марта. С. 5.
[329] Там же.
[330] Там же.

кладбищем; лексический повтор, используемый поэтом, подчеркивает это сравнение. Но большевик приписывает подобный пейзаж к достижениям Ленина и предлагает Петру покинуть пределы Родины:

Да-с, наш Ильич — тебе не пара

(Как Питер твой — не Ленинград)

Беги же прочь скорей, мандат

На выезд взяв у комиссара[331].

Сатирическое стихотворение поэт завершает лермонтовскими строками из стихотворения «А.О. Смирновой»:

Все это было бы смешно

Когда бы не было так грустно[332].

Для изображенного в стихотворении большевика фигура основателя города Петра I настолько не важна, что он прогоняет его из страны. Лери изображает картину укрепившегося режима большевиков, которые не только переименовывают города, но уже готовы изгнать Петра I, то есть отказаться от истории своей страны.

Высмеивает переименования городов большевиками и Чичиков в стихотворной сатире «Вопль верхнеудинцев»[333], опубликованной на страницах «Нового русского слова» 15 февраля 1925 г. Эпиграфом поэт берет сообщение «из газет» о том, что «Верхнеудинск переименовали в Дзержинск». Действующим лицом стихотворения является житель Верхнеудинска, который негодует по поводу переименования города:

Люди божие, вы видели?

Вы слыхали, человеки?

Городок как наш обидели,

Опозорили навеки![334]

---

[331] Там же.
[332] Там же.
[333] Чичиков. Вопль верхнеудинцев // Новое русское слово. 1925. № 4403. 15 февраля. С. 2.
[334] Там же.

Чичиков иронизирует по поводу «старого» наименования города, отсылая происхождение названия не к названию реки Уды, что с древнемонгольского переводится как «спокойное, тихое течение», а к старославянскому слову «уд»:

«Верхнеудинск» с основания
Неприлично прозывался,
Всякий, кто читал название,
Хоть слегка, но улыбался[335].

Но «совправители» решили дать приличное название городу и в заседании, которое сатирик язвительно называет «подхалимским», переименовали город в Дзержинск. Стихотворение имеет кольцевую композицию. Отметим, что газетная заметка, на которую откликнулся Чичиков, сообщала ложную информацию, и Верхнеудинск был переименован только в 1934 г., новым названием города стало Улан-Удэ.

3 марта 1925 г. в «Новом русском слове» опубликовано стихотворение Чичикова «Некрасов (по-новому)»[336], в которой автор сатирически изображает жизнь в Советской России. Оно перепевает поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

В какой земле рассчитывай
В какой стране угадывай!
Теперь России нет![337]

Как и в поэме русского классика, в сатирическом стихотворении сошлись семь человек, но не мужиков, как у Некрасова, а «семь жалких средняков». Поэт изображает жизнь в Советской России: эти семеро «обобраны налогами» и «запуганы подлогами». Губернию, уезд, волость и село Чичиков называет по фамилиям советских лидеров: В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина и Ю.М. Стеклова соответственно. Предметом спора, который средняки ведут, как иронизирует поэт, «шепотом», является вопрос:

Кому живется весело

[335] Там же.
[336] Чичиков. Некрасов (по-новому) // Новое русское слово. 1925. № 4419. 3 марта. С. 2.
[337] Там же.

Вольготно в «Эс-Эс-Эр»?[338]

На него они отвечают, приравнивая большевиков к бандитам:

Бандитам всякой нации,

Полпредам с коммунистами,

Чекистам с комиссарами,

Да всяческим «Нахамкисам»[339].

Для обличения редактора газеты «Известия» Стеклова, настоящая фамилия которого Нахамкис, поэт использует фразеологизм «держать по ветру нос», таким образом, обличая Стеклова в смене своих убеждений в зависимости от изменения генеральной линии партии. Положение остальных жителей «Эс-Эс-Эра» спорившие характеризуют еще одним фразеологизмом «ложись да помирай». В конце перепева сатирик делает акцент на мотиве террора: произведение завершается массовым расстрелом «без суда, без следствия» после телеграммы селькора, который узнал о «резолюции» средняков. Чичиков противопоставляет большевиков простому народу, изображает их безжалостными, кровожадными и ставит при перечислении в один ряд с бандитами.

Мотив террора мы встречаем в стихотворении Жака Нуара «Левосудье»[340], опубликованном в конце 1925 г. в рижской газете «Сегодня вечером». Эпиграфом сатирик берет следующую новость: «…Толпа крестьян, подстрекаемая родственниками обвиняемого, ворвалась в здание сельского суда, выволокла обвинителя на улицу и тут же избила его до смерти. (Из сов. газет)»[341]. Поэт обыгрывает новостную заметку и изображает суд, добавляя политические мотивы, отчего стихотворение превращается в сатиру на советское правосудие. Товарищ, «достойный обвинения», раскраснелся от волнения, «словно мак». Некто в здании суда незамедлительно на это реагирует:

Он ведь красный, — погляди,

---

[338] Там же.
[339] Там же.
[340] Нуар Жак. Левосудье // Сегодня вечером. 1925. № 274. 5 декабря. С. 3.
[341] Там же.

Он из наших! — Верно! Верно![342]

Жак Нуар саркастически изображает советский суд, где оценка политической принадлежности зависит от цвета лица. Обвинитель же побледнел настолько, что поэт сравнивает его с мелом или белым кителем. Это дает повод большевикам, находящимся в здании суда, сделать абсурдное заключение и линчевать обвинителя:

Обвинитель побелел,

Значит, он — белогвардеец!

И «сознательный народ»

Этот «факт» подверг оценке:

…Обвинителя «в расход»

Тут же вывели — у стенки…[343]

Таким образом, в сатирическом стихотворении Жака Нуара советский суд изображен органом власти, для которого на первом месте стоит не закон, а политическая принадлежность человека.

Сатирики изображают жизнь в Советской России полной бедности, голода и различных тягот. В стране нет социального равенства, главный интерес большевиков — грабить собственный народ и страну, которой они руководят. Когда поэты показывают жизнь в Советской России, к мотивам грабежа и террора, которые являются определяющими при изображении большевиков, добавляются мотивы бедности, голода и разрухи как следствие их деятельности. Советские власти полны бесчеловечности и лицемерия, они кормят население только для того, чтобы создать видимость хороших условий жизни перед иностранными делегатами, переименовывают города в честь своих лидеров, судят на основании политической принадлежности, а своих противников казнят.

[342] Там же.
[343] Там же.

2.4 Сатирическое изображение артистов и писателей, оставшихся в Советской России

Сатирически изображая Советскую Россию, большевиков и их лидеров, сатирики русского зарубежья первой половины 1920-х гг. обличали и артистов и писателей, оставшихся в России под властью нового режима.

7 ноября 1920 г. «Последние новости» публикуют сатирическое стихотворение Lolo «Письмо к Шаляпину»[344]. Эпиграфом к нему становится сообщение из газеты «Times» о том, что Шаляпин едет на гастроли в Лондон. Ключевым мотивом стихотворения является мотив предательства. В самом начале стихотворения Lolo задает Шаляпину риторический вопрос:

Старый друг, зачем ты стал *их* другом?

Бывший друг, ты стал моим врагом![345]

Для сатирика люди, готовые сотрудничать с большевиками являются врагами и предателями. Благодаря использованию анафоры хорошо прослеживается антитеза «старый друг» и «бывший друг», а в конце строк «друг» заменяется на «враг». После следует воспоминание о былых проступках Шаляпина:

Пред царем, сидевшим в царской ложе,

Как холоп… Не будем вспоминать[346].

Здесь подразумевается случай, произошедший 6 января 1911 года в Мариинском театре, когда Шаляпин на спектакле «Борис Годунов» встал на колено перед Николаем II. Поэт «прощает» бывшего друга, но его поведение накануне Октябрьской революции простить не в состоянии:

Ты бранил «товарищей» нещадно

И зимой, и летом (по июль)…

Но в июле, Боже мой, в июле

Ты пошел к убийцам в кабалу.

---

[344] Lolo. Письмо к Шаляпину // Последние новости. 1920. № 167. 7 ноября. С. 3.
[345] Там же.
[346] Там же.

В сентябре — от ближних утаю ли?

Звонко пел им славу и хвалу…[347]

Шаляпин изображен человеком, не имеющим каких-либо принципов и готовым согласиться с любым режимом. В октябре Шаляпин падает, как иронизирует сатирик, «на гибкие колени, сохранив привычку прежних лет», за что щедро награждается Луначарским. Из всего этого автор заключает, что Шаляпин стал «рабом рабов». Завершая стихотворение, Lolo использует кольцевую композицию:

О «гастролях» я узнал с испугом:

Будешь петь и славить Совнарком?..

Старый друг, зачем ты стал *их* другом?

Бывший друг, ты стал для нас — врагом![348]

Шаляпин, принявший советскую власть, является, по мнению поэта, предателем России, предателем бывших друзей и, соответственно, врагом. Вместе с Шаляпиным обличаются и коммунисты, которых в произведении сатирик экспрессивно именует «убийцами», «медными красными лбами», «рабами», а советских комиссаров — «вождями террора».

Обличает Lolo и М. Горького в стихотворении «Клочки из его биографии»[349], опубликованном 2 декабря 1920 г. в «Последних новостях». Эпиграфом поэт берет новость о том, что с разрешения советских властей М. Горький отправляется в Берлин и Лондон. В начале стихотворения автор иронизирует, отсылая читателя также к гастролям Шаляпина:

Коммуна его отпустила,

Валюту дала ему Власть

(Советской России светила

Питают к экскурсиям страсть)[350].

---

[347] Там же.
[348] Там же.
[349] Lolo. Клочки из его биографии // Последние новости. 1920. № 188. 2 декабря. С. 3.
[350] Там же.

Далее поэт «любезно отмечает» этапы «бытия» М. Горького, начиная с дореволюционного времени. М. Горький удостаивается исключительно положительных характеристик: «невиданный гений», «молодой полубог», «вестник новых идей». Однако со временем слава писателя рассеялась, как дым. С наступлением Февральской революции «пролетарский кумир» воскресает, Lolo иронично отмечает деятельность М. Горького в революционный год:

И дважды он служит отчизне,
Томимый двоякой тоской:
То левой рукой в «Новой жизни»,
То правой — в Москве, на Тверской[351].

После Октябрьской революции, М. Горький, по словам сатирика, «стяжал и власть, и почет», «мирволит райским поэтам» и прославляет Владимира Ленина. Однако автор уверен, что окружающая советская действительность вгоняет М. Горького в уныние:

И если художник, ученый
В Ч.К. завершают свой путь, —
Не может Максим огорченный
На вазы и камни взглянуть…
И ночью он шепчет уныло,
Устав от дневной суеты:
«О, Русь, чем я был — ты забыла,
Чем стал я — забудешь ли ты?!»[352]

В конце стихотворения Lolo с помощью серии риторических вопросов предполагает, к чему может привести М. Горького его поездка в Лондон и Берлин:

Найдет ли он в Лондонском сплине
Душевный покой, благодать?..
Не будет ли он и в Берлине

[351] Там же.
[352] Там же.

От горьких бессонниц страдать?..

Иль, верный приказу Советов,

Забыв о миражах «пайка»,

Прославить свободу скелетов

И кроткую мудрость Ч.К.?..[353]

В стихотворении поэт, признавая талант и «гений» М. Горького, обличает писателя за сотрудничество с большевиками, которые, по мнению автора, устроили террор и ведут Россию к бедствию:

Угасли светила науки,

И ночь все темней и темней[354].

Подвергаются высмеиванию и советские поэты. В стихотворении Lolo «Бедлам»[355], мы встречаем образы Алексея Крученых и Владимира Маяковского. Эпиграфом к произведению сатирик берет новость «из советских газет» о приезде футуриста Крученых, который «скажет поэту Маяковскому “Хуп-со-со” (заумную речь)». В начале стихотворения автор обращается к родине:

Непостижимая страна

Неукротимого бедлама,

Твоя святая старина —

Пыль от разрушенного храма![356]

Россия сочетала «слезы», «кровь», «бездушность казней», «подлость пыток», «старый гнет», «злую новь». Lolo вводит мотив голода, изображая, что приходится терпеть народу России при советской власти:

Голодный, нищий, жалкий люд

Глядит, снося судьбы удары,

Как свой обед из тонких блюд

Съедают братья-комиссары…[357]

---

[353] Там же.
[354] Там же.
[355] Lolo. Бедлам // Руль. 1921. № 292. 2 ноября. С. 4.
[356] Там же.
[357] Там же.

Режим большевиков, по мнению сатирика, пагубно влияет на культурную жизнь страны. Он перечисляет, на что еще вынужден смотреть русский народ:

Как Маяковский, бард и хам,
В «Кафе поэтов» ярко блещет,
Как Луначарский рукоплещет
Порнографическим стихам…
Как угасает мозг ученых.
И как фортуны колесо
Возносит гениев Крученых
С их обезьяньим «Хуп-со-со»[358].

Поэт не скрывает своего негодования по поводу происходящего в Советской России, что подчеркивается в конце стихотворения серией риторических вопросов:

О, исступленные кретины,
Когда же кончится ваш пир?
Когда умолкнут каватины
Презренных душ, продажных лир?
Когда ликующего Змия
Сразит народный гневный меч, —
И вместо «Хуп-со-со», — Россия
Услышит пушкинскую речь?![359]

Отметим, что Lolo противопоставляет футуристов, желавших сбросить классиков русской литературы «с парохода современности», Пушкину. В стихотворении Lolo «Предел»[360] Пушкин противопоставлен другому советскому поэту — С.А. Есенину. 6 июня 1924 г. праздновалось 125-летие со дня рождения А.С. Пушкина. В этот день в Москве на торжественном митинге Сергей Есенин возложил венок к подножию памятника Пушкину. Сатирическое произведение опубликовано в газете «Руль» 1 июля 1924 г. В стихотворении Lolo

[358] Там же.
[359] Там же.
[360] Lolo. Предел // Руль. 1924. № 1085. 1 июля. С. 2.

высказывающийся перечисляет различные факты окружающей его действительности («Разбиты в прах премьеры, кабинеты», «сам король с Раковским пьет вино», «стан убийц оправдан целым светом») и на все это заявляет: «Мне все равно». Эта фраза проходит рефреном через все стихотворение. Однако факт возложения венка к памятнику Пушкину советским писателем высказывающийся стерпеть не в силе:

Но то, что П у ш к и н у поднес венок Есенин, —

Ужель снесу?!..[361]

Стоит отметить то глубокое уважение, которое питает к Пушкину Lolo, что подчеркивается выделением фамилии великого русского поэта пробелами между буквами. На приверженность пушкинскому стиху и любовь к творчеству Пушкина у Lolo обращал внимание и Петр Пильский в статье «Л.Г. Мунштейн-Lolo. К его 70-летию»[362].

Стихотворение А. Хирьякова «Поэту»[363] посвящено абстрактному советскому поэту. Сатирическое произведение написано в жанре перепева, источником которого послужило стихотворение А.С. Пушкина «Поэту». В эпиграфе А. Хирьяков указал адресата своего перепева: «Посвящается поэту, приспособившемуся к советской России и “применительно к подлости”, ищущему себе оправдания и успокоения. А какому именно поэту, ради его безопасности, скромно умолчим»[364]. В начале стихотворения автор использует отсылку к библейским мотивам, продаже Исавом первородства за чечевичную похлёбку:

Поэт. Не дорожи любовью большевичной;

Усиленных пайков сойдет минутный след.

Дороже твой венец похлебки чечевичной,

Не продавай его, не продавай, поэт[365].

---

[361] Там же.
[362] Пильский П. Л.Г. Мунштейн-Lolo. К его 70-летию // Сегодня. 1937. № 72. 13 марта. С. 2.
[363] Хирьяков А. Поэту // Руль. 1925. № 1392. 3 июля. С. 2.
[364] Там же.
[365] Там же.

Сатирик взывает к совести советских поэтов и заявляет, что большевики не в состоянии воспринимать красоту искусства:

Уйди от них, поэт. Их трибунал не суд,

Им нечем оценить твой вдохновенный труд

И оплюют они священный твой треножник[366].

Завершает перепев А. Хирьяков очередным укором в адрес большевиков, сравнивая их с убийцами:

Так нечестивый их не посещай совет,

Где нагло властвует не граждан лучших цвет,

А кровью братскою обрызганный острожник[367].

Сатирические стихотворения, бичующие Шаляпина и М. Горького, появляются в связи с новостями об их приезде в Европу. Артист и писатель, завоевавшие славу еще до революции, становятся объектом сатиры, поскольку во время заграничной поездки могут склонить своим авторитетом на сторону большевиков часть эмиграции. Шаляпин обвиняется в предательстве, а М. Горький подвергается обличению за принятие советского режима. Советских же поэтов сатирики обличают за разрыв с традициями предшественников и противопоставляют им фигуру А.С. Пушкина. Поэты русского зарубежья сатирически изображают артистов и писателей Советской России, обвиняя их в согласии с властью большевиков ради корыстных целей и выгод.

[366] Там же.
[367] Там же.

Глава 3. Сатирическое изображение политиков стран Антанты

В начале 1920-х гг. русская эмиграция верила в неминуемое падение большевиков и скорое возвращение на родину. Поэтому сатира русского зарубежья этого периода яростно бичевала иностранных политиков, которые были открыты к диалогу с Советской Россией. Однако заключенный Рижский мирный договор между Советской Россией и Польшей, после которого страны начали вести между собой торговлю, не стал поводом для возникновения множества сатирических стихотворений в адрес руководителей Польской Республики. Рапалльский договор, заключенный в 1922 г. между Германией и Советской Россией, также не привлек большого внимания сатириков. Связано это с тем, что в начале 20-х гг. XX века Германия и Польша не являлись ключевыми странами, определявшими политику Европы.

В сатирических стихотворениях обличались в первую очередь политики стран Антанты, контактировавшие с советскими делегатами на международных конференциях и не принимавшие решительных мер в отношении Советской России, на которые так надеялись эмигранты.

3.1 Политика стран Антанты

Первый номер «Последних новостей» увидел свет 27 апреля 1920 г., а уже 11 мая в газете появилось первое сатирическое стихотворение — «Богоискатели»[368] Дон-Аминадо. Эпиграфом поэт взял первую строку из двустишия А.С. Пушкина «На перевод Илиады», поменяв слова «умолкнувший» и «божественной» местами друг с другом. Ключевой мотив стихотворения — предательство, в нем обличаются бывшие союзники, страны Антанты, которые отвернулись от России. Использование анафоры и аллитерации делает ярче вывод поэта:

В реальной политике нет сантиментов.

[368] Дон-Аминадо. Богоискатели // Последние новости. 1920. № 12. 11 мая. С. 3.

В реальной политике только сантимы[369].

Заключение поэта усиливает созвучие противопоставляемых друг другу «сантиментов» и «сантимов». Образ русского солдата, «защитника Лувена», противопоставлен европейским странам, рассуждающим о «нашей отчизне» в таком духе, что у автора «дрожь по спине пробегать начинает». Россия всегда была готова прийти на помощь союзникам, но в итоге русский народ теперь лежит «в стороне от широкой дороги какой-то гниющей и косною тушей». Изображаются мрачная картина революции и разочарование по поводу европейских стран, думающих о своей выгоде, а не о помощи России:

И знать, что за зернышко русского хлеба

Готовы признать Мильтиада в Петлюре…[370]

Дон-Аминадо обличает бывших союзников, страны Антанты, которые не оказывают помощь России, помимо мотива предательства в стихотворении звучат мотивы грусти и обреченности.

5 июля 1920 г. в бельгийском городе Спа Верховным советом Антанты была созвана международная конференция. Одним из вопросов, который обсуждали делегаты, было вмешательство в советско-польский конфликт ввиду успешного наступления советских войск. 11 июля Д. Керзон, британский министр иностранных дел, направил ноту советскому правительству, требуя прекратить наступление Красной Армии на линии, проходившей через Гродно — Яловку — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг. Однако Красная армия продолжила наступление. Эти события находят отражение в стихотворении Улисса «Смотр дипломатов»[371], основными героями которого являются европейские политики. Автор обличает нерешительную политику Антанты по отношению к Советской России, делает акцент на мотиве разочарования. В стихотворении министры Англии, Италии и Франции «в двенадцать часов по утрам» встречаются в Булони-сюр-Мер, заседают и толкуют, как иронизирует

[369] Там же.
[370] Там же.
[371] Улисс. Смотр дипломатов // Последние новости. 1920. № 93. 13 августа. С. 3.

сатирик, «в “решительном” тоне». Это вызывает смех в Москве, большевики уверены в бесперспективности конференции:

Слова, все пустые слова,

Из них не получится толку[372].

Лексический повтор подчеркивает бездействие европейских политиков из-за возникающих споров. Обсуждение в Спа европейскими политиками нового проекта «в английском вкусе», вызывает новые приступы смеха большевиков. Улисс создает образ смеющегося Ленина:

Чичерин от счастья поет,

И в бороду Ленин смеется:

«Мы Польшу возьмем в оборот,

Покамест Антанта споется»[373].

Частичная эпифора «поет — споется» как бы подчеркивает превосходство советских политиков над Антантой. Иронизирует поэт и по поводу британской ноты о линии Керзона, которая заставляет большевиков в Москве трястись от смеха. Рефрен «в двенадцать часов по утрам», после которого идет упоминание различных конференций 1920 г. и британской ноты, подчеркивает бесплодность международных конференций. Им автор противопоставляет реакцию большевиков, которые вначале смеются «втихомолку», а потом вовсе «трясутся от смеха». В конце стихотворения в двенадцать часов уже «нет речи о новом свиданьи», европейские политики «удрученно молчат» в ожидании. Заканчивается сатирическое произведение исчезновением Версальского договора, превратившегося в «жалкий клочочек бумаги». Используя лексический повтор и прием градации, Улисс изображает беспомощность европейских стран перед большевиками.

Бездействие Антанты изображает и Л. Никитин в стихотворении «Дела и порывы», опубликованном 2 октября 1920 г. в газете «Русский голос».[374] Автор использует заключительные строки стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на

[372] Там же.
[373] Там же.
[374] Никитин Л. Дела и порывы // Русский голос. 1920. № 75. 2 октября. С. 3.

час» и переосмысляет их. Основная идея стихотворения «Дела и порывы», состоящего из восьми строф, заключается в том, что русской эмиграции суждены «благие порывы», но не суждено ничего свершить. Это противопоставление благих порывов и отсутствия дел проходит рефреном через все стихотворение, обретая форму упрека. В предпоследней строфе поэт бросает этот упрек в адрес союзников — европейских стран, которые не предпринимают активных действий по борьбе с Советской Россией:

Хорошо, что мы все терпеливы,

Ждем союзных посулов руно…

Но… и тут суждены лишь порывы,

А свершить ничего не дано!..[375]

Предательство бывших союзников является ключевым мотивом в сатирическом стихотворении Lolo «Вы не пришли!..»[376], перепевающим романс В.А. Мазуркевича «Письмо». Поэт обращается к странам Антанты:

Мы шли плечом к плечу во дни борьбы кровавой,

Но наши подвиги — прочитанный рассказ.

О нем забыли вы… и, в упоеньи славой,

Забыли нас[377].

Но Антанта не только забыла бывшую союзницу, Россию, она перестала слышать ее призывы о помощи, когда «орда убийц, безумцев озверелых», как автор называет большевиков, захватила власть. Дистантным повтором слова «забыли» выделена центральная мысль стихотворения — предательство Антанты. Lolo предупреждает, что «несется, точно смерч, зверей голодных стая», которая грозит уже смести со своего пути и Европу. Завершает стихотворение поэт риторическим вопросом, в котором также присутствует укор бывшим союзникам:

Темнеет небосклон. Как ночь, угрюмы дали…

Голодные, в крови, во мраке и пыли,

В бреду мы шепчем вновь: зачем, когда мы ждали,

---

[375] Там же.
[376] Lolo. Вы не пришли!.. // Последние новости. 1920. № 70. 17 июля. С. 3.
[377] Там же.

Когда мы звали вас, в тревоге и печали, —

Вы не пришли?!..[378]

В стихотворении Lolo негативно изобразил большевиков. Политиков Антанты, которые не откликнулись на просьбы России о помощи, когда та так требовалась, в стихотворении нет, но именно к ним обращен упрек «Вы не пришли!», проходящий рефреном через все стихотворение. Поэт, используя лексический повтор, концентрирует внимание читателя на предательстве бывших союзников, отчего обличение европейских стран усиливается.

Мотив разочарования из-за отсутствия помощи Антанты в борьбе против Советской России мы встречаем и в сатирическом произведении Улисса «Вопросы и ответы»[379], в котором автор отвечает на различные вопросы анкетного листа. Стихотворение написано в разгар наступления Красной армии в советско-польской войне. Один из вопросов касается Лиги наций, поэт лишен надежд на успешную и плодотворную деятельность новой международной организации:

Для чего нам Лига наций?

Помню – первый был вопрос…

«Чтобы в массе профанаций

Новой место бы нашлось…»[380]

Использованию ведущими государствами Лиги наций в корыстных целях посвящена и басня Ал. Темного «Собаки»[381]. Наблюдая отчаянную «грызню» собак, бульдог предлагает вступить собакам в братский союз и избрать «междусобачий трибунал». Но как только собаки единогласно принимают предложение, бульдог просит трибунал не вмешиваться в его конфликт с желтым псом:

…спор наш составляет исключенье,

И так как сложен очень он и труден,

---

[378] Там же.
[379] Улисс. Вопросы и ответы // Последние новости. 1920. № 46. 19 июня. С. 3.
[380] Там же.
[381] Темный Ал. Собаки // Сегодня. 1920. № 65. 19 марта. С. 2.

То трибуналу должен быть он неподсуден[382].

Подобную просьбу высказывает и волкодав. На деле оказывается, что крупные псы готовы вступить в союз, только если получат определенные привилегии. Автор заключает:

О, как бы не хотелося мне верить,

Чтоб светлая идея лиги наций

Пала бы жертвою людей, привыкших лицемерить,

Пала бы жертвой комбинаций

Интриг и политический затей,

Как жертвою собачьих пал страстей

Союз моих наивных кобелей[383].

В стихотворении «Письмо к Антанте»[384] Lolo обращается к бывшим союзникам России. Причина обращения довольна проста:

…надеюсь доказать я,

Что четыре — дважды два[385].

«Дважды два» для сатирика — убеждение в необходимости уничтожения «во имя правды, света» «злого “рая”», как он иносказательно называет Советскую Россию. Как и в стихотворении «Вы не пришли!..», вспоминается, что страны Антанты «в дни печали» шли с Россией «к общей цели» и снабжали белую армию. Но после поражения генерала П.Н. Врангеля, Европа, по мнению поэта, поспешила поставить крест на усилиях антибольшевистских сил, теперь Советы могут проникнуть в Европу. Предлагая идти «viribus unitis» в бой против Советской России, поэт думает совсем не о благополучии эмиграции:

Интервенция?.. Проснитесь!

Интервенция ли это,

Если вы, себя спасая,

Заодно спасете нас?!..[386]

---

[382] Там же.
[383] Там же.
[384] Lolo. Письмо к Антанте // Последние новости. 1920. № 179. 21 ноября. С. 3.
[385] Там же.

6 января 1922 г. Каннская конференция приняла предложенную Ллойд-Джорджем резолюцию о созыве конференции в Генуе, на которую пригласят все европейские страны, включая Германию и Советскую Россию, а также Соединенные Штаты Америки. Эта конференция должна была стать первой большой встречей РСФСР со странами Западной Европы. Принятое в Каннах решение вызвало широкий общественный резонанс, например, недовольство итогами конференции привело к смене правительства во Франции. Событие нашло отклик и в сатире русской эмиграции. В цикле Lolo «Из писем, на которые не отвечают» есть стихотворение «Дорогие премьеры…»[387] Поэт возмущен решением конференции в будущем сидеть за одним столом «с большевистской компанией» и пытается предостеречь премьер-министров от опасности, которую несут в себе «изуверы», «красная братия».

Европейские политики упрекаются в медлительности:

Перед вами вопрос «возмещения»

Разрешайте его без смущения

И скорей…[388]

Стихотворение состоит из 7 строф, каждая из которых начинается обращением к премьер-министрам. Рефрен «дорогие премьеры» подчеркивает значение аргументов, которые постоянно приводит автор, пытаясь доказать европейским политикам, что «сидеть с большевистской компанией <…> это “фо-па”». Отмечается и лицемерие британского премьера:

Пусть Ллойд-Джордж к ним пылает симпатией —

Прежде к ним был он строг и суров

Звал их «шайкой убийц и воров»…[389]

Сатирик вводит мотив игры: дипломатию, ведущуюся политиками, он сравнивает с игрой в рулетку.

Не играйте на «rouge»! Не хитро! —

---

[386] Там же.
[387] Lolo. Из писем, на которые не отвечают // Последние новости. 1922. № 533. 11 января. С. 2.
[388] Там же.
[389] Там же.

Русь играла — и вышло: zéro![390]

Lolo предостерегает премьеров от признания «Республики красной» и обличает дипломатов в лицемерии.

Мотив игры мы встречаем и в стихотворении Lolo «За чечевичную похлебку»[391]. Сатирик прогнозирует, что советские дипломаты обведут европейских политиков вокруг пальца, соблазнят «гордых бриттов и Францию робкую» и взывает к государственным деятелям:

Дипломаты! хоть вы и прославлены,

Но хитрее разбойничья рать.

Обыграет вас шулер отъявленный:

С шулерами не надо играть[392].

30 апреля 1922 г. в «Последних новостях» было опубликовано стихотворение Lolo «Genova la superba»[393], обличающее европейских политиков. Во время конференции итальянский король Виктор Эммануил III устроил прием и банкет для членов делегаций на дредноуте «Данте Алигьери», на который необходимо было явиться во фраке, цилиндре и перчатках. Газета «Сегодня», ссылаясь на миланскую газету «Corriere della Sera», сообщала, что это вызвало возмущение в среде итальянских коммунистов, но большевики «очень спокойно надели церемониальный d'Orsay, вооружились цилиндрами и серыми перчатками и явились к королевскому столу»[394]. «Безукоризненные фраки и светский лоск, и блеск, и шик» — именно так описывает сатирик большевиков и тут же недоумевает:

Где ж эти звери красной масти?

Где пятна крови?.. Смех, цветы…

Довольно злостной клеветы![395]

---

[390] Там же.
[391] Lolo. За чечевичную похлебку // Возрождение. 1925. №47. 19 июля. С. 3.
[392] Там же.
[393] Lolo. Genova la superba // Последние новости. 1922. № 626. 30 апреля. С. 2
[394] Б.п. Большевики у короля Виктора-Эмануила // Сегодня. 1922. № 94. 28 апреля. С. 2.
[395] Lolo. Genova la superba // Последние новости. 1922. № 626. 30 апреля. С. 2.

Поэт выносит на первый план мотив перевоплощения и дает возможность высказаться в свою защиту самим большевикам, они заявляют, что террор «быть может, был вначале», но прошел, как дым, «Чека исчезла». Lolo, выражая мнение большинства представителей русской эмиграции, переживает, что советская делегация предложит все что угодно ради признания своего правительства:

Любимец дам, «синьор Чичерин»
Стяжать признание намерен,
А за «признанье и кредит»
Он ничего не пощадит[396].

Отметим, что Lolo использует образ Чичерина из стихотворения Лери «Генуэзский фокстрот» и при изображении советского политика называет его «любимцем дам». Изображаются и европейские политики: на приеме у короля Ллойд-Джордж смеется, а Барту сконфужен. Сатирик не может поверить факту приглашения на дредноут советской делегации. Для такого поступка, по мнению поэта, необходимо лишиться разума, что подчеркивает использование анафоры:

Спи, здравый разум: ты не нужен,
Спи, сердце: ты бунтуешь зря! —
Король зовет к себе на ужин
Тех, кто велел убить царя…[397]

Мотивы лжи и предательства являются ключевыми в стихотворении Lolo «Весна — и солнце… и вранье»[398], опубликованном в газете «Руль» 16 мая 1922 г. Поэт разочарован проведением Генуэзской конференции, ему грустно и обидно «встречать весну не там, а здесь». Удрученное эмоциональное состояние подчеркивается с помощью лексического повтора:

Твержу я снова, снова, снова,
Твержу, бродя из края в край, —
Пойдет ли снег, блеснет ли май,
Дымит ли печь, горит ли солнце,

[396] Там же.
[397] Там же.
[398] Lolo. Весна — и солнце… и вранье // Руль. 1922. № 454. 16 мая. С. 2.

Стучит ли дождь в мое оконце —

Твердил вчера, твержу и днесь:

«Не там, а здесь, не там, а здесь!..»[399]

За невозможность вернуться на родину ответственны «дипломаты-пауки», ткущие, как паутину, «святую ложь»:

…Лжет старый бритт, что будто верит

В свою спасительную роль,

Архиепископ лицемерит

И притворяется король.

Лгут представители всех наций,

(Лгут так, что Боже упаси!),

Лгут в ожиданьи комбинаций

И компенсаций на Руси…[400]

Использование анафоры концентрирует внимание читателя на лжи и ее причине: политические деятели Европы лгут потому, что хотят получить выгоду от правительства большевиков. Прибыль для них важнее помощи бывшим союзникам, звучат мотивы лжи и предательства. Именно за это сатирик обличает руководителей Антанты. В завершении стихотворения по количеству используемой лжи европейские политики уже не уступают большевикам: «красный лжец», смеясь, удивляется чуду, оказывается «здесь врут не менее чем там!!!»

13 мая 1923 г. газета «Руль» публикует стихотворение А. Черного «Нетактичный романс»[401], которое обличает алчную и меркантильную политику Англии, сотрудничающей с Советской Россией. В стихотворении преобладают мотивы грабежа, разрушения и убийства, большую его часть занимает пение неизвестного человека с востока «в красном», что сразу вызывает у читателя ассоциацию с большевиком. Как отмечает М.А. Жиркова, «прилагательное “красный” — одно из самых употребляемых, оно становится универсальным

[399] Там же.
[400] Там же.
[401] Черный А. Нетактичный романс // Руль. 1923. № 744. 13 мая. С. 2.

синонимом <…> и является символом новой Советской России»[402]. Неизвестный трижды обращается к адресату романса, что подчеркивается использованием анафоры:

О, иностранный капитал,

О, наглый дьявол и шакал,

О, кровопийца и палач, —

Услышь, пожалуйста, мой плач![403]

Рассказывая как разрушил всю страну, поющий просит научить его строить, чтобы стать «красным Крезом». В благодарность этот некто обещает разрушить дом своего учителя, обобрать его до нитки и «взрезать живот серпом». Поэт использует анафору и параллелизм, чтобы подчеркнуть абсурдность просьб человека «в красном»:

Во имя гибели своей,

Во имя радости моей,

Услышь мои проклятья —

Приди в мои объятия[404].

Создается впечатление, что ни один здравомыслящий человек не согласился бы на такие условия. Но в ответ произносится фраза «All right! Готовлюсь в путь». После ответа на английском языке становится ясно, что все это время поющий обращался к Британии, положительный ответ которой после данных обещаний изображает ее готовой на все ради финансовой выгоды.

В уже упомянутом нами стихотворении Дон-Аминадо «Непропавшая грамота»[405] создается и образ Д.Р. Макдональда, занимавшего в 1924 г. пост британского премьер-министра. О.М. Михайлова в статье «Лейбористская партия Великобритании в 20-х гг. XX в.: борьба за электорат» [406] пишет, что Макдональд,

---

[402] Жиркова М.А. Саша Черный как редактор и автор отдела сатиры и юмора «Бумеранг» в парижском еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 2. С. 69.

[403] Черный А. Нетактичный романс // Руль. 1923. № 744. 13 мая. С. 2.

[404] Там же.

[405] Дон-Аминадо. Непропавшая грамота // Руль. 1924. № 1192. 2 ноября. С. 4.

[406] Михайлова О.М. Лейбористская партия Великобритании в 20-х гг. XX в.: борьба за электорат // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/12/WH/Mikhailova.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

надев фрак, изменив прическу и форму усов, стал выглядеть, как представитель аристократии, хотя ранее воспринимался рабочими как символ ненависти к капиталистам. Именно после «усов» и «шевелюры», будто бы подтверждая слова Раковского о глупости Макдональда («Премьер твой — миленочек, глупый Рамзаинька»[407]), среди положительных качеств британского политика автор ставит «способности», которые таким образом оказываются на последнем месте в списке достоинств британского премьера. В доказательство своих слов Дон-Аминадо спрашивает: «А, впрочем, зачем ударяться в подробности?!..». После вопроса описывается следующая картина: держа в одной руке договор, а в другой прокламацию, «Рамзай» сначала желтеет, а после и вовсе становится коричневым, отчего удостаивается сравнения с цикорием. Если большевистские политики в стихотворении пишут «прокламации» и «поют», то премьер-министр Британии молчит. «Он страшен, и гневно ломается бровь его» — таким изображает поэт Макдональда, который заранее понимает, что выборы проиграны:

В газетах — статьи! На трибунах — ораторы!
Свистят либералы! Гремят консерваторы!
И в воздухе пахнет таким электричеством,
Что клятву Его Королевским Величеством,
Безмолвствуя, внемлет Великобритания,
И, только Понсонби хрипит: до свидания!..[408]

Иной смысл обретает рефрен «до свидания!..», который завершает каждую часть стихотворения. Если Зиновьев и Раковский прощаются с адресатом «прокламации» и Макдональдом соответственно, то за Макдональда прощается Артур Понсонби, занимавший должность заместителя министра иностранных дел Великобритании, и его «до свидания!..» — это прощание с лейбористским правительством.

5 октября 1925 г. в швейцарском городе Локарно открылась международная конференция при участии Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Польши,

[407] Дон-Аминадо. Непропавшая грамота // Руль. 1924. № 1192. 2 ноября. С. 4.
[408] Там же.

Франции и Чехии. Западные державы стремились связать Германию обязательствами о неприкосновенности германо-французских и германо-бельгийских границ и не допустить укрепления отношений Германии с СССР. Однако 12 октября 1925 г. в Москве Германия заключила с СССР торговое соглашение, продолжив политику «лавирования» между Западом и Востоком. 15 октября, за день до закрытия Локарнской конференции в газете «Сегодня» было опубликовано стихотворение Жака Нуара «Про белого бычка»[409], обличающее европейских политиков и высмеивающее бесплодность международных конференций. Согласно фразеологическому словарю русского литературного языка А.И. Федорова выражение «сказка про белого бычка» это «надоедливое повторение одного и того же, возвращение к одному и тому же»[410]. Именно этот смысл несет в себе стихотворение, посвященное бесконечной череде международных конференций. Ключевым мотивом стихотворения является мотив безысходности. Повествование начинается с воспоминаний о Генуэзской конференции, первой с участием Советской России:

…Я помню Геную, помню Рапалло.

Кому-то влетело, кому-то попало[411].

Поэт использует лексический повтор, создающий эффект монотонности, ощущение повторяемости событий. Во второй строфе Жак Нуар с целью придать речи интонационную экспрессию использует прием парцелляции:

Гаага. Дворец. Европейское вече.

Параграфы. Пункты. Немолчные речи[412].

Но все эти речи — всего лишь «словесный сироп». В следующей строфе, начиная рассказ про Локарно, поэт использует сразу оба приема: и лексический повтор, и парцелляцию. В конце стихотворения у сатирика не остается надежд на положительный результат очередной международной конференции:

---

[409] Нуар Жак. Про белого бычка // Сегодня. 1925. № 232. 15 октября. С. 2.
[410] Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. — 3-е изд., испр. — М.: АСТ Астрель, 2008. С. 620.
[411] Нуар Жак. Про белого бычка // Сегодня. № 232. 1925. 15 октября. С. 2.
[412] Там же.

…Как жаль, что придется оставить Локарно —

Толпой, в одиночку, быть может попарно.

Сидеть бы до снега — какого там черта!

Потом бы в Сан-Мориц для «зимнего спорта»…

…К весне переехать бы всем на Ривьеру,

И где-нибудь снова поставить «премьеру»…

Терпенье, Европа! Не все ведь пропало:

Ты Геную помнишь? Ты помнишь Рапалло?[413]

Стихотворение имеет кольцевую композицию. С помощью риторических вопросов автор подчеркивает бесплодность международных конференций: именно на Ривьере, в Каннах, было принято решение созвать конференцию в Генуе, на которую была приглашена советская делегация. Для автора все конференции, преследующие цель объединиться против Советской России, либо пойти на диалог с большевиками, бессмысленны. Европейские политики все равно не применяют решительных мер, на которые надеется русская эмиграция, потому получают от поэта предостережение: СССР снова переиграет на политическом поприще Антанту, как было в Генуе и Рапалло.

Как видно из представленного анализа, стихотворная сатира русского зарубежья откликается на важнейшие события на политической арене и делает своей мишенью ведущие мировые страны и политиков, которые либо готовы к диалогу с Советской Россией, либо не в состоянии принять решительных мер по борьбе с большевиками. Чаще всего сатирические стихотворения появляются на страницах изданий в связи с проведением международных конференций. Руководители европейских стран изображены корыстными, лицемерными, нерешительными политиками. В сатирических стихотворениях, где героями становятся европейские дипломаты, преобладающим мотивом является мотив предательства. Помимо этого мотива мы встречаем мотивы безысходности, лжи, игры, разочарования. Большевиков сатирики изображают в негативных красках, что видно по используемым эпитетам. Прослеживается и трансформация образа

[413] Там же.

высказывающегося в сатирических стихотворениях, героями которых являются европейские политики. В начале 1920-х гг., на фоне снятия блокады с Советской России, он грустен и разочарован, с началом проведения международных конференций с участием большевиков, высказывающийся активно действует, он обращается к политикам Антанты и пытается их убедить в ошибочности сотрудничества с большевиками. Однако вскоре высказывающийся переходит к обличению европейских политиков и грозит Европе крахом.

Образы европейских политиков мы встречаем и в сатире метрополии: они изображены как антибольшевистские силы, которые готовы оказать помощь армиям, ведущим военные действия против РСФСР. Так, Маяковский в «окне РОСТА» № 108[414] обличает британского премьера в поддержке Ю. Пилсудского, а председателя Совета министров Франции в поддержке С.В. Петлюры и называет А. Мильерана «душителем и убийцей»[415]. Откликаясь на заметку «Известий» о переговорах между Францией и Врангелем, Маяковский пишет «Сказку о министре-дурачке и о Врангеле-генерале, известном врале»[416], в которой Главнокомандующий Русской армией продал Мильерану всю Россию за 200 рублей. Но получить французский политик ничего не смог, так как настоящий хозяин России — советская власть. Покровителем Врангеля изображает поэт в «окне» № 113[417] и лорда Керзона, который дает лидеру Белого движения «в руки нож». После поражения Русской армии в Крыму, Маяковский высмеивает политику Франции в отношении Врангеля в окне «Галлер выехал в Америку просить помочь Польше»:

Учитесь, на Мильерана глядя, —

на белогвардейцев в лоск протрясся дядя[418].

В стихотворении «Керзон»[419] Маяковский высмеивает алчность британского премьера:

---

[414] Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. «Окна» РОСТА 1919–1922. — М.: ГИХЛ, 1957. С. 95–96.
[415] Там же. С. 96.
[416] Там же. С. 147.
[417] Там же. С. 98.
[418] Там же. С. 287.

В нотах

Керзон

удал,

в гневе —

яр,

но можно

умилостивить

показав доллар[420].

Демьян Бедный в стихотворении «Неизбежное и страшное»[421] изображает Керзона противником становления Советской России:

Это Керзону неможется

Это Керзон тревожится

Это Керзон принимает меры предупреждения

Против нашего хозяйственного возрождения[422].

Лексический повтор усиливает обличение политики британского премьера. Как и в стихотворной сатире русского зарубежья, советская сатира высмеивает корыстолюбие европейских политиков, но связано это скорее с различием в идеологии между большевиками и капиталистическими странами. Однако, в отличие от сатирической поэзии русского зарубежья, которая изображает бездействие Антанты, отсутствие помощи европейских стран эмиграции в борьбе с Советской Россией, сатира метрополии показывает европейских политиков готовыми прийти на помощь любым антибольшевистским силам.

---

[419] Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5. Март-декабрь 1923. Реклама 1923–1925. — М.: ГИХЛ, 1957. С. 115.
[420] Там же. С. 120.
[421] Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. 1921–1929. — М.: ГИХЛ, 1954. С. 148
[422] Там же.

3.2 Сатирический образ британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа

В начале 1920 г. Верховный совет держав Антанты прекратил блокаду Советской России. На конференции в Сан-Ремо делегатами было принято решение о возобновлении торговых связей с Россией. Премьер-министр Британии Дэвид Ллойд-Джордж первым среди находящихся у власти политиков стран Антанты сделал шаг навстречу московскому правительству. Русская эмиграция оказалась недовольна подобными новостями, поскольку они означали укрепление власти большевиков. Видя в большевиках идейного врага, ожидая, что их власть в стране должна скоро закончиться, русская эмиграция любой диалог с Советской Россией приравнивала к предательству, и Англия, по их мнению, переговорами об англо-советском торговом соглашении предавала бывшего союзника по Великой войне. С началом этих переговоров Ллойд-Джордж становится одной из главных мишеней стихотворной сатиры русского зарубежья.

Первые сатирические стихотворения появляются еще до прибытия в Лондон советской делегации, 11 мая 1920 г. газета «Сегодня» публикует стихотворение Лери «Песнь о вещем Олеге»[423], написанное в жанре перепева. Источником перепева послужило произведение А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». У Лери вещий Олег, в образе которого угадывается британский премьер, собирается свою страну «с совдепом навек торговым связать договором». Олега автор изображает лицемерным и корыстным человеком: несмотря на то, что большевиков он называет «бандитами», «совдепскую руку» герой сатиры готов пожать «хоть сегодня». Причиной, по которой он готов заключить подобный союз, становится российское золото. Но прежде вещий Олег решает узнать, как смотрит на эти переговоры эмиграция. Задавая вопросы первому встретившемуся эмигранту, Олег изобличает самого себя, его интересует только прибыль. Мотив алчности является в стихотворении ключевым:

И даст ли нам золото, камни и хлеб

[423] Лери. Песнь о вещем Олеге // Сегодня. 1920. № 104. 11 мая. С. 2.

Богатый и добрый российский Совдеп?[424]

Эмигрант пророчит герою смерть от российского золота, но Олег только усмехается. Поэт саркастически изображает реакцию министра на слова эмигранта:

Олег усмехнулся: Одни дураки
От золота, мол, помирают,
Однако цепочку и перстень с руки
Своей он тихонько снимает[425].

Но когда после заключения союза Олег открывает сундук, чтобы посмотреть на золото, со дна выползает «красный совдеп»:

В момент размножился, проворен и быстр,
И вскрикнул ужаленный насмерть министр[426].

«Развязно речистый», как иронизирует Лери, Троцкий хохочет над сложившейся ситуацией, большевики изображены единственной выигрывающей стороной от торгового соглашения. Образ Ллойд-Джорджа связан в стихотворении с глупостью, корыстолюбием, лицемерием, предательством.

Мотив алчности мы встречаем и в стихотворении Улисса «Кудесники»[427], которое также является перепевом пушкинской баллады «Песнь о вещем Олеге». Действующие персонажи сатирического произведения — Красин и Ллойд-Джордж. Британский премьер-министр изображен алчным и беспринципным политиком, готовым ради прибыли от договора с Советской Россией признать правительство большевиков:

Ну, что у вас есть, говорите, дружок!
(Ллойд-Джордж вопрошает пытливо),
Надеюсь, и кожа, и лес, и хлопок,
Зерно? (О, зерно особливо!).
За это… (он Красина взял за плечо),

[424] Там же.
[425] Там же.
[426] Там же.
[427] Улисс. Кудесники // Последние новости. 1920. № 38. 10 июня. С. 3.

Мы можем признать вас… Чего же еще?

<…>

Заметно Ллойд-Джорджа растет аппетит,

И в речи звучит энергичность.

С волнением Красину он говорит:

А как золотая наличность?

Пожалуй, России я кой-что продам.

Но… золото, золото дайте вы нам![428]

С помощью повтора слова «золото» автор подчеркивает алчность Ллойд-Джорджа. 4 июня 1920 г. на страницах «Последних новостей» сообщалось о том, что Красин перед приездом в Лондон сказал журналистам: «Англичан, как и тараканов, можно выгнать лишь при помощи персидского порошка»[429]. В этой же новости говорилось, что «“Таймс” говорит, что <… > России нечего вывозить, кроме золота»[430]. Обыгрывая слова Красина, поэт вкладывает в уста советскому политику следующую речь, которая звучит комично:

Понятен нам очень ваш резвый скачок:

Вам очень персидский вредит порошок[431].

В начале перепева Ллойд-Джордж описывается как «тонкий политик, джентльмен, кавалер», но затем мы понимаем, что эта характеристика носит саркастический характер. Премьер изобличает самого себя: при встрече с Красиным Ллойд-Джордж говорит только о золоте и природных богатствах России, его интересует исключительно финансовая выгода. Автор акцентирует внимание читателя на алчности, корыстолюбии и меркантильности Ллойд-Джорджа.

Стихотворение Улисса «Догадайтесь сами!»[432] составлено из загадок, комический эффект достигается за счет того, что читатель по предложенному

[428] Там же.
[429] Б.п. Советская дипломатия // Последние новости. 1920. № 33. 4 июня. С. 1.
[430] Там же.
[431] Улисс. Кудесники // Последние новости. 1920. № 38. 10 июня. С. 3.
[432] Улисс. Догадайтесь сами! // Последние новости. 1920. № 52. 26 июня. С. 3.

описанию должен угадать то, о чем говорит поэт. Ллойд-Джорджу в этом стихотворении посвящена следующая загадка:

Смел. Умен. Красноречив.

Хладнокровен. Не брезглив.

Ловкий, скользкий, словно морж.

Брит и бритт. Кто он? …[433].

Улисс использует игру слов, парцелляцию и сравнение. Отметим, что характеристику британского премьера как не брезгливого человека позже разовьет Лери в стихотворении «Но я вас все-таки люблю!»[434]

Образ Ллойд-Джорджа как алчного и корыстного политика возникает в написанном в жанре перепева стихотворении Lolo «Последняя „коробушка“ (На мотив из Некрасова)»[435]. Источником перепева послужила поэма Н.А. Некрасова «Коробейники». В роли коробейника выступает Красин, который раскладывает «весь награбленный товар». Чтобы подчеркнуть беспощадность и кровожадность большевиков, автор рассказывает о том, как товар, с которым приехал «красный комиссар», попал в руки Совнаркома. С помощью анафоры поэт заостряет внимание читателя на количестве убитых людей. Помимо мотива алчности, сатирик делает акцент на мотиве террора:

Есть и платина, и золото,

Но не ведает никто,

Сколько люду переколото,

Сколько крови пролито!..[436]

Ллойд-Джордж изображается беспринципным и корыстным человеком, его совершенно не волнует, как товар попал в руки купца. Основным интересом премьера, как и в стихотворениях Лери и Улисса, является российское золото:

Досточтимые разбойники,

---

[433] Там же.
[434] Лери. Но я вас все-таки люблю! // Славянская заря. 1920. № 171. 11 июля. С. 2.
[435] Lolo. Последняя «коробушка» (На мотив из Некрасова) // Последние новости. 1920. № 56. 1 июля. С. 3.
[436] Там же.

(Отвечает джентльмен),
Ваши граждане — покойники,
Но я рад начать обмен.
С немцем я грознее молота,
С русским друг и рыцарь я:
Так и быть, давайте золото,
Если нет у вас сырья!
Где вы взяли драгоценности —
Это, так сказать, деталь.
Не люблю я откровенности,
Оскорбляющей мораль…
И хотя Его Величество
Не признало «москвичей», —
Все зависит от количества
И от качества вещей[437].

9 июня 1920 г. на первой полосе газеты публикуется заметка «Наивные вопросы и ненаивные ответы»[438], в которой как раз и поднимается проблема заинтересованности британского премьера в скупке награбленного, описанная Lolo: «Другой депутат, сэр Самуэль Лоор еще более наивно вопрошал, “не создастся ли, в случае положительного исхода переговоров, общее впечатление в Англии и во Франции, что Великобритания сделалась соучастницею воров, утаивая похищенные ими товары”. Ллойд-Джордж, как прозаический и вместе с тем благоразумный политик, совершенно уклонился от ответа на последний вопрос, несомненно, слишком щекотливый»[439]. Отметим, что используя антитезу, поэт отмечает разницу в отношении премьер-министра к Германии, с которой он грозен, и к Советской России, которая готова продать что угодно за признание и «фабричные изделия». Экономический кризис, поразивший Европу, вынудил Англию искать новые рынки торговли и таким рынком, по мнению Ллойд-

[437] Там же.
[438] Б.п. Наивные вопросы и ненаивные ответы // Последние новости. 1920. № 37. 9 июня. С. 1.
[439] Там же.

Джорджа, мог стать советский. «Последние новости», откликаясь на начало англо-советских переговоров, охарактеризовали дипломатию Ллойд-Джорджа как «шедевр государственной мудрости в беспринципности»[440], а его политику по отношению к большевикам приравнивали к измене России — бывшей союзнице.

Lolo заменяет прямое упоминание политика словом «джентльмен», однако как и в стихотворении Улисса «Кудесники»[441] эта характеристика носит саркастический характер. Ллойд-Джорджу безразличны жизни людей, отнятые большевиками, премьера заботит только материальная выгода. В конце стихотворения сатирик использует метонимию, подчеркивая тяжелое положение народа под властью большевиков:

Как поладят, как столкуются —
Утверждать я не берусь.
Но пока они торгуются,
Кто-то плачет… Плачет Русь![442]

В начале июля Красин покидает столицу Англии и отправляется в Советскую Россию для консультации с правительством. Лери откликается на эту новость, помещая на страницах «Славянской зари» стихотворение «Но вас я все-таки люблю!»[443], перепевающее одноименный романс. В перепеве британский премьер поет Красину цыганский романс на английский лад. Изображая резкую смену политики Ллойд-Джорджа по отношению к большевикам, автор использует анафору, подчеркивая непостоянность убеждений британского премьера:

Порою вас я ненавижу,
Порой… признать я вас готов…
Я из-за вас порвал с друзьями
И неприятности терплю,
Хоть мало общего меж нами,

[440] Б.п. Франция и Англия в переговорах с большевиками // Последние новости. 1920. № 35. 6 июня. С. 1.
[441] Улисс. Кудесники // Последние новости. 1920. № 38. 10 июня. С. 3.
[442] Lolo. Последняя «коробушка» (На мотив из Некрасова) // Последние новости. 1920. № 56. 1 июля. С. 3.
[443] Лери. Но вас я все-таки люблю! // Славянская заря. 1920. № 171. 11 июля. С. 2.

Но я вас все-таки люблю![444]

Ллойд-Джордж возлагает на Красина вину за голод и террор в Советской России, но его это совсем не пугает. Лери использует характеристику британского премьера из сатирического произведения Улисса «Догадайтесь сами!»[445]:

Пусть вы тиран людских желудков,

Пускай на вас и кровь, и тиф, —

Как человек без предрассудков,

Я не брезглив!.. Я не брезглив!..[446]

Лери, используя лексический повтор, акцентирует внимание читателя на беспринципности Ллойд-Джорджа. Использование в конце каждой строфы рефрена «но я вас все-таки люблю», с которым британский премьер обращается к Красину, создает комический эффект. Завершает романс сатирический герой жалобой на трудности своей должности, которым противопоставлено очередное признание в любви:

Ах, пост британского премьера

Я никому не посулю —

На волоске моя карьера, —

Но я вас все-таки люблю!..[447]

В перепеве Лери выдвигает на первый план мотив обмана, создается впечатление, что Красин перехитрил британского премьера: ради советского политика Ллойд-Джордж забывает о друзьях, рискует своей карьерой, а Красин, пообещав сырье, уплывает.

В стихотворении Lolo «Письмо к британскому премьеру»[448], опубликованном в начале августа на страницах «Последних новостей», ключевым является мотив предательства. Поэт пишет Ллойд-Джорджу письмо, в котором

---

[444] Там же.
[445] Улисс. Догадайтесь сами! // Последние новости. 1920. № 52. 26 июня. С. 3.
[446] Лери. Но вас я все-таки люблю! // Славянская заря. 1920. № 171. 11 июля. С. 2.
[447] Там же.
[448] Lolo. Письмо к британскому премьеру // Последние новости. 1920. № 85. 4 августа. С. 3.

уговаривает премьера не вступать в сношения с большевиками. Он противопоставляет им русскую эмиграцию:

Вы забываете о тех,

Чьей кровью создан ваш успех,

Кто свято верен вам и ныне,

А тот, кто предал, изменил,

Вам почему-то люб и мил![449]

Сатирик вспоминает, что еще недавно английское правительство называло большевиков «бандитами и убийцами», и обличает Ллойд-Джорджа в алчности и корысти:

И, в тяготении к сырью,

Внимать вы будете зверью[450].

Высказывает автор и собственное мнение о советском правительстве, заявляя, что их главная цель — «безумие войны». Он риторически спрашивает у английского политика:

Вы ждете мира и покоя

От этих каторжных гостей?..[451]

Большевиков поэт презрительно называет «ордой голодной и тупой», а также обличает в беспощадности к собственному народу:

Идут слепые дикари,

А коммунары-главари,

Любви, свободы, братства ради,

В сынов коммуны целят сзади…[452]

После изображения советского правительства Lolo взывает к совести британского премьера и критикует избранный им путь сотрудничества с большевиками. Он вновь противопоставляет большевиков эмиграции:

Над вами мрак, пред вами бездна,

---

[449] Там же.
[450] Там же.
[451] Там же.
[452] Там же.

Смеются «гости» вам в лицо, —

А вы к ним вышли на крыльцо,

Вы их встречаете любезно…

А перед тем, кто был могуч

И не свернул с прямой дороги —

Махнувши ручкой на пороге,

Вы двери заперли на ключ![453]

Завершает свое письмо сатирик предостережением о том, что Англия, идущая по предложению Ллойд-Джорджа на сближение с советской властью, в опасности:

А вы?.. Не верю в чудеса я —

Не верю я, душой скорбя,

Чтоб вы, России не спасая,

Могли спасти самих себя!..[454]

Lolo изображает большевиков в самых мрачных красках. Вместе с большевиками обличается Ллойд-Джордж. Через все стихотворение проходит мотив предательства: Европа забыла своих бывших союзников.

В стихотворении «Ответ британского премьера»[455] Lolo дает возможность Ллойд-Джорджу «высказать» свою позицию по отношению к тому, в чем русская эмиграция обвиняла премьера. Оказывается, самому Ллойд-Джорджу ненавистно «коммунистическое знамя», а отношения с Советами он налаживает, чтобы бороться со злом, получше с ним познакомившись. В целом его речь абсурдна и комична. Оправдывает себя премьер-министр и по обвинениям в алчности и корысти:

Ах! неужели непонятно,

Что буржуазный капитал

Хочу я взять, чтоб сдать обратно!

---

[453] Там же.
[454] Там же.
[455] Lolo. Ответ британского премьера // Последние новости. 1920. № 91. 11 августа. С. 3.

Кому? Тому, кто пострадал[456].

Политик даже прилагает «длинный список с именами», кому на самом деле это золото принадлежит по праву. Ответы премьера выглядят чрезвычайно комично, что усиливает самообличение. Устами Ллойд-Джорджа Lolo сравнивает «проклятых лютых изуверов», как он называет большевиков, с животными: «я приручить хотел зверей». Стихотворение написано в эпистолярном жанре, письмо британского премьера датировано 6 августа, однако до 9 августа сатирический герой делает ежедневные приписки. В них Ллойд-Джордж меняет свое мнение на 180 градусов, что создает комический эффект:

Сегодня Каменев любезно

Весь день беседовал со мной…

Нет, человек он недурной:

С ним побеседовать полезно…

Блокада, помощь Польше — вздор!

И, вообще, не надо ссор![457]

О переговорах активно писали «Последние новости», например, заметка от 6 августа «На распутьи»[458] начинается так: «Ллойд-Джордж пустил в ход новую очередную угрозу против большевиков: в случае уклонения большевиков от заключения перемирия с Польшей, переговоры с миссией Каменева-Красина будут прекращены, сама делегация будет выпровождена из Лондона, блокада Советской России будет возобновлена, и Польше будет оказана военная помощь»[459].

В целом реальный Ллойд-Джордж вел себя довольно решительно, однако потом, когда Советы всячески оттягивали начало мирных переговоров с Польшей, ничего не предпринял, на что тоже отреагировала периодика. «Последние новости» в рубрике «Письма из Лондона» опубликовали заметку под названием

---

[456] Там же.
[457] Там же.
[458] Б.п. На распутьи // Последние новости. 1920. № 87. 6 августа. С. 1.
[459] Там же.

«Молчание Ллойд-Джорджа»[460]. 10 августа публикуется заметка «Антанта перед выбором»[461], в которой рассказывается, что советское правительство отвергло предложение Ллойд-Джорджа о десятидневном прекращении огня и продолжило концентрировать крупные силы перед Варшавой для наступления, которое началось 12 августа. Lolo обыгрывает это оттягивание мирных переговоров советским правительством, приписка от 9 августа гласит следующее:

Увы! — вчерашнюю мечту
Сменила ночь с дурными снами…
Смеются красные над нами!
Браните красных! Не сочту
Я эту брань за клевету.
Скажите им, что мы не пешки,
Ответьте им на их насмешки,
Грызите их, как фокстерьер! —
(Мы их загрызть готовы сами! —
Конечно, это между нами)
Ах, я расстроен… Ваш премьер[462].

С одной стороны, Ллойд-Джордж в изображении Lolo хочет казаться тонким и хитрым политиком, избегающим открытых конфликтов и потому не готовым пойти на шаги, которые приведут к срыву переговоров. И в то же время премьер предстает перед читателем двуличным, жадным, глупым человеком, его легко обмануть: Каменеву удается убедить его в отказе от блокады и помощи Польше, Ллойд-Джордж обведен вокруг пальца и оказывается пешкой в политической игре большевиков. Активную борьбу с большевиками британский премьер предлагает взять на себя сатирику. Это вводит в стихотворение мотив предательства бывшими союзниками русской эмиграции, которая надеялась на помощь Европы.

---

[460] Прив З. Письма из Лондона. Молчание Ллойд-Джорджа // Последние новости. 1920. № 88. 7 августа. С. 2.
[461] Б.п. Антанта перед выбором // Последние новости. 1920. № 90. 10 августа. С. 1
[462] Lolo. Ответ британского премьера // Последние новости. 1920. № 91. 11 августа. С. 3.

Образ Ллойд-Джорджа мы встречаем и в стихотворении Lolo «Cote d'Azur II»[463], напечатанном 20 февраля 1921 г. в «Последних новостях». Автор описывает свой отдых на Лазурном берегу. В «салоне», по его словам, «демонируют две мисс», голоса которых, как он иронизирует, может нравиться разве что «компатриотам». Пускаясь в размышления об их голосах, поэт язвительно замечает:

Они поют… Фальшивым нотам

Их видно сам Ллойд-Джордж учил[464].

Lolo создает комический эффект, используя многозначность слова «нота». Эпитетом «фальшивый» он также обличает Ллойд-Джорджа во лжи и лицемерии. Отметим, что к моменту публикации произведения британский премьер являлся героем сатирических стихотворений около года. Соответственно, в сознании эмигрантского читателя уже сформирован образ Ллойд-Джорджа как алчного, беспринципного, лицемерного политика, и поэтам достаточно простого упоминания имени премьера, чтобы эти характеристики всплыли в сознании читателя.

Англо-советское торговое соглашение, означавшее прорыв блокады Советской России, было подписано в Лондоне 16 марта 1921 г. Lolo откликается на это событие: 14 апреля 1921 г. «Последние новости» публикуют его стихотворение «Безумие»[465]. Поэт, прочитав газеты, приходит к выводу, что Европу объяло безумие:

И короли, и дипломаты

Сошли с ума, как по команде…

И все, безумием объяты,

Идут навстречу красной банде[466].

---

[463] Lolo. Cote d'Azur II // Последние новости. 1921. № 257. 20 февраля. С. 3.
[464] Там же.
[465] Lolo. Безумие // Последние новости. 1921. № 302. 14 апреля. С. 2.
[466] Там же.

Размышляя о британском премьере, сатирик дает ему положительную характеристику «мудр, как змий, и камня тверже». Однако она носит саркастический характер, Ллойд-Джорджа постигает безумие:

Контракт подписан. Вывод ясен:

Мудрей прославленного змия,

Хитрей премьера красный Красин[467].

С помощью аллитерации акцентируется внимание читателя на выводе о том, что Красин перехитрил британского политика. Lolo вводит в стихотворение мотив безумия, ничем иным, кроме как сумасшествием, он не может объяснить подписанный договор, связывающий Англию с большевиками. Последние в конце стихотворения изображены единственной стороной, получившей от договора выгоду, что вызывает радость Ленина:

Ликует Ленин: вся Европа —

Огромный дом умалишенных![468]

29 мая 1921 г. на страницах «Последних новостей» печатается стихотворение Lolo «Подражание советскому букварю»[469]. Стихотворение высмеивает новую советскую орфографию, оно составлено в виде букваря, где на каждую букву дается двустишие. К букве «Л» поэт подбирает следующие ироничные строки:

Ллойд-Джордж — герой: он за обедом

Садится рядом с «людоедом»![470]

Чуть позже, откликаясь на итоги Генуэзской конференции, Lolo публикует 21 мая 1922 г. в берлинской газете «Руль» стихотворение «Финиш (клочки из дневника)»[471], проникнутое мотивом тоски. Сатирик, как и основная часть русской эмиграции, огорчен самим фактом приглашения большевиков на конференцию, диалогом Европы с «красной каторжной компаньей». Упоминается

---

[467] Там же.
[468] Там же.
[469] Lolo. Подражание советскому букварю // Последние новости. 1921. № 341. 29 мая. С. 2.
[470] Там же.
[471] Lolo. Финиш (клочки из дневника) // Руль. 1922. № 459. 21 мая. С. 2.

и монарх, жавший «запятнанные руки», и Святейший, позабывший об аресте Патриарха, но больше всех критикуется Ллойд-Джордж как наиболее активный делегат конференции. Lolo выдвигает на первый план мотив корысти, он раскрывает причину политики Ллойд-Джорджа:

Не о мире, о «гешефте»,
Не о братстве, а о нефти
Ты мечтал[472].

Сатирик убежден, что британский премьер скоро «кинет пьедестал». За нефть, уголь и лес Ллойд-Джордж молвит «Yes!» на вопросы большевиков о признании и кредите. Поэт делает акцент на мотивах игры и нечистой силы:

В океане слов ты плавал.
Ты играл… А красный Дьявол
Банк метал[473].

Через все стихотворение проходит мотив тоски, эта тоска — настроение русской эмиграции, на глазах которой ведущие державы Европы вступают в отношения с «красным Дьяволом», торгуют и готовы на признание и кредиты. Желая получить доступ к богатствам России, страны Антанты совсем не задумываются о печальной судьбе русских эмигрантов. Например, в статье «Генуэзское мирное соглашение»[474] описывается заседание министров от 17 мая. Сообщается, что советская делегация предъявила документы, подтверждающие, что на территории Румынии подготавливается вторжение в южную часть России. На это представитель Румынии Братиану заявил, что это неправда и Румыния всего лишь дает беженцам приют и была бы благодарна государству, которое согласилось бы принять беженцев. «При этих словах Ллойд-Джордж отмахнулся рукой и воскликнул: “Только не в Англию!”»[475] — передавал корреспондент газеты «Руль».

---

[472] Там же.
[473] Там же.
[474] Б.п. Генуэзское мирное соглашение // Руль. 1922. № 457. 19 мая. С. 1.
[475] Там же.

Британский премьер-министр стал объектом обличения прежде всего из-за ведения переговоров с Советской Россией, закончившихся заключением англо-советского торгового соглашения. Обыгрывание поэтами в своих сатирических произведениях газетных статей демонстрирует злободневность и оперативность стихотворной сатиры русского зарубежья. Сатирические поэты связывают образ Ллойд-Джорджа с алчностью, беспринципностью, глупостью, лицемерием, ложью, желанием получить золото и природные богатства России. Мотивы безумия, обмана и предательства — наиболее частотные.

Сатирики пишут стихотворения в форме загадок, монолога, записей самого премьера, используют прямую речь так, что он изобличается, а также перепевают стихотворения русских классиков и романсы, добиваясь дополнительного комического эффекта. Высмеивая Ллойд-Джорджа, сатирики обличают и советских политиков.

Сатирические стихотворения на Ллойд-Джорджа появляются в 1920–1922 гг. В октябре 1922 г. Ллойд-Джордж подает в отставку с поста премьер-министра Британской империи и после этого перестает быть объектом сатиры в поэзии русского зарубежья.

Образ Ллойд-Джорджа мы встречаем также в советской сатирической поэзии. Например, откликаясь на события Генуэзской конференции, Демьян Бедный в стихотворении «Львиное угощение»[476] сравнивает британского премьера со львом, хотевшим обмануть быка, под которым, естественно, понимается советская власть, и съесть его. В стихотворении «Догенуэзился»[477] Демьян Бедный изображает безумие Ллойд-Джорджа «после выпитого пуншу из русского кваса и шампанского парижской марки»[478]. Уже в 1923 г., сравнивая политику Керзона и Ллойд-Джорджа, Демьян Бедный вновь уподобляет последнего хищнику:

Нет, Ллойд-Джордж не осрамился бы политикой такою,

[476] Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. 1921–1929. — М.: ГИХЛ, 1954. С. 59.
[477] Там же. С. 62.
[478] Там же.

Если б знал, что в силах нас съесть живьем![479]

Маяковский же в «Окнах Роста» № 105[480], № 108[481], «Врангель»[482] и др. изображает британского премьера как человека, готового оказывать помощь антисоветским силам.

[479] Там же. С. 142.
[480] Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. «Окна» РОСТА 1919–1922. — М.: ГИХЛ, 1957. С. 95.
[481] Там же. С. 97.
[482] Там же. С. 196.

Глава 4. Сатирическое изображение эмиграции

Сатирическая поэзия русского зарубежья первой половины 1920-х гг. находит для себя мишени и внутри самой эмиграции: это и повседневная жизнь эмигрантов, и общечеловеческие пороки, и социальное неравенство в среде эмиграции. Особое место в стихотворной сатире этого периода занимает образ сменовеховцев: их сатирики бичевали нещадно, обличая в предательстве прежних идеалов ради, как им казалось, сиюминутной выгоды.

4.1 Жизнь эмиграции

11 октября 1920 г. в газете «Свободные Мысли» было опубликовано стихотворение Тэффи «Ностальгия»[483]. Тэффи высмеивает эмигрантов, использующих «воспоминания дорогие» в низменных и корыстных целях, а также тех, у кого чувство ностальгии заслонило собой родину:

…проследите за беженской братией нашей,
Как ест она русский борщ с русской кашей.
Ведь чтоб так — извините — жрать,
Нужно действительно за родину-мать
Глубоко страдать!
И искать, как спириты с миром загробным,
Общения с ней хоть путем утробным[484].

Создает поэтесса и образы эмигрантских сатириков: Lolo, Аверченко, Дон-Аминадо. Как иронизирует Тэффи:

Lolo хочет звона московских колоколен,
Без колоколен Lolo совсем болен.
Аверченко <…>
Требует — восстановить прежний прейскурант

[483] Тэффи. Ностальгия // Свободные мысли. 1920. № 4 (1425). 11 октября. С. 2.
[484] Там же.

На все блюда и на все вина

<…>

Поет Аминадо печальные песни:

Аминадо, хоть тресни,

Хочет жить на Пресне[485].

Изображая публицистов и журналистов, пишущих о прежнем быте, «когда каждый был одет и сыт», Тэффи риторически спрашивает:

Уж будто в самом деле

Все на Руси сколько хотели,

Столько и ели?[486]

В стихотворении «Квартирные квадраты»[487] С. Маманди высмеивает бытовые проблемы эмигрантов: ссоры между хозяевами помещений и арендаторами. Эпиграфом поэт берет три новости: в одной сообщается, что домовладелец и квартирант стреляли друг в друга, в другой говорится, что хозяин дома избил квартирантку, третья новость посвящена тому, что хозяин откусил своему квартиранту нос. С. Маманди комически развивает и изображает эти конфликты, в ходе которых люди идут на крайние меры:

За вас в жильцов порой стреляют,

Отдать готовы стыд и честь[488].

Сообщая о факте избиения «дамы», автор иронизирует:

Не наблюдали никогда мы

Столь бесполезной траты сил[489].

Размышляя о «харбинском гражданине», лишившемся из-за «квартирного вопроса» носа, поэт уверен, что это не единственный человек, пострадавший подобным образом. Он подводит итог своим размышлениям, высмеивая конфликты из-за жилищной площади:

---

[485] Там же.
[486] Там же.
[487] Маманди С. Квартирные квадраты // Русский голос. 1920. № 3. 3 июля. С. 2.
[488] Там же.
[489] Там же.

Так за квадраты в нашем веке

Идет войной на брата брат,

Забыв, что нужен человеку

Всего один полуквадрат[490].

Грустной иронией наполнено стихотворение «Метаморфозы»[491], опубликованное 3 сентября 1920 г. в газете «Русский голос». Автором стихотворения указан Ко-ко. Мотив перемен является в стихотворении ключевым: описывая мир эмиграции, который поэт видит вокруг себя, он изображает произошедшие с эмигрантами метаморфозы. Этот мир совершенно не похож на дореволюционный. Прежние чины и звания противопоставлены новым занятиям: чем выше по положению человек был на родине, тем тяжелее у него работа в «изгнании»; в этом новом мире «генералы квас варят», губернатор «пошел в ресторан лакеем», а министр «на мостовой рикшею несется». Автор заявляет, что подобное положение — «насмешка судьбы» и завершает стихотворение парафразом строк из поэмы Н.А. Некрасова «Современники»:

Давит петля всех сильней

С каждым днем все туже —

Было времечко подлей,

Но навряд ли хуже…[492]

Мотивы перемен и обреченности мы встречаем в стихотворении Жака Нуара «До и после»[493], опубликованном в «Руле». Автор сравнивает дореволюционный уклад жизни с эмигрантским. В прежние времена, как говорит он, «свинья — так свинья, лев — так лев». Жак Нуар изображает занятия «свиньи» и «льва» в царской России:

Надзиратель бил в околодке,

Профессор читал в университете —

---

[490] Там же.
[491] Ко-ко. Метаморфозы // Русский голос. 1920. № 53. 3 сентября. С. 3.
[492] Там же.
[493] Нуар Жак. До и после // Руль. 1924. № 1120. 10 августа. С. 5.

Славно жили на свете![494]

В нынешнее время, иносказательно замечает поэт, свиньи и львы смешались воедино:

А теперь — до чего дожили:

На лице, на роже ли

Прочтешь биографию,

Похожую на эпитафию[495].

Он приводит эту биографию, примерно одинаковую для каждого эмигранта:

Жил богато,

Удрал тогда-то,

Решал проклятые вопросы.

Ныне — набивает папиросы

И снимается для кино…[496]

Завершается стихотворение игрой слов и грустной иронией:

Эх, эмигрантская мякина!

Бывшее превосходительство

Не имеет вида на жительство

И вообще вида…[497]

Мотив перемен, но не свершившихся, а будущих мы встречаем в стихотворении Жака Нуара «Может быть…»[498], опубликованном в сборнике «Сквозь дымчатые стекла». Произведение построено на противопоставлении того, что может быть — тому, что есть сейчас. Сатирик в мрачных красках изображает окружающую его действительность:

Через триста, четыреста лет

Жизнь, быть может, и станет прекрасна,

Но сейчас — торжествует кастет,

---

[494] Там же.
[495] Там же.
[496] Там же.
[497] Там же.
[498] Нуар Жак. Сквозь дымчатые стекла. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. С. 117.

И трещит пулемет не напрасно…[499]

В начале каждой строфы поэт предается мечтаниям о том, что наступят времена, когда «хищник не тронет ягненка», «не будет богатых и бедных», «наступит вселенское братство», но потом вспоминает, что сейчас «мать и сестра вся во власти любого подонка», «огни» потушены и в этой тьме совершается «святотатство».

Завершается стихотворение на трагической ноте, Жак Нуар не уверен, что эмигранты увидят это «может быть»:

Но, увы, не увидим плодов

Мы — разбитой храмины обломки…[500]

В стихотворении Ал. Темного «Униженные и оскорбленные»[501], опубликованном на страницах газеты «Сегодня», сатирик насмехается над отношением к иностранцам со стороны латвийской власти. Поводом к созданию произведения послужило объявление Городской Управы Риги, которое автор взял эпиграфом: «Ввиду взыскания недоимок городских налогов (пеня с недвижимостей, с иностранцев, с собак, с лошадей…) плательщикам городских налогов предлагается…»[502] Высмеивая гласного Городской Управы, который «потерял тонкость уха», автор риторически обращается к нему:

Неужели без усилий

Обладателям фамилий

Не могли вы там, где штраф

Дать отдельный параграф?..[503]

Поэт отпускает язвительные насмешки по поводу того, что городские власти поставили в объявлении иностранцев в один ряд с собаками и лошадьми:

Защити меня Плевако: —

Я сатирик… и собака…

---

[499] Там же.
[500] Там же.
[501] Темный Ал. Униженные и оскорбленные // Сегодня. 1920. № 269. 7 декабря. С. 4.
[502] Там же.
[503] Там же.

Cutaway и черный смокинг,

И попона… шокинг, шокинг[504].

Сатирик иронически добавляет, обращаясь к «лошадкам», что никогда бы не поставил их в один ряд с Городской Управой. Завершается стихотворение едкой насмешкой:

Но себя соседством оным

Не считаю уязвленным

Ибо знают в каждой лавке

От Либавы до Креславки,

И кругом на сотни миль

Кашу и казенный стиль!..[505]

Ал. Темный высмеивает за «казенный стиль» Городскую Управу Риги, которая поставила «иностранцев», а, стало быть, и эмигрантов, в один ряд с недвижимостью и животными.

Образ рядового эмигранта создает Lolo в стихотворении «Прострация»[506], опубликованном в начале октября 1920 г. в «Последних новостях». Это человек, уставший от слухов и безосновательных надежд на возвращение на родину. Как справедливо заметила об эмигрантах Л.А. Спиридонова: «Унеся с собой родину и даже считая себя не эмиграцией, а Россией, выехавшей за границу, они первые два-три года верили в скорое падение большевистского режима и не торопились обживаться на новых местах»[507]. Ключевые мотивы стихотворения — безысходность и грусть. У поэта «нет ни слов, ни мыслей», из чего он делает вывод, что «эмиграция не по силам людям слишком зрелых лет!» Жену автора утешила «Галерея Лафайет» — один из самых известных торговых центров Парижа. Однако так как его самого ничто утешить не в состоянии, жена делает заключение: «у тебя прострация!» Эмигрант задает множество вопросов, которые

---

[504] Там же.
[505] Там же.
[506] Lolo. Прострация // Последние новости. 1920. № 136. 2 октября. С. 3.
[507] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 11.

звучат риторически: он спрашивает, сколько заплатили Кашену за его усердие; все ли продал Красин, что украл в Москве; скоро ли проснется мир, познавший «Правду» и ЧК; скоро ли приедут Мартов и Чернов. Ответов на них он не знает, потому что, как сам признается, «не читал газет», а факты, слухи, радио и реляции посылает «к черту». Главным для эмигранта является, конечно, вопрос о том, скоро ли он вернется на родину. Однако этого может и не случится, поскольку Lolo допускает, что большевикам удастся совершить мировую революцию. Усталость жизни в неопределенности, желание скорее узнать, что ждет эмиграцию, поэт передает с помощью анафоры:

Скоро ль мы закончим житие парижское, —
Скоро ли увидим новой жизни свет?!
Скоро ль превратится Божий мир в Совдепию
Как мечтают Ленин и его поэт?[508]

Завершается стихотворение еще двумя вопросами:

Скоро ль там, на юге, наша ассигнация
Будет стоить больше, чем… куриный след?..
Ничего не знаю… Полная прострация…
На вопрос проклятый кто мне даст ответ?[509]

Главный герой этого стихотворения, рядовой эмигрант, изображен человеком, уставшим от слухов и безосновательных надежд на возвращение на родину, на свои вопросы он хочет знать четкие и правдивые ответы, но дать их ему никто не в состоянии.

Помимо образа рядового эмигранта сатирическая поэзия русского зарубежья создала также образы определенных групп эмигрантов. 23 января 1921 г. в парижской газете «Последние новости» публикуется стихотворение Lolo «Про и Контра»[510], в котором поэт изобразил две точки зрения эмиграции на свое будущее и будущее России. Ключевым мотивом является мотив спора. Стихотворение построено в форме диалога, в котором «Про» — эмигрант,

[508] Lolo. Прострация // Последние новости. 1920. № 136. 2 октября. С. 3.
[509] Там же.
[510] Lolo. Про и Контра // Последние новости. 1921. № 233. 23 января. С. 3.

выступающий за решительные действия Антанты против большевиков, а «Контра» надеется на революцию внутри страны. Автор предлагает читателю понаблюдать за их полемикой:

Про и Контра, два соседа —

Жертвы русского костра,

Как пойдет у них беседа, —

Спорят с самого обеда

И до самого утра[511].

В решительные действия, предлагаемые Про, входят: блокада РСФСР, отказ от договоров и торговли «с жульем», как он называет большевиков. Контру же больше заботит умирающее население России, а не тот факт, кто в данный момент находится в стране у власти. Про вступает в полемику:

«Им»-то что до населенья?

Мало с ними ты знаком![512]

Но на все аргументы, приведенные Про, Контра задает риторический вопрос: «Что ж Ллойд-Джордж, мальчишка, что ли?»[513] В отношении британского премьера Про настроен крайне пессимистично, что подчеркивается использованием градации:

Отупел, оглох, ослеп, —

Терпит красные гастроли, —

И дождется горькой доли:

Будет в Лондоне Совдеп![514]

Контра иронично относится к надеждам Про:

Знаю я твои мечтанья:

Коалиция бойцов,

Врангель? С немцами шептанье?[515]

---

[511] Там же.
[512] Там же.
[513] Там же.
[514] Там же.
[515] Там же.

Но Про саркастически оценивает и надежды своего оппонента:

Ну, а ты? Ты ждешь восстанья

Полу-трупов, мертвецов?[516]

Контра пытается возражать, но получает решительный отпор от Про:

Контра.

Да, сигнала ждет оттуда

Эмигрантская среда.

Про (злобно).

О, придумано не худо:

Здесь живя, вы ждете чуда, —

Чтоб потом прибыть туда!

Контра (угрюмо).

Ну, уж худо иль не худо, —

Разбирать я не берусь.

Про (истерически).

Так!.. А, ежели, — покуда

Совершится это чудо, —

Превратится в пепел Русь?!..[517]

В конце стихотворения поэт высказывает мысль, что Россия на краю гибели и необходимо срочно принимать меры по ее спасению, а не ждать «чуда».

Образ немки создает Лери в стихотворении «Хозяйка»[518], опубликованном 27 марта 1921 г. в «Руле». Образ «немца» в русской сатире встречается в период Первой мировой войны, а также после Февральской революции, поскольку большевики считались немецкими агентами. В статье «“Похороны Эзопа”: русская сатира в 1917 году (от марта — к октябрю)» Д.Д. Николаев отмечает, что большевики воспринимались «как силы не только контрреволюционные, но и

[516] Там же.
[517] Там же.
[518] Лери. Хозяйка // Руль. 1921. № 109. 27 марта. С. 5.

пронемецкие»[519]. Как пишет Т.А. Филиппова: «В фельетонах того времени Ленин и его ближайшее окружение уподобляются “взрывающимся карандашам” немецкого производства <…> Доставленный в запломбированном вагоне Ульянов-Ленин и стал, по мнению “Нового Сатирикона”, таким “взрывным устройством” — блестяще проведенной “германской акцией” против России»[520]. Произведение Лери изображает беседу эмигранта с немкой, желающей больше узнать о России под властью большевиков. Поэт живет на «шумной штрассе у почтенной фрау Шкотт», по вечерам он забывается у окна и «чужую жизнь», которая открывается ему, невольно сравнивает со своей прежней жизнью:

Нет стучащих пулеметов —

Ночь жива и не страшна[521].

Периодически его навещает хозяйка, расспрашивающая его о жизни в Советской России:

…За чашкой чаю

Ей пространно объясняю,

Что такое чрезвычайка,

Что такое совнарком[522].

При изображении беседы эмигранта и немки о Советской России поэт выносит на первый план мотивы грабежа и террора. Фрау Шкотт не верит рассказам эмигранта, будто «русским хлеб заменили штык да пушка», не может осмыслить, что «случись она в Москве», то лежала бы уже несколько лет «в яме с пулей в голове». Автор приходит к заключению, что «ей, прожившей жизнь в Европе не объять умом совдеп». Старушка же утверждает, что не позволила бы

---

[519] Николаев Д.Д. «Похороны Эзопа»: русская сатира в 1917 году (от марта — к октябрю) // Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме: Материалы XXII Шешуковских чтений. / Под ред. Л.А. Трубиной. — М.: МПГУ, 2017. С. 63.

[520] Филиппова Т.А. «Веселися, славный тевт!»: «Немец» и его роли в русской сатире 1917–1918 гг. // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): Материалы Международной научной конференции, Липецк, 16–17 февраля 2017 года. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 127

[521] Лери. Хозяйка // Руль. 1921. № 109. 27 марта. С. 5.

[522] Там же.

«наркомпродам шарить, рыскать по комодам», взялась бы за ружье и заявляет поэту:

И — ручаюсь — Петрограда

Не лишил бы нас матрос[523].

Для нее арендатор представляет собой «шараду» и «неразгаданный вопрос». С грустной иронией Лери подводит следующий итог беседе со старушкой:

Но причин беды советской

Избегай, о, друг немецкий,

Береги свои перины

И… минуй тебя совдеп!..[524]

Он уверен, что хозяйке, которая в стихотворении представляет собой немецкий народ, не понять русского эмигранта.

В стихотворении Лери «Одной из многих»[525] мы встречаем мотив прощания с родиной. Произведение обличает эмигрантов, которые вывезли с собой богатства и стали вольготно жить в Европе, не участвуя во внутренней жизни эмиграции. Начинается стихотворение с воспоминаний об эвакуации на британском пароходе, который «вздымая пену русских вод» увозил беженцев «от чрезвычайки <…> в мрак и даль». Неизвестность будущего выделяется также наречием «туманно»:

В туманно чуждые края

И вы бежали – помню я[526].

Поэт подчеркивает надменность героини, которая везет в своих чулках запрятанные караты:

В открытом море все равны,

И были вы принуждены,

Страдая видимо жестоко,

Брезгливо каждый день в обед

---

[523] Там же.
[524] Там же.
[525] Лери. Одной из многих // Руль. 1921. № 132. 24 апреля. С. 5.
[526] Там же.

За черствой порцией галет

Тянуться в очередь у кока[527].

Вторая часть стихотворения посвящена не воспоминаниям, а настоящему времени: они с «одной из многих» в Берлине, но уровень их жизни совершенно различен. Сатирик подчеркивает это с помощью противопоставления. Героиня обличается за то, что не участвует в жизни эмиграции и абстрагировалась от эмигрантских проблем. Поэт отделяет этот тип беженца от основной массы эмиграции, что выражается в использовании притяжательного местоимения «наших», а также усиливается с помощью анафоры:

Теперь вы здесь. Ваш пышный вид,

Пленяя глаз, не говорит

О тошной жизни эмигрантской

<…>

Вам никакого дела нет

До эмигрантских наших бед,

До ультиматумов французских[528].

Материальное благополучие подобный эмигрант ставит выше борьбы за возвращение на родину, что для Лери равносильно предательству. Автор обличает отречение от России:

Довольны вы своей судьбой

И лишь вздыхаете с мольбой:

«Избави Бог меня от русских»![529]

Сатирик верит в скорое возвращение в Россию и взывает к совести эмигрантов:

Но не всегда же жить в Адлоне,

А кроме тряпок, так сказать,

Что будет вам напоминать

Европу… там… потом… в Херсоне?[530]

---

[527] Там же.
[528] Там же.
[529] Там же.

Вспоминая эвакуацию и причины, заставившие покинуть родину, Лери упрекает эмигрантов, вывезших из страны богатства и за рубежом отрекшихся и от России, и от своих соотечественников. Мотив прощания с родиной сменяется мотивом надежды на скорое возвращение в Россию.

Вслед за Лери подобный тип эмигранта обличает Жак Нуар в стихотворении «“Изгнанники”»[531], опубликованном в поэтическом сборнике «Сквозь дымчатые стекла». Как утверждает поэт, «их» можно встретить в любой зарубежной стране:

Они, не чувствуя потерь
Сидят в кафе и ресторанах[532].

Сатирик описывает беззаботность богатых слоев эмиграции:

У всех мужчин веселый вид,
На дамах — камни, крот и котик
<…>
И в смехе, золотом дразня,
Блестят искусственные зубы[533].

В середине стихотворения Жак Нуар задает серию риторических вопросов:

Как провезли они меха
Чрез сатанинские преграды?
Как сохранили свежесть лиц
В стране убогих и голодных?
И тело сытых кобылиц,
Эспри и кучу тряпок модных?[534]

Автор уверен, что эти эмигранты далеки от России и ее бед:

Над ними не стряслась беда,
И не для них придет Мессия…

---

[530] Там же.
[531] Нуар Жак. Сквозь дымчатые стекла. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. С. 122.
[532] Там же.
[533] Там же.
[534] Там же.

О, как постыдно им чужда

В скорбях болящая Россия!..[535]

Родная страна, по мнению сатирика, была им необходима только как «средство верного дохода». Эти эмигранты «успели провезти все, чтобы сделать жизнь удобной» и живут, не задумываясь о страданиях России и тяготах эмигрантской жизни. Жак Нуар подчеркивает их лицемерие:

Когда ж проявится заря

Над окровавленной страною, —

«Святыми чувствами» горя,

Они примчатся все гурьбою…[536]

Отметим, что в стихотворении Н.Я. Агнивцева «Париж»[537] высказывающийся прощается с Петербургом, едет в Париж и везет с собой «и слитки золота с Урала и перстни в дедовских камнях», однако трагедия России и эмиграции живо откликается в его душе:

Но еду все ж с тоской в душе я!

Дороже мне поклажи всей

Вот эта ладанка на шее!

В ней горсть родной земли моей[538].

6 мая 1921 г. в Берлине было заключено «Временное соглашение между РСФСР и Германией». Оно было схоже с англо-советским торговым соглашением, подписанным в том же году, но шло дальше в вопросе о признании Советской России: представительство РСФСР в Германии становилось «единственным представительством Российского государства в Германии»[539]. 4 июня на страницах газеты «Руль» публикуется стихотворение Лери «Полевевший»[540]. Ключевым мотивом здесь является предательство:

---

[535] Там же.
[536] Там же.
[537] Агнивцев Н.Я. Париж // Свободные мысли. 1921. № 2 (1438). 19 декабря. С. 2.
[538] Там же.
[539] Документы внешней политики СССР. Том 4. 19 марта 1921 г. — 31 декабря 1921 г. — М.: Госполитиздат, 1960. С. 99.
[540] Лери. Полевевший // Руль. 1921. № 164. 4 июня. С. 2.

повествование ведется от лица человека, который предал свои прежние идеалы. Он рассказывает свою историю:

Не так давно и я

<…>

Мечтал о гибели совдепа

И на че-ка готовил зуб»[541]

<…>

От красных нищим убежал

<…>

Кричал Европе: Помогите…[542].

Лери использует отсылку к «Пророку» Пушкина:

От белых армий ждал чудес,

Желал удачи генералам

И жег сердца людей сигналом

Я — как Андреев — S. O. S.!..[543]

Свой характер и прежние убеждения «полевевший» характеризует следующим образом:

За компромиссы не щадил,

Затем, что сам был камня тверже

И рот презрительно кривил

При разговорах о Ллойд-Джордже…[544]

Последние две строчки Лери также использует в поэме в стихах «Онегин наших дней» при описании Евгения, эмигранта, который по сюжету встанет на позиции сменовеховства. Сатирический герой стихотворения раскрывает причины переоценки системы ценностей:

Проживши целый год в Берлине,

Я в сильной мере полевел.

---

[541] Там же.
[542] Там же.
[543] Там же.
[544] Там же.

Поняв, что белым не вернуть

Меня ни к деньгам, ни к каратам,

Я перешел на новый путь,

Себя причислив к демократам[545].

Поэт делает акцент на мотиве продажности: эмигрант предает собственные убеждения ради обеспеченной жизни. Теперь герой сатиры носит бриллианты, может позволить себе подарить жене кулон, но досталось ему все это ценой примирения с большевиками, «свирепыми варварами», с которыми он теперь ведет торговые дела. Лери изображает беспринципного человека без моральных устоев. Сатирический герой, чей дом был «совдепом <…> обесчещен», все простил большевикам, мотивируя это тем, что «давно простыл <…> след коммунистических затрещин». Он не испытывает чувства вины, Лери показывает, что у людей, поступающих подобным образом, совершенно нет совести, они думают лишь о собственной выгоде:

И счастлив я своей судьбой,

Живу, работаю, толстею,

Зову, поужинав, на бой

И все левею, да левею…[546]

Мотив продажности мы встречаем также в сатирическом произведении Lolo «В Берлине. Первые впечатления»[547], опубликованном в 1922 г. в газете «Руль». В стихотворении рассказывается о множестве тягот, которые эмигранту, прибывающему в Берлин, приходится ощутить на себе. Первым делом необходимо идти в полицейский участок, чтобы получить визу. Поэт высмеивает бюрократическую волокиту, с которой сталкивается эмигрант:

Приехавши в Берлин из мирного курорта,

Я в Polizei-Revier подробный дал отчет

О том, кто я таков, и что меня влечет

В объятья земляков — дела какого сорта.

---

[545] Там же.
[546] Там же.
[547] Lolo. В Берлине. Первые впечатления // Руль. 1922. № 607. 26 ноября. С. 9.

Где родился мой дед, и был ли он женат,

И мать жены моей имела ли ребят,

И не было ль — pardon! — у бабушки аборта…[548]

Времяпрепровождение рядового эмигранта полно забот, он не может оценить красоту Берлина, поскольку с утра до вечера разъезжает в разные концы города на автобусе, метро и трамвае, чтобы заработать хоть немного денег:

Днем странствую, ночь — сплю… Так и проходят сутки,

Так и проходит жизнь, утратившая хмель

И радость бытия, и беззаботность шутки…[549]

Эмигрантская жизнь изображается безрадостной, скудной и тяжкой:

…за границей

Для нас добыча средств — и злоба дня, и цель…[550].

Таким эмигрантам, как действующее лицо стихотворения, противопоставляются сменовеховцы, которых поэт обличает. Рассуждая об их пути, Lolo использует противопоставление и подчеркивает свою непохожесть на эмигрантов, сменивших вехи, вводит мотив продажности:

Их путь ведет туда, где щедро заплатили…

Они стараются: хозяйский страшен гнев!

Меня трясет трамвай, их мчат автомобили…

Я чашу горя пью, но мне милей оно,

Чем их даренное, советское вино![551]

Сменовеховец, изображенный Lolo, «всегда он во хмелю, но сумрачен зело», у него «клейменное чело», которое он прикрывает котелком. Итог, который подводит сатирик, для сменовеховцев безрадостен:

Он мнил фигурой стать, но оказался пешкой —

И не спасут его ни котелок, ни фрак[552].

---

[548] Там же.
[549] Там же.
[550] Там же.
[551] Там же.
[552] Там же.

Эмигрантская жизнь изображена автором стихотворения полной тягот, весь день рядовому эмигранту необходимо проводить в заботах о добыче средств.

М.А. Жиркова отмечает, что в цикле Саши Черного «Чужое солнце», посвященном берлинской жизни, усиливается «болезненное понимание своего и чужого, “здесь” и “там”»[553]. А в конце цикла и вовсе «возникает ощущение абсолютного одиночества»[554]. Мотив одиночества является ведущим и в стихотворении А. Черного «Эмигрантское»[555], опубликованном на страницах «Руля». Сатирик высмеивает скудость эмигрантской жизни, отсутствие у рядового эмигранта денег и собственного дома. В начале произведения автор делает акцент на мотиве бедности. Собственно, с мечты о деньгах и начинается стихотворение:

О, если б в боковом кармане

Немного денег завелось[556].

Эта мысль уносит поэта в Австралию, где он купил бы дом и завел собаку:

Без драк, без споров мы друг друга

Там понимали б до конца[557].

А. Черный иронизирует, рассказывая о своем возможном времяпрепровождении в Австралии:

По вечерам в прохладе сонной

Ему б «Каштанку» я читал.

Прекрасный жребий Робинзона

Лишь Робинзон не понимал…[558]

Но даже в своих мечтах автор не может оставаться без общества. Он готов полностью обеспечить своих друзей, но с условием, что те не будут заводить разговоров о политике:

---

[553] Жиркова М.А. «Несерьезные рассказы» Саши Черного: учебное пособие. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2015. С. 18.
[554] Там же. С. 19.
[555] Черный А. Эмигрантское // Руль. 1923. № 739. 6 мая. С. 2.
[556] Там же.
[557] Там же.
[558] Там же.

Двум-трем друзьям (из молчаливых)

Я предложил бы хлеб и кров.

Не взял бы с них арендной платы

И оплатил бы переезд, —

Пусть лишь политикой проклятой

Не оскверняли б здешних мест!..[559]

А. Черный вновь иронизирует и высмеивает эмигрантскую жизнь: даже в таком идиллическом месте, которое изображает поэт, эмигранты не могут жить без споров о будущем устройстве России. Своими спорами они напоминают героев басни «Лебедь, Щука и Рак» И.А. Крылова:

Исподтишка б мы подписались

Один на «Руль», другой на «Дни»…

<…>

Один бы стал тянуть направо,

Другой налево, третий — вбок[560].

Завершается стихотворение риторическим вопросом:

К чему томиться по пустыне,

Чтоб в ней все снова начинать?

Ведь Робинзоном здесь, в Берлине,

Пожалуй, легче можно стать…[561]

А. Черный создает образ эмигранта, уставшего от тягот жизни в изгнании, политических споров и мечтающего о собственном доме. Тем не менее, вне политики этот эмигрант существовать, как оказывается, не может. Через все стихотворение проходит мотив одиночества, что подчеркивается сравнением высказывающегося с Робинзоном Крузо.

Стихотворение «Эй, Петров»[562], автор которого подписался Г. М., посвящено русской эмиграции. Ключевым здесь является мотив бедности. Петров

---

[559] Там же.
[560] Там же.
[561] Там же.
[562] Г. М. Эй, Петров // Руль. 1923. № 670. 11 февраля. С. 10.

с первых строк изображается чрезвычайно нуждающимся человеком, что подчеркивается с помощью приема градации:

Вот он, весь как намалеван,

Беженец Петров.

Бледен, худ, забит, оплеван,

Ко всему готов…[563]

Хозяйка, у которой Петров арендует жилье, напоминает ему, что первое число уже прошло и наступило время оплаты. Петрову необходимо где-то раздобыть деньги, автор обращается к Петрову: «Эй, Петров вставай!» Изображение бедности эмигранта вызывает сочувствие, через описание неба поэт передает душевное состояние Петрова, его безысходность:

И Петров встает. Без чая,

Зябкий как всегда

Он идет и сам не зная,

Хорошо, куда…

Небо серо, хмуро, немо…

Боже помоги[564].

Г. М. трагикомично изображает беды рядового эмигранта. Он находится на волоске от гибели, что подчеркивается с помощью комического сравнения:

Обувь рваная промокла

И вода внутри.

Грипп висит как Меч Домокла,

Эй, Петров смотри!..[565]

Обращение автора «Эй, Петров», являющееся заглавием, проходит в стихотворении рефреном. Петров тяжело заболевает, проводит всю зиму в больнице и идет на поправку только в марте. Именно в этот момент проходит «весенний слет» в Кайзергофе, которому поэт дает эпитет «роскошный». В этом отеле, как иронизирует автор, «беженская знать бедняков за вкусным кофе будет

[563] Там же.
[564] Там же.
[565] Там же.

вспоминать». Таким образом, бедная жизнь несчастного рядового эмигранта противопоставляется достатку «беженской знати». Окончание стихотворения выглядит как язвительный укор в сторону обеспеченных слоев эмиграции:

Здесь дельцы и концертанты
Будут пить коньяк.
Это сытые, «таланты»
Ну а ты «бедняк»?
Без копейки, рваный, хилый
Где найдешь ты кров,
Ел ли ты сегодня, милый, милый,
Где ты, эй, Петров![566]

С этим же укором в печати выступил Иван Прутков со стихотворением «Привычка»[567], опубликованном в «Новостях жизни». Мотивы бедности и голода являются в стихотворении ключевыми. Действующими лицами выступают две собаки: голодный пес и болонка. Пес изображен всецело озабоченным поисками еды:

О мясе он давненько не слыхал,
Он был бы рад иссохшим хлебным коркам,
Да что-то даже корок не встречал…[568]

Встретив его, болонка заводит разговор и, удивляясь худобе пса, сравнивает своего собеседника с щепкой. Выяснив, что пес не обедал уже несколько дней, болонка жалеет его и говорит:

Пожалуй,
Я б вынесла тебе кусочек сала,
Да, чай, ты к голоду привык,
А мне… На ужин будет мало…[569]

---

[566] Там же.
[567] Прутков И. Привычка // Новости жизни. 1924. № 72. 2 апреля. С. 5.
[568] Там же.
[569] Там же.

Голодный пес — аллегория бедных эмигрантов, а болонка — богатых. Как и Г. М. в стихотворении «Эй, Петров»[570], Иван Прутков обличает обеспеченную часть эмиграции за то, что они, имея возможность помочь нуждающимся эмигрантам, не делают этого.

Одной из задач эмиграции было сохранение русской культурно-языковой идентичности. Соответственно, одним из объектов сатирической поэзии русского зарубежья становится эмигрантская речь, изобилующая лексическими заимствованиями. Так, в «Американских частушках»[571] Дон-Аминадо высмеивает речь русских эмигрантов:

Я в Америке живу,
Горе мыкаю.
Говорить — не говорю,
Только спикаю[572].

Насыщенность эмигрантской речи иностранными словами высмеивает и Лери в стихотворении «Русский язык»[573], опубликованном в «Руле». Построено оно в форме диалога двух эмигрантов, Иван Иваныча и его старого приятеля, их речь насыщена немецкими словами. Вместо «как дела?» один из них задает вопрос «ну, ви гейтс?»; свой номер телефона Иван Иваныч называет на немецком языке, а слово «запрещено» заменяет на «аусгешлоссен». Поэт высмеивает речь эмигрантов, наполненную варваризмами, и усиливает обличение изображением того, что собеседник Иван Иваныча забыл, как грамотно произносить русские слова и использует неправильные формы слов:

Но я видел вас спрашивать раз в банке,
Вы тогда не знали, как пришел Нью-Йорк…[574]

---

[570] Г. М. Эй, Петров // Руль. 1923. № 670. 11 февраля. С. 10.
[571] Дон-Аминадо. Американские частушки // Новости жизни. 1924. № 35. 15 февраля. С. 5.
[572] Там же.
[573] Лери. Русский язык // Руль. 1924. № 1056. 25 мая. С. 4.
[574] Там же.

В конце стихотворения Лери высказывает мысль о том, что нарушение чистоты речи, насыщение ее иноязычными словами, заставляет эмигрантов забывать свое прошлое:

С каждым днем все меньше с милым прошлым звеньев

И весьма противен новый стиль и шик.

Ох, как обругал бы всех нас дед Тургенев,

Если бы услышал русский наш язык[575].

В начале второго десятилетия XX века на страницах «Нового русского слова» публиковались стихотворения в поддержку большевиков, автором которых выступал поэт под псевдонимом Игла. Позднее издание стало занимать антибольшевистские позиции. 10 марта 1925 г. газета публикует басню Чичикова «Слон и блоха»[576], в которой автор высмеивает Иглу за приверженность Советам. Отметим, что заглавие басни ориентировано на традиции жанра. В произведении повествуется о блохе, которая, укусив собаку, возгордилась своей силой и решила укусить слона, но лишь сломала свое жало. Чичиков делает следующий вывод из рассказанной истории, сравнивая Иглу с блохой из басни:

И средь людей подобных блох немало!

Вот, например, «Игла» (сотрудница газеты)

Что хвалит чересчур российские советы

Брюзжит, шипит, не разобравши здраво

И колет всех вокруг налево и направо[577].

Но автор басни и сам не прочь лишний раз уколоть Иглу, так высказываясь о художественности произведений оппонента:

Бездарно все, безграмотно, по-детски

Или верней уж очень по-советски[578].

К слону из басни Чичиков относит людей, твердо стоящих на антибольшевистских позициях:

---

[575] Там же.
[576] Чичиков. Слон и блоха // Новое русское слово. 1925. № 4426. 10 марта. С. 2.
[577] Там же.
[578] Там же.

Но люди, умные создания,

На те уколы — нуль внимания[579].

Сатирик использует отсылки к традиции русской басни: в басне Козьмы Пруткова «Цапля и беговые дрожки» помещик спрашивает:

Ах! почему такие ножки

И мне Зевес не дал в удел?[580] — здесь же Игла обращается к Зевесу напрямую, спрашивая, в чем причина, что никто не замечает его уколов. Чичиков создает комический эффект, используя многозначность слова «тупая»: как обозначающее неспособный хорошо колоть предмет, и как означающее глупого человека. Зевес отвечает Игле: «В чем дело, матушка?! Да в том, что ты тупая!!»[581] Чичиков высмеивает Иглу и ту часть эмиграции, чьи политические и эстетические позиции отражал поэт.

В стихотворении «Чацкий am Zoo»[582] Лери обращается к персонажам комедии в стихах А.С. Грибоедова «Горе от ума». Действующие лица сатирического произведения — Фамусов и Чацкий, встретившиеся на берлинском центральном железнодорожном вокзале «Bahnhof Zoo». В стихотворении преобладают мотивы бедности, продажности, спора. Фамусов, нэпман, иронически отзывается о внешнем виде рядового эмигранта Чацкого, подчеркивая его бедность:

Здорово, брат… Ви гейтс герр доктор Чацкий?

Вид у тебя не залихватский. —

Типичный русский эмигрант —

Без панталон…[583]

Лери, обличая образ жизни Фамусова, вкладывает в уста Чацкому следующие слова:

Работать надо, а не жить

---

[579] Там же.
[580] Прутков Козьма. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 63.
[581] Чичиков. Слон и блоха // Новое русское слово. 1925. № 4426. 10 марта. С. 2.
[582] Лери. Чацкий am Zoo // Руль. 1925. № 1502. 8 ноября. С. 5.
[583] Там же.

На иждивеньи у торгпредства.

Пусть эмигрант гол, как сокол,

Но честь при нем, как говорится!..[584]

Далее следует монолог Фамусова, в котором тот изобличает самого себя. Фамусов поступился честью и поправил свое финансовое состояние, поступив на службу к большевикам:

Нет, только у большевиков

Спасенье всем нам от расстройства[585].

По мнению сатирического героя, эмигранты, стоящие на антибольшевистских позициях, «только время тратят даром». Бедной жизни Чацкого Фамусов противопоставляет свое богатство:

Но человеком вновь я стал

И снова полон мой бумажник[586].

Лери показывает, что у таких эмигрантов отсутствуют моральные принципы, для них главным показателем «человека» является полный бумажник, а не внутренние убеждения и духовность. Следующие слова Фамусова высмеивают как эмигрантов, сотрудничающих с большевиками, так и самого Фамусова:

Уже раз десять был в Москве

Но, дым отечества хоть сладок и приятен, —

Там поживу недельки две

<…>

И вновь нах Дейтштанд поскорей[587].

Фамусов хвалится, что приобрел на Каме икру, которую «не ест сам Троцкий», и восхищается Давидом Васильевичем Высоцким, продавшим свой банк Внешторгу и приумножившим достаток. Завершается стихотворение тем, что Фамусов рассказывает о приглашении на обед от полномочного

[584] Там же.
[585] Там же.
[586] Там же.
[587] Там же.

представителя СССР в Германии Н.Н. Крестинского. Стихотворение «Чацкий am Zoo» создает комический эффект уже одним своим заглавием: поскольку возле «Bahnhof Zoo» находится также Зоологический сад, Лери таким образом сравнивает эмигрантов, сотрудничающих с большевиками, с животными из зоопарка. Чацкий же, несмотря на свою бедность, является человеком чести, и это поэт делает главной чертой в его образе. Использует в стихотворении Лери и фразы из поэмы «Горе от ума», например, «пофилософствуй, ум вскружится».

Изображая жизнь эмиграции, поэты создают образ рядового эмигранта, который, как правило, беден, несчастен, одинок. При изображении эмигрантских тягот звучат мотивы бедности, перемен, социального неравенства, обреченности. Сатирики смеются над бытовыми проблемами, речью эмигрантов, которая насыщается иностранными словами, выступают за активные действия против советской власти, стремятся к ее свержению «извне». При изображении эмигрантов, которые ради финансового благополучия пошли на службу к большевикам, ключевыми мотивами являются мотивы лицемерия, предательства и продажности.

Возникают образы эмигрантов и эмиграции в советской сатирической поэзии. Например, в стихотворении «Обманутая мадам (Беглая русская буржуазия)»[588] Демьян Бедный изображает русскую эмиграцию не склонной к труду. Именно по этой причине эмигранты не желают возвращаться в Россию:

Нас приневоливать к труду?!

Да что мы — сволочь? Черноблузники?

Зачем нам дома жить, в аду,

Когда в Европе есть «союзники»?![589]

Однако оказавшись перед выбором отправиться работать «на плантации в Америку» или возвратиться домой, мадам, как метонимично называет автор эмиграцию, желает вернуться в Москву. Поэт предупреждает, что бездельничать в Советской России не получится:

[588] Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. 1921–1929. — М.: ГИХЛ, 1954. С. 42-44.
[589] Там же. С. 42.

Я б вас в Москву пустил, мадам,

И дал... три года «принудительных»[590].

Откликаясь на публикацию А.В. Амфитеатрова в «Общем деле», Демьян Бедный в 1922 г. пишет сатирическое стихотворение «После ужина горчица»[591], в котором для «эмигрантщины» подбирает эпитет «смердящая». Советский сатирик высмеивает уверенность эмиграции в неминуемом крушении режима большевиков и саркастично заявляет, что эмигрантов в Петрограде ждет только помещение ЧК:

Пусть вас утешит всех загробная награда

За ваши муки здесь. А что до Петрограда,

То в нем из всех квартир для вас едва-едва

Очистится одна: «*Гороховая, два*»![592]

В сатирическом стихотворении «В малом великое»[593] Демьян Бедный «всем чванным и гнилым интеллигентским душам презреньем кастовым отравленным насквозь, всей эмигрантщине зверино-плотоядной, парализованной, но все еще живой»[594] противопоставляет «культурный подвиг» «товарища Константинова»[595].

Высмеивает русскую речь эмигрантов, наполненную варваризмами, и Маяковский в сатирическом стихотворении «Американские русские»[596]:

Скоро

только очень образованный

француз

будет

кое-что

соображать по-русски»[597].

---

[590] Там же. С. 44.
[591] Там же. С. 52.
[592] Там же.
[593] Там же. С. 76-77.
[594] Там же. С. 77.
[595] Там же.
[596] Маяковский В.В. Полное собрание произведений: в 20 томах. Том 2. Стихотворения 1924–1926. / Отв. ред. В.Н. Терехина. — М.: Наука, 2014. С. 226–227.

4.2 Сменовеховцы и «возвращенцы»

При изображении жизни эмиграции одной из основных мишеней сатирической поэзии русского зарубежья первой половины 1920-х гг. было сменовеховство: сатирики нещадно бичевали эмигрантов, сменивших вехи, обличая их в лицемерии, предательстве и продажности, принятии большевистского режима ради финансовой выгоды. Сменовеховцы выступали за примирение и сотрудничество с Советской Россией, возвращение на родину, обосновывая это тем, что большевистская власть «переродилась» и действует в национальных интересах России. Само направление берет свое название от сборника статей «Смена вех», изданного в 1921 г. в Праге. В первых трех номерах сборника выходили статьи генерала Александра Александровича Носкова. Уже 20 ноября «Последние новости» публикуют сатирическое произведение Lolo «Убежденья и… носки»[598], обличающее генерала А.А. Носкова. В начале стихотворения действие происходит весной 1919 г., «столичные беженцы» верят в «друзей-союзников», которые не сдадут Одессы. На одном из собраний, организованных «литературной плеядой <…> Москвы и Петрограда», выступает генерал:

Враг большевизма несомненный,
Он прочитал «обзор военный», —
И разгромил большевиков.
Его фамилия — Носков[599].

Спустя несколько лет Носков, перепрыгнувший, как замечает поэт, «из белой в красную ладью» стал писать множество статей:

И, восхищаясь «твердой властью»,
В скоропостижной «Смене вех»
Поет и славит красный грех
И приглашает нас к участью:

---

[597] Там же. С. 227.
[598] Lolo. Убежденья и… носки // Последние новости. 1921. № 490. 20 ноября. С. 3.
[599] Там же.

Зовет нас в рай, к свободе, к счастью…[600]

Мотив предательства связан с изменением политических убеждений генерала Носкова. Интересно отметить подобранный поэтом эпитет «скоропостижный», который обычно используется применительно к смерти. Этим Lolo будто бы подчеркивает искусственность, обреченность сменовеховской идеи «возвращенчества». В конце сатирического стихотворения сатирик для создания комического эффекта использует игру слов, а твердость убеждений сравнивает с прочностью носков:

Не говори мне, что Носков

Не износил еще носков,

<…>

Признай без гнева и тоски, —

<…>

Что износились убежденья

Намного раньше, чем носки![601]

В марте 1922 г. в Берлине была основана газета «Накануне», ставшая центральным печатным органом сменовеховцев. Уже 13 апреля «Последние новости» публикуют сатирическое стихотворение Lolo «Накануне»[602], обличающее эмигрантов, сотрудничающих с одноименной газетой. Поэт, сразу подчеркивая корыстный интерес сотрудников берлинского издания («сменовеховцы стали богаче»), характеризует сменовеховцев как «рептильную тлю» и обращается к ним с риторическим вопросом:

На газете ярлык: «Накануне».

Но вопрос: накануне чего?

Накануне признанья, победы?

Может быть, накануне конца?..[603]

---

[600] Там же.
[601] Там же.
[602] Lolo. Накануне // Последние новости. 1922. № 612. 13 апреля. С. 3.
[603] Там же.

10 апреля приступила к работе Генуэзская конференция, первая широкая дипломатическая встреча Советской России со странами Европы. Именно с этим событием сатирик связывает название газеты, риторически спрашивая «накануне чего?» и используя лексический повтор слова «накануне». Предательство идеалов подчеркивается с помощью противопоставления: вчера эти писатели «проклинали Коммуну», а сегодня «поют ей славу». Мотив предательства соседствует с мотивом продажности: писатели пытаются смутить «эмигрантский квартал» ради «заглушающего совесть» золота. Таким образом, Lolo изображает писателей, согласных сотрудничать с коммунистической властью, беспринципными и бессовестными людьми, готовыми предать свои идеалы ради материальной выгоды.

Завершается стихотворение убеждением, что «Генуя Советам не поможет», что совсем скоро «родина-мать крикнет “прочь!” ненавистной Коммуне», и укором сменовеховцам в предательстве идеалов и продажности:

Но до завтра не стали вы ждать:

Вы торопитесь жить — накануне![604]

Высмеиваются сменовеховцы и в «Европейских частушках»[605] Лери, которые 20 мая 1922 г. опубликовал берлинский «Руль». В первой строфе автор насмехается над сотрудниками газеты «Накануне», упрекая их в служении большевикам:

Мой миленок в «Накануне»

Служит матушке — коммуне —

Здесь в Берлине этот грех

Называют сменой вех[606].

Изначально главным редактором газеты «Накануне» был Ю.В. Ключников. 31 мая 1922 г. он уехал в Советскую Россию, где дал интервью газете «Известия»

[604] Там же.
[605] Лери. Европейские частушки // Руль. 1922. № 458. 20 мая. С. 2.
[606] Там же.

(Москва)[607], в котором рассказал об идеологических разногласиях работников берлинского издания. В ответ на это интервью «Накануне» 23 августа на передовице опубликовало сообщение о том, что «Ю.В. Ключников <…> с сего числа в Редакционной Коллегии газ. “Накануне” не состоят»[608]. Сатира русского зарубежья моментально отреагировала на конфликт в стане идеологического врага, 3 сентября в «Последних новостях» появилось стихотворение Lolo «Недотепа»[609], высмеивающее Ю.В. Ключникова. Ключникова поэт изображает человеком, заботящимся лишь о своей выгоде, возникает мотив продажности:

Молвил Ключников гордо: «Я — ваш, а со мной
Возвратятся домой легионы…
В самом деле, в какой же столице иной
За талант могут дать триллионы!»[610]

Не упускает возможности Lolo укорить и А.Н. Толстого, вставшего на пути возвращенчества:

Легкомысленный граф забежал в «Смену вех»
И застрял в тине лжи, лицемерья…[611]

Неприятие поэтом деятельности сотрудников газеты «Накануне» отлично передают эпитеты, используемые в сатирическом стихотворении: «растленные перья», «продажно-любезная улыбка». Само издание Lolo называет «дрянной шарманкой». Как показывает автор, в Советскую Россию возвращаются «одни спекулянты», «таланты» же возвращаться не желают.

Мотивы лицемерия, предательства и продажности являются ключевыми в стихотворении А. Черного «Сменовеховцу»[612], опубликованном в «Руле» 15 апреля 1923 г. Стихотворение обличает рядового сменовеховца и построено в форме риторического обращения:

---

[607] Волков А. Беседы с профессором Ю.В. Ключниковым // Известия. 1922. № 184 (1623). 17 августа. С. 3.
[608] [От редакции] // Накануне. 1922. № 114. 23 августа. С. 1.
[609] Lolo. Недотепа // Последние новости. 1922. № 729. 3 сентября. С. 2.
[610] Там же.
[611] Там же.
[612] Черный А. Сменовеховцу // Руль. 1922. № 722. 15 апреля. С. 2.

В былые дни, полупочтенный,

Вы кротко б жили во вселенной,

Заботясь лишь о складках брюк…[613]

Поэт изображает недостойные для честного человека дела, которыми мог бы заниматься «полупочтенный»: среди них, например, шулерство в карточных играх, служба у Азефа «на самых маленьких ролях». При всем этом нынешний сменовеховец, к которому обращается сатирик, вполне мог носить Орден Святого Станислава. Говоря же о нынешнем положении дел, А. Черный иронизирует по поводу манеры речи сменовеховца:

Теперь вы наканунский Герцен:

Идеи, трепетное сердце

И трехэтажный хлесткий слог![614]

Сатирик, противопоставляя прошлое время нынешнему, изображает переменчивость политических взглядов сменовеховцев, вводит мотив предательства бывших идеалов. Сами же сменовеховцы изображены пресмыкающимися перед своими «господами»:

Своих господ не вы ли сами

Еще вчера бранили «псами»?

Теперь они же «соль земли».

Их не тошнит, а вас подавно.

Служите ж им и впредь исправно

И вволю ползайте в пыли![615]

Предугадывается и возможная судьба эмигрантов, вставших на путь служения большевикам:

Быть может, вновь приобретете

И дом на имя красной тети

И красный орден «За хулу…»[616]

---

[613] Там же.
[614] Там же.
[615] Там же.
[616] Там же.

Образ сменовеховца у А. Черного связан с ложью и предательством, нестойкостью своих убеждений.

В сатирическом стихотворении «Святая наивность»[617] А. Черный высмеивает «возвращенческие» настроения. Эпиграфом он берет фразу «Конечно, нужно возвращаться…»[618] из брошюры А.В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал». Стихотворение «Святая наивность» поделено на четыре строфы, в первой автор иронично заявляет, что если бы имел профессию куафера, продавца, шофера или секретных дел акушера и обходился «без всякой идеологии», то вернулся бы в Россию «не нуждаясь в благословении Пешехонова». Во второй строфе людям перечисленных профессий противопоставляется «эмигрант-интеллигент». Предположение о том, какие фразы необходимо будет «сочинить» эмигранту-интеллигенту, чтобы вернуться, наполнено сарказмом:

Прабабка моя сочувствовала капиталистам,
Я же с детства беспартийно тянусь к коммунистам,
Во время старого режима
Пострадал в полку нестерпимо —
За смех во время переклички
Был лишен ефрейторской лычки.
Потупив очи к советскому подножью,
Все свободы считаю буржуазной ложью.
Цель моего возвращения —
Культурное ближним служение…[619]

Предугадывая ответ большевиков на эту тираду, А. Черный использует речевую характеристику, насыщая речь «советского сноба» вульгаризмами:

Послушайте, кислый червяк,
У вас в порядке чердак?[620]

---

[617] Черный А. Святая наивность // Руль. 1923. № 750. 20 мая. С. 2.
[618] Там же.
[619] Там же.
[620] Там же.

Третья строфа посвящена возможному согласию Советов на возвращение на родину, которое поэт называет «самораспятием». А. Черный допускает возможность того, что возвращенцу «разрешат влезть в канцелярию», но следом риторически вопрошает:

Разве там нет своих голодных,

Готовых на все, что угодно?[621]

В конце строфы сатирик использует анафору: трижды повторяя «что там делать», он тем самым подчеркивает, что в Советской России, по его мнению, делать нечего. Используется серия вопросов, на которые отвечает сам автор, причем довольно саркастически:

Что там делать свободной музе? Исследовать «книжные знаки»?

Что там делать студенту? Кустарить в «рабфаке»?

Что там делать ученым? Спросите у тех, кто выслан…

Распинаться ведь тоже надо со смыслом[622].

В четвертой, заключительной строфе, поэт подводит итог своим размышлениям, связывая жизнь в СССР с рабством:

Есть различные на свете рабы,

Но томиться рабом у родного народа —

Подвиг особого рода[623].

А. Черный не только высмеивает Пешехонова, но и обличает эмигрантов, готовых уехать в СССР, и сами настроения «возвращенчества». Также обличению подвергается внутренний уклад жизни Советской России, в которой интеллигенту, как считает поэт, нет места.

В 1924 г. Лери публикует на страницах «Руля» «Новые частушки»[624]. Поэт высмеивает сотрудников «Накануне» в связи с закрытием издания и противопоставляет им «неразложимого» эмигранта:

На машине свисток медный,

---

[621] Там же.
[622] Там же.
[623] Там же.
[624] Лери. Новые частушки // Руль. 1924. № 1070. 13 июня. С. 5.

А мой милый худой, бледный —

Господа его в июне

Закрывают «Накануне»…

Жили — были без печали —

Эмигранта разлагали,

Зря возились только с ним:

Эмигрант неразложим!..[625]

Подвергся осмеянию и Б.В. Савинков. В 1924 г. в «Руле» публикуется стихотворение Жака Нуара «Тройка»[626]. Эпиграфом к своей сатире Жак Нуар взял названия произведений Савинкова «Конь бледный» и «Конь вороной». Сатирик вспоминает царское время, когда у Ропшина (литературный псевдоним Б.В. Савинкова) был бледный конь. Повесть «Конь вороной» охватывает период с ноября 1920 г. по март 1922 г. В это время на территории России шла Гражданская война, чтобы подчеркнуть масштабность «гражданского пожара», Жак Нуар использует анафору:

Во дни гражданского пожара

Во дни угара над страной, —

У Ропшина явилась пара:

К конь-бледу также — вороной[627].

Возникает мотив пожара, огня, связанный с периодом Гражданской войны. В статье, посвященной Б.В. Савинкову, Ю.С. Цурганов отмечает, что в 1921–1922 гг. Б. Савинков «делал ставку на “зеленых”»[628]. Однако уже в 1924 г. публикуется подписанная Савинковым статья «Почему я признал Советскую власть?» Жак Нуар высмеивает нестабильность политических убеждений Савинкова:

В принципах смертные не стойки, —

---

[625] Там же.
[626] Нуар Жак. Тройка // Руль. 1924. № 1143. 6 сентября. С. 2.
[627] Там же.
[628] Цурганов Ю.С. Б.В. Савинков (1879–1925) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 1995. № 2. С. 85.

Их жгут желанья, что огонь…

И Ропшином для русской тройки

Уже прикуплен красный конь[629].

В конце стихотворения сатирик задается риторическим вопросом «будет ли трехцветный у Ропшина четвертый конь?»

7 декабря 1924 г. на страницах «Нового русского слова» появляются две «Эпиграммы» без авторства, высмеивающие И.М. Василевского и А.Н. Толстого. Ключевым мотивом обеих эпиграмм является мотив продажности. В первом сатирическом произведении Не-Буква (псевдоним И.М. Василевского) удивляется, что Иуда за свое предательство взял всего тридцать сребренников. Он говорит друзьям:

Нет, Иуда был дурак…

Да у нас-то в Накануне

За построчные лишь слюни

Самый скромный ренегат

Слупит больше во сто крат![630]

Таким образом, образ сменовеховца в сатирической поэзии русского зарубежья первой половины 1920-х гг. связан с мотивом предательства. По мнению сатириков, эмигрант, вставший на пути сменовеховства, предает прежние идеалы. Сменовеховец беспринципен, не испытывает угрызений совести по поводу работы на большевиков, постоянно думает о материальной выгоде. Частым приемом в сатире на сменовеховцев становится антитеза: поэты, бичуя предателей своих прежних идеалов, противопоставляют прошлое время нынешнему времени, а сменовеховцу образ эмигранта-интеллигента, поддерживающего идеи непримиримости.

Обличаются также и конкретные сторонники сменовеховства, в основном, это сотрудники берлинской газеты «Накануне». При изображении генерала А.А. Носкова, Ю.В. Ключникова подчеркиваются такие качества как

[629] Нуар Жак. Тройка // Руль. 1922. № 1143. 6 сентября. С. 2.
[630] Б.п. Эпиграммы // Новое русское слово. 1924. № 4333. 7 декабря. С. 2.

бесчестность, лицемерие, нестойкость идеалов и убеждений. Основными мотивами также являются мотивы предательства и продажности. Через обличение генерала А.А. Носкова и Ю.В. Ключникова осуждаются и идеи, которые они пропагандируют.

4.3 Сатирический образ А.Н. Толстого

Одним из видных представителей нового сменовеховского течения стал А.Н. Толстой. Его образ, созданный сатирической поэзией русского зарубежья 1920–1925 гг., выделяется среди образов других сменовеховцев. Он обличается как писатель, который имел положение и авторитет в среде русской эмиграции.

В упомянутом ранее стихотворении Lolo «Накануне»[631], создается и образ А.Н. Толстого. Бичуя сменовеховцев, сатирик среди них выделяет А.Н. Толстого, который был редактором литературного приложения газеты «Накануне»:

Их немного… Но есть в их кругу
Человек, у которого — имя! —
И ему я простить не могу,
Что и он очутился меж ними![632]

Мотивировка поступка графа Толстого непонятна автору. Используя градацию и отсылку к христианским мотивам, вознаграждению Иуде за предательство Христа, сатирик подчеркивает бесчестный путь, который, по его мнению, избрал Толстой: он риторически вопрошает «за советский серебренник, что ли» тот «бросил славное имя во тьму лицемерья, обмана, неволи?» При изображении А.Н. Толстого выделяется мотив предательства.

14 апреля 1922 г. в газете «Накануне» было напечатано «Открытое письмо Гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому»[633], в котором Толстой заявлял, что решил «признать реальность существования в России правительства, наз.

[631] Lolo. Накануне // Последние новости. 1922. № 612. 13 апреля. С. 3.
[632] Там же.
[633] Толстой А. Открытое письмо Гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. 1922. № 11. 14 апреля. С. 2.

большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России — нет»[634]. 10 октября 1922 г. на страницах рижской газеты «Сегодня» А. Черный публикует стихотворение «Баллада о графе»[635], являющееся сатирическим откликом на публикацию письма. В статье «Современники писателя и жизнь литературы на страницах художественной прозы Саши Черного» М.А. Жиркова отмечает, что «имя автора “Хождения по мукам” у Саши Черного встречается наиболее часто»[636]. Ключевые мотивы стихотворения — лицемерие и продажность. С первых строк А. Черный иронизирует над Толстым, отсылая не только к названию романа «Хождение по мукам», который был опубликован в 1920–1921 гг. в журналах «Грядущая Россия» (Париж) и «Современные записки» (Париж) и хорошо знаком эмигрантскому читателю, но и к собственным словам А.Н. Толстого из отрытого письма Н.В. Чайковскому: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам»[637].

Некий граф был строгий рыцарь духа, —

Год по мукам с Музой он ходил[638].

А. Черный вводит мотив продажности и вкладывает в уста Толстому слова, выражающие боязнь потерять время, изображая его человеком без каких-либо моральных принципов, стремящимся к выгоде и хорошей жизни здесь и сейчас:

«Что скулить? Еще упустишь время!

Не могу молчать и я, как Лев».

Почесал он левым пальцем темя

И пошел в сменивший вехи хлев[639].

Пристанище сменовеховцев сатирик уничижительно именует «хлев». В конце открытого письма А.Н. Толстого есть такие слова: «И совесть меня зовет

---

[634] Там же.
[635] Черный А. Баллада о графе // Сегодня. 1922. № 228. 10 октября. С. 2.
[636] Жиркова М.А. Современники писателя и жизнь литературы на страницах художественной прозы Саши Черного // Литературное зарубежье как культурный феномен. 2017. № 1. С. 150.
[637] Толстой А. Открытое письмо Гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. 1922. № 11. 14 апреля. С. 2.
[638] Черный А. Баллада о графе // Сегодня. 1922. № 228. 10 октября. С. 2.
[639] Там же.

<…> ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, — но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра»[640]. А. Черный высмеивает подобные речи графа Толстого:

Эмигранты — выжатые грозди!

По стопам Великого Петра

Я домой вбивать поеду гвозди

В бот, сгоревший в пламени костра[641].

В 1922 г. из Советской России выслали множество представителей оппозиционной интеллигенции. В стихотворении А. Черный использует этот факт и подчеркивает несоответствие слов графа его поступкам с помощью противопоставления и эпифоры. Высмеивая крупное телосложение графа, поэт сравнивает Толстого с сурком:

Шли недели. Рыцарь без упрека

На харчах раздулся, как сурок.

Подъезжали новые с востока, —

Только он не ехал на восток[642].

Завершается стихотворение также высмеиванием А.Н. Толстого, по ночам во сне он кричит «В поход!», но проснувшись, крестится и шепчет:

Красный граф для них, конечно, штука,

Но в Европе все-таки верней…[643]

Автор изображает графа Толстого беспринципным человеком, слова которого расходятся с делом, и высмеивает не только просоветскую позицию, но и то, что тот не уезжает в Россию. Конец стихотворения намекает на то, что А.Н. Толстой боится большевиков и репрессий с их стороны.

Эти же мотивы лицемерия и продажности звучат в стихотворении Lolo «Братья-предатели»[644], напечатанном 21 июня 1922 г. на страницах газеты «Руль».

---

[640] Толстой А. Открытое письмо Гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. 1922. № 11. 14 апреля. С. 2.
[641] Черный А. Баллада о графе // Сегодня. 1922. № 228. 10 октября. С. 2.
[642] Там же.
[643] Там же.
[644] Lolo. Братья-предатели // Руль. 1922. № 483. 21 июня. С. 2.

Название отсылает к отрывку из стихотворения Н.А. Некрасова «В больнице»: «Братья-писатели! в нашей судьбе что-то лежит роковое». Lolo берет этот отрывок эпиграфом, но иронически переосмысляет строки русского классика, заменив в названии сатирического стихотворения слово «писатели» на «предатели», а в эпиграфе «в нашей судьбе» изменив на «в вашей судьбе», из-за чего тот приобретает форму обращения. В начале стихотворения поэт сообщает:

А. Толстой <…> творит дела такие,

Что невольно жуть берет![645] — далее следует перечисление этих дел. Прежде всего граф Толстой высмеивается за переход на правописание по орфографии, принятой большевиками. Lolo иронизирует и использует литоту, противопоставляя Толстому «некоего Тургенева»:

Не беда, что он навеки

Букву «ять» решил изъять

(Хоть писал Тургенев некий

«Накануне» через «ять»[646].

В следующей строфе Lolo обличает Толстого за связь с большевиками и вновь иронизирует, составляя из первой буквы имени и фамилии Карла Радека анаграмму «Крадек»:

Не беда, что в ресторане

Делит с Крадеком мечты…[647].

Четвертая строфа, как и две предыдущие, начинается с анафоры «не беда»:

Не беда, что пылко, знойно,

Беглецов «домой» зовет —

И… в Берлине преспокойно

Припеваючи живет…[648]

Сатирик высмеивает А.Н. Толстого, который призывает эмиграцию вернуться на родину, в то время как сам при этом находится в Европе, а не в

[645] Там же.
[646] Там же.
[647] Там же.
[648] Там же.

Советской России. Стоит отметить, что слово «дом» используется поэтом в кавычках, это подчеркивает различные идеологические позиции сменовеховцев и автора, отражающего настроения основной части эмиграции: Москва под властью большевиков для эмиграции домом быть не может.

В следующей строфе Lolo раскрывает, в чем же настоящая беда дел графа Толстого:

В том беда, что не краснея,

Встав на «красное крыльцо»,

Он Чуковского Корнея

Пропечатал письмецо[649].

Здесь имеется в виду письмо, опубликованное 4 июня графом Толстым на страницах «Литературного приложения» к газете «Накануне»[650], в котором К.И. Чуковский резко высказался о некоторых членах «Дома искусств». Это письмо, преданное огласке, могло негативным образом сказаться на писателях, перечисленных Чуковским, в чем последний обвиняется: «Брат Корней с душой лакея <…> доносит на других». Также с помощью серии риторических вопросов подчеркиваются сомнения сатирика в том, что А.Н. Толстой не осознавал возможных последствий своего поступка, ведь газета «Накануне» ввозилась в Советскую Россию:

Граф невольно (или вольно?)

Потрудился для Чека…

И не стыдно? И не больно?

И не дрогнула рука?..[651]

Подобный поступок графа вызвал широкий общественный резонанс, 7 июня газета «Голос России» (Берлин) опубликовала «Открытое письмо

[649] Там же.
[650] Чуковский. Письмо К.И. Чуковского А.Н. Толстому // Накануне. Литературное приложение. 1922. № 6. 4 июня. С. 2-3.
[651] Lolo. Братья-предатели // Руль. 1922. № 483. 21 июня. С. 2.

А.Н. Толстому»[652] М.И. Цветаевой, которое заканчивалось фразой о том, что она не жмет руки А.Н. Толстого. Lolo упоминает это событие:

Молодая поэтесса

Громко крикнула ему:

— После этого «эксцесса»

Я руки вам не пожму![653]

Завершается сатирическое произведение призывом научиться отличать писателей от предателей. А.Н. Толстой изображен лживым, лицемерным человеком.

Одна из упомянутых нами эпиграмм, опубликованных 7 декабря 1924 г. на страницах «Нового русского слова», высмеивает А.Н. Толстого. Эпиграфом к эпиграмме на А.Н. Толстого неизвестный автор взял название романа Толстого «Хождение по мукам», комически перефразируя его в «Хождение по гонорарам». Основными мотивами эпиграммы являются мотивы лицемерия и продажности:

В среду он назвал их палачами,

А в четверг, прельстившись их харчами,

Сапоги им чистил в «Накануне»[654].

При изображении А.Н. Толстого в стихотворной сатире русского зарубежья первой половины 1920-х гг. преобладают мотивы лицемерия, предательства, продажности. А.Н. Толстой представлен лживым и лицемерным человеком, агитирующим эмигрантов возвращаться в Россию, причем сам граф не торопится уезжать в Советскую республику.

[652] Цветаева М. Открытое письмо А.Н. Толстому // Голос России. 1922. № 983. 7 июня. С. 2–3.
[653] Lolo. Братья-предатели // Руль. 1922. № 483. 21 июня. С. 2.
[654] Б.п. Эпиграммы // Новое русское слово. 1924. № 4333. 7 декабря. С. 2.

Заключение

В первые годы изгнания эмиграция верила в скорое возвращение на родину. Надежды эмиграции на военную помощь союзников или свержение советской власти простым народом теплились в сердцах эмигрантов, по словам Л.А. Спиридоновой, «вплоть до 1925 г., т. е. в первый период ее существования»[655]. Сатира русского зарубежья первой половины 20-х гг. XX века, как и сатира предыдущих лет, была политизирована и центральное место в сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг. занимает именно политическая сатира.

Сатирическая поэзия русского зарубежья 1920–1925 гг. продолжает традиции сатиры периода Гражданской войны и формирует образ врага — большевика, который является врагом не только эмиграции, но и самой России. Все негативное, что связано с большевизмом, персонифицируется в художественных образах. Это может быть образ большевика «вообще», а могут быть образы лидеров большевиков.

Если в период Первой мировой войны сатира бичевала внешнего врага за то, что тот воевал с Россией и угрожал ее существованию, то сатира первых лет эмиграции обличает внешних врагов Советской России за то, что те идут с нею на сближение, отказываются от военного вмешательства и интервенции. Происходит это потому, что сатирики отделяют правящую власть от родины: большевики для них не равны России, и европейские политики, сотрудничая с советской властью, делают, по мнению эмигрантов, только хуже для России, поскольку способствуют укреплению в стране власти большевиков.

Соответственно, одним из ключевых мотивов сатирической поэзии русского зарубежья первой половины 1920-х гг. становится мотив предательства: вчерашние союзники по Антанте отвернулись от России в лице эмиграции и готовы сотрудничать с большевиками. Этот мотив в 1920 г. соединяется поэтами с

[655] Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. — М.: Наследие, 1999. С. 14.

мотивом разочарования. Мотив предательства также используется, когда создаются образы сменовеховцев.

Со временем, понимая, что казавшееся неминуемым крушение режима большевиков и возвращение эмиграции в Россию откладывается на неопределенный срок, сатирическая поэзия русского зарубежья открыла для себя новые темы, важную роль начала играть тема эмигрантской жизни.

Сатирическая поэзия русского зарубежья 1920–1925 гг. отражала мироощущение, идейные позиции и эстетические установки не только конкретных авторов, но и широкой аудитории русских эмигрантов, на которых она ориентирована. Главными «героями» стихотворной сатиры стали большевики, артисты и писатели Советской России, европейские политики, готовые сотрудничать с советской властью, а также сменовеховцы. Сатирики мгновенно откликались на происходящие события, в частности на международных конференциях. Образы политиков, как советских, так и иностранных, создаваемые сатирической поэзией русского зарубежья первой половины 1920-х гг., демонстрируют злободневность сатиры данного периода. Внутри эмиграции сатирики отобразили борьбу и противостояние различных эмигрантских политических групп, разное социальное положение русских эмигрантов, разницу между дореволюционной жизнью и эмигрантской. Поэты изобразили тяготы и невзгоды эмигранта, население и местную власть «стран рассеяния», обличили сменовеховцев и «возвращенцев».

Повышенный интерес к внешнеполитической жизни (международные конференции и взаимоотношения Антанты с большевиками) в сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг. наблюдается в 1920–1922 гг. В период 1922–1924 гг. основное внимание сатириков приковывает внутренняя жизнь эмиграции: проблемы типичного эмигранта и сменовеховское движение. В 1925 г. преобладают сатирические стихотворения, обличающие политиков, как советских, так и европейских.

Образ «типичного большевика» в стихотворной сатире русского зарубежья связывается поэтами с безжалостностью, грабежом, кровожадностью,

отсутствием морали, террором, а его главной чертой является стремление к разрушению. Этот образ остается устойчивым и принципиально не меняется на протяжении всего исследуемого периода. Поэты-сатирики призывают к активным действиям против советской власти, высмеивают советские лозунги, показывают через частное, «типичного большевика», общее, всех большевиков и весь государственный строй Советской России. Если в 1920–1922 гг. при изображении «типичного большевика» ведущим мотивом являлся мотив грабежа, то ближе к 1925 г. преобладает мотив террора. Однако в целом мотивы грабежа, нечистой силы и террора при изображении большевиков являются ключевыми. Изображение сатирической поэзией «типичного большевика» как грабителя и человека, готового терроризировать население собственной страны, характерно как для русской Европы, так для русского Китая и русской Америки. Как правило, мотивы грабежа и террора в произведениях поэтов-сатириков эмиграции, изображающих большевиков, соседствуют и дополняют друг друга.

Советская Россия изображается сатириками страной с невыносимыми условиями существования. По их мнению, жизнь в управляемом большевиками государстве полна лишений, среди которых главенствуют бедность и голод, а сама советская власть безжалостна и лицемерна. Одним из главных художественных средств сатирического изображения Советской России является гипербола. Сатирики подчеркивают, что большевики используют власть в корыстных целях. Поэты высмеивают социальное неравенство, переименования городов в честь советских лидеров, пристрастный суд. Мотивы бедности, голода, грабежа, смерти, террора и разрухи при изображении жизни внутри РСФСР в сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг. являются ключевыми, причем мотивы смерти и террора мы встречаем в сатирических стихотворениях всех центров русского рассеяния: Европы, Китая и Америки.

Сатирически изображаются артисты и писатели, оставшиеся в Советской России. Шаляпин и М. Горький становятся объектом насмешки после публикаций новостей о том, что они намереваются приехать в Европу. Такие поэты, как Есенин, Крученых, Маяковский, создающие «новую советскую литературу»,

противопоставляются Пушкину как создателю русского литературного языка. Абстрактный советский поэт подвергаются бичеванию за продажу «венца» за «чечевичную похлебку». Сатирические стихотворения, обличающие артистов и писателей Советской России, создаются в центрах рассеяния русской Европы: Париже и Берлине.

В начале 20-х гг. XX столетия стихотворная сатира русского зарубежья делает своей мишенью страны Антанты, не предпринимающие энергичных шагов по борьбе с Советской Россией, а также тех политиков, которые готовы вести диалог с большевиками. Ведущие европейские политики проводят, как изображают сатирики, нерешительную политику по отношению к Советской России. При изображении политиков стран Антанты преобладают мотивы предательства и разочарованности. Но если в самом начале 1920-х гг. поэты пытаются убедить европейских премьеров в ошибочности диалога с большевиками, то в сатирическом стихотворении 1925 г., написанном, когда большинство европейских стран признали СССР, ключевым мотивом является мотив безысходности, возникающий из-за бесплодности международных конференций. Политики ведущих мировых держав изображены людьми, которые не могут организованно выступить против Советского государства, но готовы бесконечно беседовать на конференциях. Они глухи к проблемам русской эмиграции, что подчеркивают многочисленные лексические повторы, которые используют поэты в своих сатирических стихотворениях, обличающих политиков стран Антанты. Стихотворения, обличающие страны Антанты, создаются, как правило, в европейских центрах русского рассеяния, однако изображает бездействие Антанты и Л. Никитин в харбинской газете «Русский голос». Премьеры стран, открытых к сотрудничеству с большевиками, представлены корыстными людьми, думающими только о прибыли.

Стихотворная сатира русского зарубежья 1920–1925 гг. активно использует сатиру «на лицо», делая героями стихотворений конкретных политиков и подвергая гиперболизации их характерные черты. Поэты-сатирики русского зарубежья 1920–1925 гг. создали широкую галерею образов лидеров

большевиков. Объектами обличения и насмешки народные комиссары в основном становятся в связи с международными политическими событиями, публикациями новостных заметок и статей. Так, после выхода в 1920 г. статьи М. Горького о Ленине последний сатириками изображается смеющимся человеком. Образ политика меняется или к его образу добавляются новые черты, в зависимости от новостей, которые публикуют издания русского зарубежья. Говоря про Ленина, необходимо отметить, что даже после смерти политика его образ не перестает появляться в сатирических стихотворениях русского зарубежья.

Изображение остальных лидеров большевиков зависит от занимаемой советским политиком должности, так как в связи с этим определенная черта его характера поддается сатириком гиперболизации, или от событий на международной политической арене. Например, Красин во время переговоров с Ллойд-Джорджем изображается хитрым политиком, который обводит британского премьера вокруг пальца. Чтобы обличить европейских премьеров, успешным политиком изображается и Чичерин, заключивший Рапалльский договор. Однако, в силу того, что Красин, Чичерин и Раковский занимаются дипломатией и внешней торговлей, сатирики постоянно подчеркивают их лицемерие. В то же время Троцкий, нарком по военным делам РСФСР, изображен воинственным, кровожадным, циничным человеком, который готов не только «залить Европу кровью», казнить своих идейных врагов, но и надеется, что три четверти жителей Советской России умрут от голода «во славу коммуны». Крайне негативно сатирики изобразили Зиновьева. Создавая образ первой в мире женщины-дипломата Коллонтай, поэты придумывают различные комические феминитивы для занимаемой Коллонтай должности, а также саркастически изображают ее взгляды на семью.

К порокам, присущим в изображении поэтов-сатириков всем лидерам большевиков, относятся безжалостность, лживость, лицемерие, корыстолюбие. Этими качествами они наделены как в 1920 г., так и в 1925 г. В сатирических произведениях, героями которых становятся советские руководители, получают развитие мотивы, используемые и при создании образа «типичного большевика»:

грабежа, лжи, нечистой силы и террора. Сатирические стихотворения, изображающие лидеров большевиков, мы встречаем в периодике русской Европы и русской Америки, а также в поэме Lolo «О черте лысом и о всех его присных. (Конец красной сказки)», вышедшей в 1922 г. в Париже отдельным изданием.

Создаются яркие сатирические образы большевиков и прозе русского зарубежья. Например, образы советских руководителей у Аверченко схожи с теми, что создают поэты русского зарубежья: они кровожадны, не заботятся о народе, отрицают проблему голода в стране, упиваются своей властью и в социальном отношении стоят несравненно выше рядового советского гражданина.

Главным объектом обличения среди политических деятелей стран Антанты поэты-сатирики избрали Ллойд-Джорджа, так как тот первым из политиков ведущих держав вступил с Советской Россией в переговоры о торговом соглашении. Сатирическая поэзия русского зарубежья связала британского премьера с такими пороками, как алчность, беспринципность, глупость, лживость, лицемерие, корыстолюбие. Ведущими мотивами при изображении Ллойд-Джорджа являются мотивы безумия, обмана и предательства. Сатирические укоры в адрес британского премьер-министра появляются исключительно в европейских центрах рассеяния: Париже, Риге, Праге, Берлине. Причем наиболее часто поэты-сатирики для бичевания Ллойд-Джорджа избирают жанровую форму перепева: мы встречаем ее у Лери, Улисса, Lolo. После заключения торгового соглашения между Англией и Советской Россией в 1921 г., если мы и встречаем обличение Ллойд-Джорджа, персонажем первостепенной значимости он в этих сатирических стихотворениях не является. После того как 20 октября 1922 г. Ллойд-Джордж подал в отставку, он перестал быть объектом бичевания в сатирической поэзии русского зарубежья первой половины 1920-х гг. Стоит отметить, что если в 1920 г. британский премьер-министр наделялся различными негативными чертами, то к 1922 г. сатирикам достаточно простого упоминания политика, поэты начинают апеллировать к рецепции, сложившейся в массовом сознании эмиграции.

В ходе процесса самоопределения русских за границей создается сатирический образ русского эмигранта. Ведущими мотивами при его изображении становятся мотивы бедности, социального неравенства и обреченности. Типичный эмигрант, созданный сатирической поэзией русского зарубежья 1920–1925 гг., беден и несчастен, устал от политики и неопределенности, желает вернуться в Россию, в которой нет советской власти. Сатирики высмеивают речь эмигрантов, насыщенную вкраплениями иноязычных слов, изображают разные эмигрантские позиции по отношению к необходимости активной борьбы с большевиками, обличают богатых эмигрантов за недостаточную поддержку бедных слоев эмиграции, либо за неучастие в жизни эмиграции. Показывая эмигрантский быт и подчеркивая его совершенную непохожесть на дореволюционный уклад жизни, авторы используют мотив перемен. Сатирическая поэзия отобразила борьбу различных политических групп внутри эмиграции, разное социальное положение русских эмигрантов, внутреннее противостояние в эмиграции. Поэты создали тип эмигранта, вставшего на пути сменовеховства ради финансового благополучия. Типичный сменовеховец представлен как предатель, он старается склонить на свою сторону других представителей эмиграции, при его изображении преобладают мотивы лицемерия, продажности. Ему противопоставлен эмигрант, непоколебимый в своей антибольшевистской позиции.

Создают сатирики и портреты участников сменовеховского движения: генерала А.А. Носкова, участвовавшего в обороне Одессы; графа А.Н. Толстого, ставшего редактором литературного приложения газеты «Накануне»; главного редактора «Накануне» Ю.В. Ключникова. Поскольку люди «с именем» могут повести за собой определенную часть эмиграции, поэты их высмеивают и обвиняют в предательстве и продажности. Чтобы продемонстрировать нестойкость убеждений своих политических оппонентов, сатирики изображают прошлое время, когда участники сменовеховства противостояли большевикам, а затем нынешнее, когда сменовеховцы изменили былым принципам.

Для сатирических поэтов русского зарубежья характерно обращение к самым различным жанрам: перепеву, басне, фельетону, частушке, загадке, эпиграмме. Перепевая стихотворения русских классиков, известные романсы, сатирики стремятся создать комический эффект с помощью использования тематического и языкового контрастов перепева и оригинала, образов, хорошо знакомых эмигрантскому читателю. Чаще всех использует жанр перепева Lolo, а частушки — Лери. Жанр басни часто встречается на страницах рижской газеты «Сегодня». Для создания сатирических образов поэты использовали аллегорию, гиперболизацию, каламбур, лексический повтор, противопоставление, сравнение, сарказм. Сатирическая поэзия русского зарубежья первой половины 1920-х гг. злободневна и оперативна: в своих произведениях сатирики используют цитаты из новостных заметок. Особенное внимание авторы уделяют эпиграфу, который оказывает влияние на восприятие и интерпретацию сатирического произведения читателем. Большая часть эпиграфов цитирует новостную хронику на политические темы. Но иногда поэты приводят в эпиграфах строки русских классиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Фета. Делая эпиграфами фразы политических оппонентов, сатирики тем самым подчеркивают актуальность используемых мотивов и создаваемых образов.

Наиболее активный поэт-сатирик русского зарубежья первой половины 1920-х гг. — Lolo. Его стихотворения печатают на своих страницах ведущие издания эмиграции, перепечатывают в газетах русской Америки и русского Китая. В эмигрантских изданиях Америки, Европы и Китая публикуют и произведения Жака Нуара. Довольно деятелен в этот период Лери, его стихи, как правило, можно встретить в «Руле» и «Сегодня». Поэты используют различные образы из стихотворений друг друга. Например, Лери в перепеве «Но я вас все-таки люблю!»[656] развивает образ Ллойд-Джорджа как не брезгливого человека из стихотворения Улисса «Догадайтесь сами!»[657], а Lolo в сатирическом

[656] Лери. Но я вас все-таки люблю! // Славянская заря. 1920. № 171. 11 июля. С. 2.
[657] Улисс. Догадайтесь сами! // Последние новости. 1920. № 52. 26 июня. С. 3.

произведении «Genova la superba»[658] использует образ Чичерина из стихотворения Лери «Генуэзский фокстрот»[659]. Отметим, что и Лери, и Улисс перепевают балладу А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Есть и поэты, тесно связанные с определенным гнездом рассеяния и конкретным изданием. Так, сатирические произведения Чичикова мы встречаем исключительно в нью-йоркском «Новом русском слове», Кокойды — в харбинской газете «Свет».

В первой половине 1920-х гг. сатирическая поэзия русского зарубежья чаще всего публикуется на страницах газет и журналов. Однако выпускаются и книги стихотворной сатиры. Например, в 1922 г. вышли сатирическая поэма Lolo «О черте лысом и о всех его присных. (Конец красной сказки)»[660], сборник Жака Нуара «Сквозь дымчатые стекла»[661], поэма Лери «Онегин наших дней»[662]. В 1923 г. в Берлине вышли альбом в стихах «Там!.. Картинки советского рая»[663] Lolo и Лери, книга стихов Потемкина «Отцветшая герань: То, чего не будет»[664], объединяющая произведения, опубликованные в России и созданные в эмиграции. В Берлине и Риге опубликованы книги Жака Нуара «Картонный паяц»[665], Лицом к Берлину»[666], «Прищуренный глаз»[667].

В ведущих периодических изданиях русского зарубежья 1920–1925 гг., помещавших на своих страницах сатирическую поэзию, больше всего стихотворений появилось в 1920–1922 гг. — первые годы эмиграции. В то время еще шла Гражданская война, советское правительство не было признано рядом ведущих европейских держав, а эмиграции казалось, что власть большевиков вот-вот рухнет. Из 100 сатирических стихотворений, опубликованных в «Последних новостях» до 1925 г., 94 приходится на 1920–1922 гг., в газете «Сегодня» 35 из 66.

---

[658] Lolo. Genova la superba // Последние новости. 1922. № 626. 30 апреля. С. 2.
[659] Лери. Генуэзский фокстрот // Руль. 1922. № 431. 16 апреля. С. 11.
[660] Lolo. О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки). — Париж: Франко-Русская Печать, 1922. — 24 с.
[661] Нуар Жак. Сквозь дымчатые стекла. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. — 128 с.
[662] Лери. Онегин наших дней. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. — 157с.
[663] Lolo, Лери. Там!.. Картинки советского рая. — Берлин: б.и., 1923. — 36 с.
[664] Потемкин П.П. Отцветшая герань: То, чего не будет. — Берлин: З.И. Гржебин, 1923. — 135 с.
[665] Нуар Жак. Картонный паяц. — Берлин: Север, 1924. — 136 с.
[666] Нуар Жак. Лицом к Берлину. — Берлин: Тритемис, 1924. — 41 с.
[667] Нуар Жак. Прищуренный глаз. — Рига: Пресса, 1925. — 80 с.

Исключение составляет берлинский «Руль», в котором до 1925 г. появилось 72 стихотворения, но лишь 28 опубликованы до 1922 г. Однако стоит отметить, что первый номер «Руля» вышел в конце 1920 г. — 16 ноября. В силу того, что авторы сатирических стихотворений, как и большая часть эмиграции, покинули родину потому, что не приняли Октябрьскую революцию, их сатира в первые годы «изгнания» политизирована. Она направлена на большевиков, как причину эмигрантских невзгод, европейских политиков, которые либо не могут объединиться и принять решительные меры против советского правительства, либо готовы вести с Советской Россией диалог и ту часть эмиграции, которая встала на пути примиренчества с большевиками. Различные негативные качества и пороки большевиков, которые изображают сатирики, отражают представление эмиграции о большевиках «вообще». Однако высмеиванию подвергаются также образы типичного эмигранта, сменовеховца, лидеров «возвращенчества».

Политизированность сатирической поэзии русского зарубежья 1920–1925 гг. отражает политизированность сатиры первой половины 1920-х гг. в целом — как в эмиграции, так и в Советской России, а затем в СССР, что является естественным отражением значимости и накала политического противостояния, особенно в годы Гражданской войны. В советской сатирической поэзии создаются образы видных деятелей эмиграции и европейских политиков, например, у Демьяна Бедного в стихотворениях «Манифест барона фон Врангеля»[668], «Догенуэзился»[669], «Golos Rossii»[670], «Политическая загадка»[671], «Либерал»[672], «Братское дело»[673], «Были, да перевелись»[674] или у Маяковского в «Окнах РОСТА»[675]. Сатирическая поэзия русского зарубежья первой половины

[668] Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1917–1920. — М.: ГИХЛ, 1954. С. 384–385.
[669] Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. 1921–1929. — М.: ГИХЛ, 1954. С. 62.
[670] Там же. С. 57–58.
[671] Там же. С. 50–51.
[672] Там же. С. 21.
[673] Там же. С. 19–20.
[674] Там же. С. 48–49.
[675] Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. «Окна» РОСТА 1919–1922. — М.: ГИХЛ, 1957. — 639 с.

1920-х гг. является важной частью литературного процесса, и ее анализ существенно дополняет общую картину литературной жизни русской эмиграции.

В сформировавшихся в начале 1920-х гг. главных центрах рассеяния русской эмиграции сатирическая поэзия продолжает создаваться и после 1925 г. Сатирическая поэзия публикуется не только на страницах газет и журналов, завоевавших популярность у эмигрантского читателя в первые годы «изгнания», но также в новых изданиях, которые не прекращают появляться в русском зарубежье. Так, например, в 1926 г. основан сатирический журнал «Ухват» (Париж), в 1930 г. — сатирический журнал «Бух» (Белград), в 1931 г. — парижский «Сатирикон» и др. Издаются и сатирические книги. Как уже отмечалось ранее, сквозным мотивом литературы русского зарубежья был мотив ностальгии по утраченной родине. Однако любовь эмиграции к России, воспринимаемой как утерянный идеал, могла проявляться не только через выражение в поэзии непосредственного стремления к идеалу, но и через обличение антиидеала, которым представала Россия под властью большевиков. Поэты-сатирики продолжают сатирически изображать советских руководителей и Советский Союз, а также типичного эмигранта, который не может адаптироваться к новым жизненным обстоятельствам. В своих произведениях авторы показывают не только взаимоотношения европейских стран с Советской Россией, но и политическое положение в целом, внутреннюю политику стран рассеяния.

Список использованной литературы

I. Источники

Периодические издания:

1. Баян. — Харбин, 1923г.
2. Бич. — Париж, 1920 г.
3. Вал. — Харбин, 1922 г.
4. Возрождение. — Париж, 1925 г.
5. Вперед. — Харбин, 1920 г.
6. Голос эмигранта. — Берлин, 1921–1922 г.
7. Дни. — Берлин, 1922–1925 гг.
8. Дым Отечества. — Харбин, 1920 г.
9. Жар-птица. — Берлин; Париж, 1921–1925 гг.
10. Зарницы. — Константинополь, София, 1921 г.
11. Заря. — Харбин, 1920 г., 1925 г.
12. Окно. — Харбин, 1920 г.
13. Новая русская жизнь. — Гельсингфорс, 1920–1922 гг.
14. Новая шанхайская жизнь. — Шанхай, 1924–1925 гг.
15. Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1920–1925 гг.
16. Новости жизни. — Харбин, 1920 г., 1923–1925 гг.
17. Новые русские вести. — Гельсингфорс, 1923–1925 гг.
18. Последние новости. — Париж, 1920–1925 гг.
19. Ревельские новости. — Таллин, 1920 г.
20. Руль. — Берлин, 1920–1925 гг.
21. Русская жизнь. — Харбин, 1922 г.
22. Русские вести. — Гельсингфорс, 1922–1923 гг.
23. Русский голос. — Харбин, 1920–1922 гг., 1924 г
24. Русское слово. — Нью-Йорк, 1920 г.
25. Русское эхо. — Константинополь, 1920 г.
26. Русское эхо. — Шанхай, 1920 г.

27. Русь. — София, 1922–1925 гг.

28. Свет. — Харбин, 1920 г.

29. Свободные мысли. — Париж, 1920–1921 гг.

30. Сегодня вечером. — Рига, 1925 г.

31. Сегодня понедельник. — Рига, 1920 г.

32. Сегодня. — Рига, 1920–1925 гг.

33. Сибирская жизнь. — Харбин, 1920 г.

34. Славянская заря. — Прага, 1920 г.

35. Сунгарийские вечера. — Харбин, 1923 г.

36. Эхо. — Ковно, 1922–1925 гг.

Книги:

37. Lolo. О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки). — Париж: Франко-Русская Печать, 1922. — 24 с.

38. Lolo. Пыль Москвы: Лирика и сатира. — Париж: б.и., 1931. — 200 с.

39. Lolo, Лери. Там!.. Картинки советского рая. — Берлин: б.и., 1923. — 36 с.

40. Аверченко А.Т. Рассказы (юмористические): в 2 т. / Изд. подг. Д.Д. Николаев. — Т. 1 — М.: Ладомир; Наука, 2021. — 516 с.

41. Аверченко А.Т. Рассказы (юмористические): в 2 т. / Изд. подг. Д.Д. Николаев. — Т. 2 — М.: Ладомир; Наука, 2021. — 604 (517-1120) с.

42. Аверченко А.Т. Сочинения в 2 томах. / Общ. ред., сост., научная подг. текстов Д.Д. Николаева. Том 1. Кипящий котел. — М.: Лаком, 1999. — 384 с.

43. Аверченко А.Т. Сочинения в 2 томах. / Общ. ред., сост., научная подг. текстов Д.Д. Николаева. Том 2. Смешное в страшном. — М.: Лаком, 1999. — 384 с.

44. Аверченко А.Т. Юмористические рассказы — СПб.: СЗКЭО, 2022. — 728 с.

45. Агнивцев Н.Я. Мои песенки. — Берлин: Литература, 1921. — 128 с.

46. Антология сатиры и юмора. — Берлин: Мысль, 1922. — 128 с.

47. Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Художественная литература, 1963–1965.

48. Бунин И.А. Публицистика 1918-1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. — М.: Наследие, 1998. — 640 с.

49. Вольная русская поэзия второй половины XIX века / Подготовка текста и примеч. С.А. Рейсера и А.А. Шилова. — Л.: Советский писатель, 1959. — 888 с.

50. Дон-Аминадо. Дым без отечества. — Париж: Север, 1921. — 103 с.

51. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. — М.: ТЕРРА, 1994. — 768 с.

52. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. / Автор вступ. ст. Ф.Я. Прийма; Примеч. З.И. Гершковича. — Л.: Советский писатель, 1956. — 557 с.

53. Маяковский В.В. Полное собрание произведений: в 20 томах. — М.: Наука, 2013–2022.

54. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 томах. — М.: ГИХЛ, 1955–1961.

55. Народно-поэтическая сатира / Статьи, подг. текста и примеч. Д.М. Молдавского; общ. ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Л.: Советский писатель, 1960. — 471 с.

56. Нуар Жак. Картонный паяц. — Берлин: Север, 1924. — 136 с.

57. Нуар Жак. Лицом к Берлину. — Берлин: Тритемис, 1924. — 41 с.

58. Нуар Жак. Прищуренный глаз. — Рига: Пресса, 1925. — 80 с.

59. Нуар Жак. Сквозь дымчатые стекла. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. — 128 с.

60. Лери. Онегин наших дней. — Берлин: Ольга Дьякова и Ко, 1922. — 157с.

61. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1830–1870-х годов / Сост., автор вступ. ст. Л.Ф. Ершов; примеч. А.Л. Ершова. — М.: Современник, 1988. — 476 с.

62. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1880–1910-х годов / Сост., автор вступ. ст. Л.Ф. Ершова; примеч. А.Л. Ершова. — М.: Современник, 1990. — 447 с.

63. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина / Сост., вступ. ст. Л.Ф. Ершова; примеч. А.Л. Ершова. — М.: Современник, 1988. — 540 с.

64. Потемкин П.П. Зеленая шляпа. — Берлин: Волга, 1924. — 20 с.

65. Потемкин П.П. Отцветшая герань: То, чего не будет. — Берлин: З.И. Гржебин, 1923. — 135 с.

66. Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Вступ. ст. Б.Л. Бессонова; биогр. спр., подг. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. — Л.: Советский писатель, 1968. — 784 с.

67. Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., подг. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. — Л.: Советский писатель, 1987. — 384 с.

68. Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 2 / Вступ. ст., подг. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. — Л.: Советский писатель, 1987. — 464 с.

69. Поэты «Сатирикона» / Предисл. Г.Е. Рыклина; вступ. ст., биогр. спр., подг. текста и примеч. Л.А. Евстигнеевой. — М.: Советский писатель, 1966. — 364 с.

70. Поэты-сатирики конца XVIII–начала XIX в. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер. — Л.: Советский писатель, 1959. — 756 с.

71. Пушкин А.С. Сатира и юмор / Сост. М. Козман. — М.: Советский писатель, 1937 г. — 296 с.

72. Русская басня XVIII–XIX веков / Вступ. ст. Н.Л. Степанова; сост., подг. текста и примеч. В.П. Степанова и Н.Л. Степанова. — Л.: Советский писатель, 1977. — 656 с.

73. Русская демократическая сатира XVII века. / Подг. текстов, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. Издание 2-е, дополненное. — М.: Наука, 1977. — 255 с.

74. Русская стихотворная пародия (XVIII–начало XX в.) / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А.А. Морозова. — Л.: Советский писатель, 1960. — 857 с.

75. Русская стихотворная сатира 1908–1917 гг. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. И.С. Эвентова. — Л.: Советский писатель, 1974. — 736 с.

76. Русская эпиграмма второй половины XVII–начала XX в. / Вступ. ст. Л.Ф. Ершова; сост., подг. текста и примеч. В.Е. Васильева, М.И. Гиллельсона, Н.Г. Захаренко. — Л.: Советский писатель, 1975. — 968 с.

77. Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII–начала XIX века: в 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., биогр. спр., сост., подгот. текста и примеч. А.А. Гозенпуда. — Л.: Советский писатель, 1990 г. — 688 с.

78. Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII–начала XIX века: в 2 т. Т. 2 / Биогр. спр., сост., подгот. текста и примеч. А.А. Гозенпуда. — Л.: Советский писатель, 1990 г. — 768 с.

79. Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907) / Вступ. ст. А.А. Нинова; сост., подг. текстов и примеч. Н.Б. Банк, Н.Г. Захаренко и Э.М. Шнейдермана. — Л.: Советский писатель, 1969. — 720 с.

80. Тэффи Н.А. Моя летопись / Сост., вступ. ст., примеч. Ст. Никоненко. — М.: Вагриус, 2004. — 384 с.

81. Тэффи Н.А. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост. и подг. текста Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. — М.: Лаком, 1998–2005.

82. Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. / Сост., подг. текста и коммент. А.С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 1996.

83. Черный Саша. Стихотворения / Вступ. ст. и общ. ред. К. Чуковского; критико-биогр. очерк, подг. текста и примеч. Л.А. Евстигнеевой. — Л.: Советский писатель, 1960. — 632 с.

84. Юмор и сатира послереволюционной России: Humor and satire of post-revolutionary Russia: Антология: в 2 т. / Сост. Борис Филиппов при участии Вадима Медиша. — London: Overseas Public-ns Interchange Ltd, 1983.

II. Научно-критическая литература

85. Абызов Ю.И. А это издавалось в Риге: 1918–1944. Историко-библиографический очерк / Ю.И. Абызов. — М.: Русский путь, 2006. — 416 с.

86. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996) / В.В. Агеносов. — М.: Терра-спорт, 1998. — 544 с.

87. Агеносов В.В. А. Аверченко в Константинополе. / В.В. Агеносов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. — 1996. — № 4. — С. 42–54.

88. Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру / Г.В. Адамович. — Париж: б.и., 1961. — 18 с.

89. Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры / В.П. Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. Издание 2-е, дополненное. М.: Наука, 1977. — С. 107–142.

90. Азаров Ю.А. Литературные центры первой русской эмиграции: история, развитие и взаимодействие: дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / Азаров Юрий Алексеевич. — М., 2006. — 452 с.

91. Аксенов В.Б. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды / В.Б. Аксенов // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 455–472.

92. Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги, 1917–1940: Материалы к библиогр. / А.Д. Алексеев; отв. ред. К.Д. Муратова; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб: Наука. 1993. — 200 с.

93. Аристотель и античная литература / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. — М.: Наука, 1978. — 233 с.

94. Афанасьева Е.А. Поэтика эпиграмм Саши Черного / Е.А. Афанасьева // Вестник ОГУ. — 2011. — № 11 (130). — С. 4–9.

95. Афанасьева Е.А. «Сатиры и лирика» Саши Черного как метажанр: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Афанасьева Елена Анатольевна. — Оренбург, 2013. — 281 с.

96. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т 4. Ч. 2. — М.: Языки славянских культур, 2010. — С. 8–508.

97. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.

98. Бахтин М.М. Сатира / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. — М.: Русские словари, 1997. — С. 11–38.

99. Бергсон А. Смех / А. Бергсон; пер. И. Гольденберг. — М.: Искусство, 1992. — 127 с.

100. Бессонов Б.Л. Демократическая поэзия 1870–1880-х годов / Б.Л. Бессонов // Поэты-демократы 1870–1880-х годов. – Л.: Советский писатель, 1968. — С. 5–36.

101. Борев Ю.Б. Комическое / Ю.Б. Борев. — М.: Искусство, 1970. — 270 с.

102. Борев Ю.Б. О комическом / Ю.Б. Борев. — М.: Искусство, 1957. — 232 с.

103. Борев Ю.Б. Трагическое и комическое и проблемы литературы: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Борев Юрий Борисович. — М., 1963. — 34 с.

104. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. Учебное пособие / З.С. Бочарова. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 304 с.

105. Бочкарева Е.В. Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Бочкарева Елена Владимировна. — Ульяновск, 2009. — 212 с.

106. Брызгалова Е.Н. Русская сатира и юмористика начала XX века: Учебное пособие / Е.Н. Брызгалова. — Тверь: ТвГУ: Золотая буква, 2002. — 203 с.

107. Будагов Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого / Р.А. Будагов // Русская речь. — М.: Наука, 1973. — С. 26–32.

108. Будагова М.А. Мотивная структура поэзии Дон-Аминадо: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Будагова Марина Александровна. — Тверь, 2014. — 169 с.

109. Бузуев О.А. Очерки по истории литературы русского зарубежья Дальнего Востока (1917–1945) / О.А. Бузуев. — М.: Прометей; — Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на Амуре гос. пед. ун-та, 2000. — 124 с.

110. Букс Н., Лощилов И.Е. Зарисовки Финляндии Петра Потемкина / Н. Букс, И.Е. Лощилов // LiteraruS. — 2009. — № 4. — С. 64–69.

111. Букс Н., Лощилов И.Е. «Кронштадская трилогия» Петра Потемкина / Н. Букс, И.Е. Лощилов // Slavic Almanac. — 2011. — Т. 17, № 1. — С. 15–28.

112. Букс Н., Лощилов И.Е. Неизданная книга стихов Петра Потемкина «Париж» / Н. Букс, И.Е. Лощилов // Новый мир. — 2009. — № 9. — С. 31–38.

113. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учебное пособие / Т.П. Буслакова. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 2009. — 365 с.

114. Бжикцы И. Ars memoriae — ars oblivionis в поэзии «первой волны» русской эмиграции / И. Бжикцы // Вопросы литературы. — 2021. — №1. — С. 79–98.

115. Вартазарян С.Р. От знака к образу / С.Р. Вартазарян. — Ереван, 1973. — 198 с.

116. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. — М.: Высшая школа, 1989. — 648 с.

117. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1976. — 602 с.

118. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. — М.: Высшая школа, 1991. — 448 с.

119. Вулис А.З. В лаборатории смеха / А.З. Вулис. — М.: Художественная литература, 1966. — 144 с.

120. Вулис А.З. Сатира / А.З. Вулис // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 6. Присказка — «Советская Россия» — М.: Сов. Энцикл., 1971. — С. 673–680.

121. Галинская И.Л. Дон-Аминадо в эмиграции / И.Л. Галинская // Вестник культурологии. — 2015. — № 2 (73). — С. 127–134.

122. Гальперин И.Р. Глубина поэтического текста / И.Р. Гальперин // Теория языка. Англистика. Кельтология. — М.: Наука, 1976. — С. 31–40.

123. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века / Б.М. Гаспаров. — М.: Наука. Восточная литература, 1994. — 304 с.

124. Гаспаров М.Л. Методика анализа стихотворного текста / М.Л. Гаспаров // Русская речь. — 1997. — № 1. — С. 9–20.

125. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров. — 2-е изд., доп. — М.: Фортуна Лимитед, 2002. — 352 с.

126. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях / М.Л. Гаспаров. — М.: Высшая школа, 1993. — 272 с.

127. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль / Н.К. Гей. — М.: Наука, 1975. — 472 с.

128. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет / И.В. Гессен. — Париж: YMCA-PRESS, 1979. — 268 с.

129. Гиршман М.М. Литературное произведение: теория и практика анализа: учебное пособие / М.М. Гиршман. — М.: Высшая школа, 1991. — 160 с.

130. Гиршман М.М. О специфике стиховедческого анализа / М.М. Гиршман // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1983. — Т. 42. — № 1. — С. 67–71.

131. Гиршман М.М. Стихотворная речь / М.М. Гиршман // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Стиль.

Произведение. Литературное развитие: в 3 т. — М.: Наука, 1965. — Т. 3. — С. 317–392.

132. Гозенпуд А.А. Из истории русской стихотворной комедии и комической оперы XVIII–начала XIX века / А.А. Гозенпуд // Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII–начала XIX века: в 2 т. Т. 1. — Л.: Советский писатель, 1990 г. — С. 5–56.

133. Головчинер В.Е., Веснина Т.Л. Истоки и функции комического в фельетоне как явлении литературы / В.Е. Головчинер, Т.Л. Веснина // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 3. — С. 107–117.

134. Голубков С.А. Комические дефиниции в прозе Дон-Аминадо 1920-х годов / С.А. Голубков // Художественный язык литературы 20-х годов XX века: К 70-летию профессора В.П. Скобелева, Самара, 13–15 декабря 2000 года. — Самара: Самарский государственный университет, 2001. — С. 130–140.

135. Голубков С.А. Мир сатирического произведения. Учебное пособие по спецкурсу / С.А. Голубков. — Самара: СамГПИ, 1991. — 108 с.

136. Голубков С.А. Мозаика смеха: поэтика комического в литературном произведении: учебное пособие к спецкурсу / С.А. Голубков. — Самара: Самарский государственный университет, 2004. — 134 с.

137. Голубков С.А. О парадоксальной природе смеха в литературе XX века / С.А. Голубков // Культура и текст. — 2021. — № 3(46). — С. 215–225.

138. Голубков С.А. Скрытые языки русской сатиры и юмористики / С.А. Голубков // Сфера культуры. — 2020. — № 1. — С. 51–58.

139. Голубков С.А. Скрытые языки русской сатиры и юмористики XX века / С.А. Голубков. — Самара: ООО «Научно-технический центр», 2021. — 225 с.

140. Голубков С.А. Техника смешного в литературном произведении: учебное пособие / С.А. Голубков; отв. ред. М.А. Перепелкин. — Самара: Самарский университет, 2014. — 188 с.

141. Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В.П. Григорьев. — М.: Наука, 1979. — 343 с.

142. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. Т. 1: Россия в Германии / Р.Б. Гуль; предисл. О.А. Коростелева. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. — 556 с.

143. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. Т. 2: Россия во Франции / Р.Б. Гуль; предисл. О.А. Коростелева. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. — 520 с.

144. Гурова Е.К. Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А.Т. Аверченко: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Гурова Евгения Константиновна. — М., 2000. — 154 с.

145. Дземидок Б. О комическом / Б. Дземидок. — М.: Прогресс, 1974. — 224 с.

146. Дяо Шаохуа, Колесов А.В. Поэты и прозаики Харбина: русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX в. / Дяо Шаохуа, А.В. Колесов // Россия и АТР. — 2002. — № 2 (36). — С. 90–101.

147. Евстигнеева Л.А. Поэты-сатириконцы / Л.А. Евстигнеева // Поэты «Сатирикона». — М.: Советский писатель, 1966. — С. 8–48.

148. Елизарова М.М. Языковая личность эмигранта в рассказах Тэффи 1920–1940-х годов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Елизарова Марина Михайловна. — СПб., 1999. — 156 с.

149. Ельцова Е.Н. «Жили-были»: Литературно-художественные и общественные издания русской эмиграции в Тунисе (1921–1923 гг.) / Е.Н. Ельцова // Гражданская война в памяти русского зарубежья: к 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного противоборства 1917–1922 гг.: Материалы международной научной конференции. Москва. 31 октября–1 ноября 2022 г. / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; сост. А.С. Кручинин, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина. — М.: Вифсаида, 2023. — С. 427–443.

150. Ермакова-Битнер Г.В. Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. / Г.В. Ермакова-Битнер // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. — Л.: Советский писатель, 1959. — С. 5–82.

151. Ершов Л.Ф. О русской эпиграмме / Л.Ф. Ершов // Русская эпиграмма второй половины XVII–начала XX в. — Л.: Советский писатель, 1975. — С. 5–56.

152. Ершов Л.Ф. Русская стихотворная сатира конца XIX — начала XX веков / Л.Ф. Ершов // Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1880–1910-х годов. — М.: Современник, 1990. — С. 5–26.

153. Ершов Л.Ф. Русская стихотворная сатира (от Кантемира до Пушкина) / Л.Ф. Ершов // Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина. — М.: Современник, 1988. — С. 5–28.

154. Ершов Л.Ф. Русская советская сатирико-юмористическая проза: Рассказы и фельетоны 20–30-х годов / Л.Ф. Ершов. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. — 472 с.

155. Ершов Л.Ф. Сатира и современность / Л.Ф. Ершов. — М.: Современник, 1978. — 271 с.

156. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы / Л.Ф. Ершов. — Л.: Наука, 1977. — 284 с.

157. Жиркова М.А. Вечный город глазами русского эмигранта в поэтических циклах Саши Черного «Римские камеи» и «Римские офорты» / М.А. Жиркова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2023. — Т. 1, № 1 (40). — С. 5–13.

158. Жиркова М.А. Гоголевские мотивы и образы в рассказе Саши Чёрного «Иллинойсский богач» / М.А. Жиркова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2008. — Т. 1, № 4–1 (16). — С. 47–56.

159. Жиркова М.А. Комическое в «Несерьезных рассказах» Саши Черного / М.А. Жиркова // Studia Culturae. — 2011. — № 12. — С. 79–89.

160. Жиркова М.А. Метафизика войны: особенности изображения войны в одноименном поэтическом цикле Саши Черного / М.А. Жиркова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 1. — С. 35–39.

161. Жиркова М.А. «Несерьезные рассказы» Саши Черного: учебное пособие / М.А. Жиркова. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2015. — 160 с.

162. Жиркова М.А. Один день из жизни русского эмигранта. К проблеме эволюции поэзии Саши Черного в эмиграции / М.А. Жиркова // Новый филологический вестник. — 2021. — № 4 (59). — С. 217–229.

163. Жиркова М.А. Покинутая родина и первые впечатления в эмиграции в поэтических циклах Саши Черного «На Литве» и «Чужое солнце» / М.А. Жиркова // Новый филологический вестник. — 2015. — № 4 (35). — С. 47–56.

164. Жиркова М.А. Поэзия Саши Черного в эмиграции / М.А. Жиркова // Царскосельские чтения. — 2014. — № XVIII. — С. 268–274.

165. Жиркова М.А. Саша Черный как редактор и автор отдела сатиры и юмора «Бумеранг» в парижском еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия» / М.А. Жиркова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2015. — №2. — С. 67–74.

166. Жиркова М.А. Современники писателя и жизнь литературы на страницах художественной прозы Саши Черного / М.А. Жиркова // Литературное зарубежье как культурный феномен. — 2017. — №1. — С. 147–158.

167. Жиркова М.А. Человек и война в поэтическом цикле Саши Черного «Война» (Берлин, 1923) / М.А. Жиркова // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество. Том Книга 20. — Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2014. — С. 42–69.

168. Жиркова М.А. Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия — Италия / М.А. Жиркова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2014. — №2. — С. 43–51.

169. Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии / В.М. Жирмунский. — СПб: Азбука — Классика, 2001. — 496 с.

170. Жирмунский В.М. Теория стиха / В.М. Жирмунский. — Л.: Советский писатель, 1975. — 664 с.

171. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учебное пособие / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова и др.; под ред. Г.В. Жиркова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — 320 с.

172. Захарова В.Т. Автобиографическое повествование Дон-Аминадо «поезд на третьем пути»: своеобразие поэтики жанрового синтеза / В.Т. Захарова // Art Logos. — 2018. — № 3 (5). — С. 57–67.

173. Зверев А.М. Берлинская газета русской эмиграции «Руль» / А.М. Зверев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. — 1997. — № 3. — С. 159–176.

174. Земенков Б.С. Ударное искусство окон сатиры / Б.С. Земенков. — М.: Худ. изд-ское акц. о-во АХР, «Интернациональная» тип, 1930. — 104 с.

175. Иванов А.С. Оскорбленная любовь / А.С. Иванов // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. / Сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 1996. — С. 5–30.

176. Иванов А.С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции / А.С. Иванов // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 1996. — С. 5–22.

177. Ильин О.И. Героическая сатира Маяковского: проблемы сатиры поэта второй половины 20-х гг.: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00 / Ильин Олег Иванович. — Саратов, 1963. — 375 с.

178. Карасев Л.В. Смех и грех. О сути комического. / Л.В. Карасев // Знание — сила. — 1993. — № 2. — С. 121–125.

179. Ковалев В.П. Выразительные средства художественной речи / В.П. Ковалев. — Киев: Рад. шк., 1985. — 136 с.

180. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия / П.Е. Ковалевский. — Париж: Librairie des cinq continents, 1971. — 148 с.

181. Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И.И. Ковтунова // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 3–13.

182. Козинцев А.Г. Человек и смех / А.Г. Козинцев. — СПб.: Алетейя, 2007. — 236 с.

183. Комаров С.А. «Клоп» и «Баня» В.В. Маяковского и русская советская сатирическая комедия 20–30-х годов: дис. … канд. филол. наук: 10.01.02 / Комаров Сергей Анатольевич. — Томск, 1989. — 200 с.

184. Комаров С.А. Стихотворный фельетон В.В. Маяковского: реализация жанровых характеристик / С.А. Комаров // Пушкинские чтения. — 2012. — № XVII. — С. 75–81.

185. Комическое в русской литературе XX века. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. — 504 с.

186. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. — М.: Вече 2000, АСТ, 2003 — 512 с.

187. Кононова Н.В. «Евгений Онегин» в творчестве Вл. Клопотовского-Лери (по материалам рижских газет 1920-х гг.) / Н.В. Кононова // Болдинские чтения-2014. — Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2014. — С. 24–37.

188. Кононова Н.В. Географическое пограничье в статьях В. Клопотовского-Лери на страницах рижских газет «Сегодня» и «Сегодня вечером» за 1927 год / Н.В. Кононова // Сборник материалов Международных научных конференций в Риге (21.02–22.02.2013) и Пскове (05.12–07.12.2013), посвященных проблемам пограничья. — Псков: Псковский государственный университет, 2015. — С. 84–97.

189. Кононова Н.В. Диалог культур (по статьям В. Клопотовского – Лери на страницах рижских газет «Сегодня» и «Сегодня вечером» за 1927 год) / Н.В. Кононова // LIBRI MAGISTRI. — 2015. — Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. — С. 140–149.

190. Корниенко Н.В. «НЭПовская оттепель»: Становление института советской литературной критики / Н.В. Корниенко. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 504 с.

191. Коровин В.И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции / В.И. Коровин // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Воспоминания. — М.: ТЕРРА, 1994. — С. 3–38.

192. Коротких А.В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Коротких Анастасия Викторовна. — Южно-Сахалинск, 2002. — 236 с.

193. Краснова И.Л. Проблема сатирического стихотворного стиля (на материале поэзии «Искры»): дис. … канд. филол. наук: 10.01.08 / Краснова Ирина Леонидовна. — Алматы, 1997. — 275 с.

194. Крейд В.П. Поэзия первой эмиграции / В.П. Крейд // Ковчег: Поэзия первой эмиграции. — М.: Политиздат, 1991. — С. 3–21.

195. Кузьмина О.А. Рассказы А.Т. Аверченко: Жанр. Стиль. Поэтика: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Кузьмина Ольга Анатольевна. — Тверь, 2003. — 151 с.

196. Кушлина О.Б. Жанровое своеобразие русской сатирической поэзии начала XX века (пародия, эпиграмма, басня): дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Кушлина Ольга Борисовна. — М., 1983. — 199 с.

197. Лапаева Н.Б. Мотив «ухода из Крыма» в поэзии русской эмиграции 1920–30-х годов / Н.Б. Лапаева // Вестник ЧелГУ. — 2008. — № 30. — С. 80–86.

198. Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 822 с.

199. Литература русского зарубежья (1920–1990): учебное пособие / Под общ. ред. А.И. Смирновой. — 2-е изд., стер. — М.: Флинта, 2012. — 640 с.

200. Литература русского зарубежья: 1920–1940 / Под ред. О.Н. Михайлова. — Вып. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 1993. — 332 с.

201. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / Под ред. О.Н. Михайлова. — Вып. 2. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1999. — 328 с.

202. Литература русского зарубежья. 1920–1940. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. — Вып. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 592 с.

203. Литература русского зарубежья: 1920–1940. / Под ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. — Вып. 4. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 392 с.

204. Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. — Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — 544 с.

205. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. / Гл. ред. А.Н. Николюкин. — М.: ИНИОН РАН, 1997–2006.

206. Литературное зарубежье как культурный феномен: Сб. науч. тр. / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; Отв. ред. Петрова Т.Г.; Ред.-сост. Жулькова К.А., Петрова Т.Г. — М.: ИНИОН РАН, 2017. — 281 с.

207. Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.Я. Барабаш. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 212 с.

208. Литературное зарубежье: национальная литература две или одна? Вып. 2 / Отв. ред. Ю.Я. Барабаш. — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — 246 с.

209. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.

210. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74–87.

211. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев. — Л.: Наука, 1984. — 295 с.

212. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю.М. Лотман. — Л.: Просвещение, 1972. — 271 с.

213. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.

214. Лощилов И.Е. «Мирное житие» Петра Потемкина / И.Е. Лощилов // Образ мира, в слове явленный...: сборник в честь 70-летия профессора Ежи Фарыно / Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, Instytut filologii polskiej i lingwistyki stosowanej; redakcija: Roman Bobryk, Justyna Urban, Roman

Mnich. — Siedlce: Instytut filologii polskiej i lingwistyki stosowanej Uniwsytet przyrodniczo-humanistycznego, 2011. — С. 415–426.

215. Лощилов И.Е. Неизвестные страницы наследия Петра Потемкина / И.Е. Лощилов // Slavic Almanac. — 2010. — Т. 16, № 2. — С. 108–138.

216. Лощилов И.Е. «Париж» Петра Потемкина / И.Е. Лощилов // Slavic Almanac. — 2012. — Т. 18, № 1. — С. 34–66.

217. Лощилов И.Е. Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона» / И.Е. Лощилов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 12. — С. 3656–3660.

218. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество / А.Н. Лук. — М.: Искусство, 1977. — 183 с.

219. Луков В.А., Федотов О.И. Сатира / В.А. Луков, О.И. Федотов // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 2. — С. 312–316.

220. Лю Хао. Поэзия русской эмиграции в Харбине: Основные имена и тенденции: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Лю Хао. — М., 2001. — 262 с.

221. Макарян А.М. О сатире / А.М. Макарян. — М.: Советский писатель, 1967. — 276 с.

222. Маков В.И. Творческий путь Демьяна Бедного: в 2-х томах: дис. … д-ра филол. наук: 10.00.00 / Маков Василий Иванович. — Ташкент, 1966. — 957 с.

223. Манн Ю.В. О гротеске в литературе / Ю.В. Манн. — М.: Советский писатель, 1966. — 184 с.

224. Менегальдо Е. Русские в Париже: 1919–1939 / Е. Менегальдо; пер. с фр. Поповой Н., Попова И. — М.: Наталья Попова, «Кстати», 2001. — 247 с.

225. Меньшутин А.Н. Сатира Маяковского периода 1921–1930 годов: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00 / Меньшутин Андрей Николаевич. — М., 1952. — 432 с.

226. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.1 / П.Н. Милюков. — М.: Прогресс, 1993 — 528 с.

227. Михайлов А.В. Методы и стили литературы / А.В. Михайлов. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 176 с.

228. Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья / О.Н. Михайлов. — М.: Просвещение, 1995. — 432 с.

229. Молдавский Д.М. Народно-поэтическая сатира / Д.М. Молдавский // Народно-поэтическая сатира. — Л.: Советский писатель, 1960. — С. 5–12.

230. Молдавский Д.М. Сатирические песни и былины / Д.М. Молдавский // Народно-поэтическая сатира. — Л.: Советский писатель, 1960. — С. 13–34.

231. Морозов А.А. Русская стихотворная пародия / А.А. Морозов // Русская стихотворная пародия (XVIII–начало XX в.). — Л.: Советский писатель, 1960. — С. 5–88.

232. Москвин В.П. Каламбур: приемы создания и языковая основа / В.П. Москвин // Русская речь. — 2011. — № 3. — С. 35–42.

233. Москвин В.П. Теоретические основы стиховедения / В.П. Москвин. — 2-е изд., испр. и дополн. — М.: Ленанд, 2018. — 304 с.

234. Некрасова Е.А. Приемы языковой изобразительности в стихотворных текстах / Е.А. Некрасова // Поэтика и стилистика: 1988–1990. — М.: Наука, 1991. — С. 64–76.

235. Никитина Н.Н. Поэзия русского Берлина 1920-х гг.: на разломе эпох: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Никитина Наталья Николаевна. — СПб., 2004. — 185 с.

236. Николаев Д.Д. Американский юмор, «смех сквозь слезы» эмиграции и советское «хе-хе»: Парижское «Возрождение» 1925–1926 гг. о комическом и смехе / Д.Д. Николаев // Литературное зарубежье как культурный феномен: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Петрова Т.Г. — М.: ИНИОН РАН, 2017. — С. 119–146.

237. Николаев Д.Д. Анекдоты и «веселые рассказы» о Красной армии: комическая ситуация и комический сюжет / Д.Д. Николаев // Сюжетология и сюжетография. — Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2015. — № 2. — С. 38–53.

238. Николаев Д.Д. Аркадий Аверченко / Д.Д. Николаев // Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. — С. 882–947.

239. Николаев Д.Д. «Бич» — русский сатирический журнал в Париже / Д.Д. Николаев // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. / Отв. ред. П.А. Трибунский; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт российской истории Российской академии наук. — М.: Русский путь, 2017. — С. 343–356.

240. Николаев Д.Д. «“Двенадцать портретов...” Аркадия Аверченко: поэтика и политика» / Д.Д. Николаев // “Twórczość rosyjskiej zagranicy — satyra i memuarystyka”. Pod red. T.Marczenko, I.A.Ndiaye, D. Nikolajewa. — Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, 2018. — S. 29–48.

241. Николаев Д.Д. История одного городка / Д.Д. Николаев // Тэффи Н. А. Собрание сочинений. Т. 3. Городок. — М.: Лаком, 1999. — С. 5–16.

242. Николаев Д.Д. Комическое в драматургии русского зарубежья 1920-х годов / Д.Д. Николаев // Вестник ТГПУ. — 2011. — № 7. — С. 58–64.

243. Николаев Д.Д. Король в изгнании (Жизнь и творчество А.Т. Аверченко в Белом Крыму и в эмиграции) / Д.Д. Николаев // Аверченко А.Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. Кипящий котел. — М.: Лаком, 1999. — С. 5–58.

244. Николаев Д.Д. Литература как пропаганда / Д.Д. Николаев // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — С. 494–594.

245. Николаев Д.Д. О единстве русской комической литературы XX века / Д.Д. Николаев // Комическое в русской литературе XX века / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. — С. 5–19.

246. Николаев Д.Д. «Похороны Эзопа»: русская сатира в 1917 году (от марта — к октябрю) / Д.Д. Николаев // Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме: Материалы XXII Шешуковских чтений / Под ред. Л.А. Трубиной. — М.: МПГУ, 2017. — С. 49–67.

247. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза / Д.Д. Николаев; отв. ред. О.Н. Михайлов: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. — М.: Наука, 2006. — 688 с.

248. Николаев Д.Д. Русский Берлин: о некоторых спорных вопросах изучения / Д.Д. Николаев // Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. 6. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — С. 68–89.

249. Николаев Д.Д. Русский сатирический афоризм 1905–1907-х гг.: поэтика и типология / Д.Д. Николаев // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). — 2019. — Вып. 1 (198). — С. 38–48.

250. Николаев Д.Д. Русский юморист / Д.Д. Николаев // Аверченко А. Московское гостеприимство: Рассказы. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — С. 5–28.

251. Николаев Д.Д., Бражников И.Л. Сатира в годы Гражданской войны» / Д.Д. Николаев, И.Л. Бражников // Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. — М.: Политическая энциклопедия. — 2021. — Том. 3. — С. 134–140.

252. Николаев Д.Д. Трансформация «комизма нормы» в литературе русской эмиграции: столкновение культурных идентичностей в произведениях Н.А.Тэффи 1920 г. / Д.Д. Николаев // Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht: Identitätsnarrative in süd- und ostslawistischen Kontexten. Festschrift für Renate Hansen-Kokoruš. Herausgegeben von Ingeborg Jandl, Goran Lazičić, Marizela Reithofer Bektić und Dijana Simić. — Wiesbaden: Harrassowitz 2021. — S. 171-188. (Die Welt der Slaven: Sammelbände. 66).

253. Николаев Д.П. Сатира Гоголя / Д.П. Николаев. — М.: Художественная литература, 1984. — 367 с.

254. Николаев Д.П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск / Д.П. Николаев. — М.: Художественная литература, 1977. — 358 с.

255. Николаев Д.П. Смех — оружие сатиры / Д.П. Николаев. — М.: Искусство, 1962. — 224 с.

256. Николаев Д.П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики / Д.П. Николаев. — М.: Советский писатель, 1988. — 400 с.

257. Нинов А.А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов / А.А. Нинов // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). — Л.: Советский писатель, 1969. — С. 5–76.

258. Новиков В.И. Книга о пародии / В.И. Новиков. — М.: Советский писатель, 1989. — 544 с.

259. О, сколько звезд над Африкой твоей!: Русская эмиграция Туниса в литературно-публицистическом наследии: антология / Сост., вступ. ст. и коммент. Е.Н. Ельцовой и С.А. Бешановой. — Тунис: SOTEPA GRAFIC, 2022. — 390 с.

260. Озерецковский Г.Е. Русский блистательный Париж до войны / Г.Е. Озерецковский. — Париж: б.и., 1973. — 213 с.

261. Озмитель Е.К. О сатире и юморе / Е.К. Озмитель. — Л.: Просвещение, 1973. — 191 с.

262. Озмитель Е.К. Советская сатира: Семинарий: Пособие для студентов / Е.К. Озмитель. — М.; Л.: Просвещение, 1964. — 260 с.

263. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе / Ю.Б. Орлицкий. — М.: РГГУ, 2002. — 685 с.

264. Орлов И.Б. «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов / И.Б. Орлов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. — М.: МОНФ, 2001. — С. 230–236.

265. Павлович Н.В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович // Вопросы языкознания. — 1991. — №3. — С. 104–117.

266. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович. — М., 1995. — 491 с.

267. Покотыло М.В. Сатира в контексте русской литературы XX в.: онтологический статус и функции / М.В. Покотыло // Вестник ЮУрГГПУ. — 2014. — №8. — С. 262–271.

268. Попова С.В. «Речь» и «Руль» как носители идей российского либерализма в первой трети XX века / С.В. Попова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2007. — № 12. — С. 32–35.

269. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. — М.: Высшая школа, 1990. — 344 с.

270. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. — М.: Искусство, 1976. — 613 с.

271. Поэтика комического в русской литературе XX–XXI вв. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Николаев. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 560 с.

272. Прийма Ф.Я. Антиох Дмитриевич Кантемир / Ф.Я. Прийма // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1956. — С. 5–52.

273. Приходько В.К. Каламбур и приемы его создания в произведениях Н.А. Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Приходько Виктория Константиновна. — М., 1998. — 224 с.

274. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. — М.: Искусство, 1976. — 183 с.

275. Прохоренко А.В. Образ В.И. Ленина в революционной сатире 1917 года по материалам фондов Библиотеки Российской академии наук (БАН) / А.В. Прохоренко // Петербургская библиотечная школа. — 2019. — № 3 (68). — С. 149–156.

276. Прохоренко А.В. Революция и сатира. По материалам журналов и газет Петрограда за 1917 год в фондах Библиотеки Российской академии наук: библиографический обзор / А.В. Прохоренко. — СПб.: БАН, 2020. — 119 с.

277. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. Раев, предисл. Ольги Казниной; пер. Анны Ратобыльской. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.

278. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / А. Рабинович. — М.: Прогресс, 1989. — 416 с.

279. Рейсер С.А. Вольная русская поэзия второй половины XIX века / С.А. Рейсер // Вольная русская поэзия второй половины XIX века. — Л.: Советский писатель, 1959. — С. 5–41.

280. Репников А.В. 1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников / А.В. Репников // Россия XXI. — 2017. — № 1. — С. 160–186.

281. Родионова Н.А. Советские писатели в эпиграммах эмигранта Л. Мунштейна (Лоло) / Н.А. Родионова // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 года): Сборник докладов / Сост. И.Ю. Белякова. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. — С. 104–121.

282. Румянцева В.Н. Стихотворный фельетон середины XIX века: Н.А. Некрасов, В.С. Курочкин, Д.Д. Минаев: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Румянцева Виктория Николаевна. — Самара, 2007. — 234 с.

283. Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. — Т. 1, кн. 1 / Ред.-сост.: А.Г. Гачева, С.Г. Семенова, Е.М. Трубилова. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 1005 с.

284. Русская литература 1920—1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. — Т. 1, кн. 2 / Ред.-сост.: А.Г. Гачева, С.Г. Семенова, Е.М. Трубилова. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 979 с.

285. Русская литература 1920-1930-х. Портреты поэтов: в 2 т. Т. 1 / Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 896 с.

286. Русская литература 1920-1930-х. Портреты поэтов: в 2 т. Т. 2 / Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 1024 с.

287. Русская литература в эмиграции: сборник статей / Под ред. Полторацкого Н.П. — Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. — 414 с.

288. Русские Латвии // URL: http://www.russkije.lv (дата обращения 01.04.2021).

289. Русский Берлин / Сост., предисл. и коммент. В.В. Сорокиной. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 368 с.

290. Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, И.Е. Лощилов. — СПб.: Алетейя, 2020. — 364 с.

291. Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. — М.: МГУ, 1998. — 528 с.

292. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь/ Отв. ред. Н.И. Канищева. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997 — 748 с.

293. Рыбинская Н.В. Н.А. Тэффи — публицист газеты «Последние новости»: 1920–1940: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Рыбинская Наталия Викторовна. — М., 2005. — 207 с.

294. Рябова Г.Н. Юмор и сатира на советской эстраде 1920-х гг. / Г.Н. Рябова // Артикульт. — 2015. — № 19 (3). — С. 54–60.

295. Свиридов В.Ю. Образ большевиков в сатирической поэме Lolo «О черте лысом и о всех его присных (Конец красной сказки)» / В.Ю. Свиридов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 59–63.

296. Свиридов В.Ю. Сатирический образ Ллойд-Джорджа в периодике русского зарубежья первой половины 1920-х годов / В.Ю. Свиридов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 7. — С. 2100–2104.

297. Свиридов В.Ю. Стихотворная сатира 1920 года в парижской газете «Последние новости» / В.Ю. Свиридов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2022. — № 5. — С. 104–113.

298. Семенов В.Б. Перепев как литературный жанр. / В.Б. Семенов // Филологические науки. — 1995. — № 3. — С. 33–44.

299. Сербен П.К. Маяковский — сатирик: тема борьбы с пережитками прошлого в творчестве Маяковского послеоктябрьского периода: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00 / Сербен Павел Карпович. — Киев, 1953. — 394 с.

300. Силантьев И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев; отв. ред. Е.К. Ромодановская. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 296 с.

301. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А.Г. Соколов. — М.: МГУ, 1991. — 184 с.

302. Соловьева О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н.А. Тэффи: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Соловьева Ольга Ивановна. — Магнитогорск, 2001. — 180 с.

303. Сорокина Г.А. Образы Востока в контексте сатиры Дон-Аминадо / Г.А. Сорокина // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. — 2019. — № 2. — С. 60–70.

304. Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья / Л.А. Спиридонова. — М.: Наследие, 1999. — 336 с.

305. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века / Л.А. Спиридонова (Евстигнеева). — М.: Наука, 1977. — 304 с.

306. Стеблин-Каменский М.И. Апология смеха. / М.И. Стеблин-Каменский // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — Т. 37. №. 2. — М., 1978. — С. 149–156.

307. Стенник Ю.В. Русская сатира XVIII века / Ю.В. Стенник. — Л.: Наука, 1985. — 367 с.

308. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика / Г.В. Степанов. — М.: Наука, 1988. — 382 с.

309. Степанов Н.Л. Русская басня / Н.Л. Степанов // Русская басня XVIII–XIX веков. — Л.: Советский писатель, 1977. — С. 5–62.

310. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Ф.А. Степун; послесл. Р. Гергеля. Изд-е 2-е, испр. — СПб.: Алетейя, 2000. — 651 с.

311. Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. — 3-е изд. испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. — Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. — 448 с.

312. Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать: 1917–1963 / С.И. Стыкалин, И.К. Кременская. — М.: Госполитиздат, 1963. — 484 с.

313. Сычев А.А. Природа смеха или Философия комического / А.А. Сычев. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 176 с.

314. Тарановский К. О поэзии и поэтике / К. Тарановский; сост. М.Л. Гаспаров. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 432 с.

315. Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века: Сборник статей / Редкол.: О.Н. Михайлов, Д.Д. Николаев, Е.М. Трубилова. — М.: Наследие, 1999. — 348 с.

316. Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / Отв. ред. Н.В. Корниенко. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 768 с.

317. Текстологический временник: вопросы текстологии и источниковедения / Отв. ред. Н.В. Корниенко. — Кн. 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2012 — 1067 с.

318. Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / Отв. ред. Н.В. Корниенко. — Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 880 с.

319. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер / Ю.Б. Борев, Я.Е. Эльсберг, Г.Л. Абрамович и др. — М.: АН СССР, 1962. — 452 с.

320. Тиботкина Н.А. Мотивная структура лирики Саши Черного: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Тиботкина Наталья Александровна. — Тверь, 2010. — 169 с.

321. Тимофеев Л.И. Слово в стихе / Л.И. Тимофеев. — М.: Советский писатель, 1987. — 424 с.

322. Тимофеев Л.И. Стих и ритм / Л.И. Тимофеев // Лит. учеба. — 1982. — № 2. — С. 164–170.

323. Толкачев К.А. Художественный мир прозы Дон-Аминадо: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Толкачев Кирилл Александрович. — М., 1999. — 154 с.

324. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие / Б.В. Томашевский; вступ. ст. Н.Д. Тамарченко; коммент. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 334 с.

325. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В.Н. Топоров. — М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — 624 с.

326. Трубилова Е.М. Творческий путь Н.А. Тэффи (эмигрантский период): дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Трубилова Елена Максимовна. — М., 1994. — 168 с.

327. Трубилова Е.М. Тэффи / Е.М. Трубилова // Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 2016. — С. 818–881.

328. Тхоржевский И. Русская литература / И. Тхоржевский. — Париж: Возрождение, 1950. — 650 с.

329. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.

330. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. — М.: Советский писатель, 1965. — 302 с.

331. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.И. Тюпа. — 3-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 336 с.

332. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 82–109.

333. Филиппова Т.А. «Веселися, славный тевт!»: «Немец» и его роли в русской сатире 1917–1918 гг. / Т.А. Филиппова // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): Материалы Международной научной конференции, Липецк, 16–17 февраля 2017 года. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. — С. 121–129.

334. Филиппова Т.А. «Враг внутренний» — «враг внешний». Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике / Т.А. Филиппова // Российская история. — 2015. — № 6. — С. 90–98.

335. Филиппова Т.А. Образы Великой российской революции в сатире эпохи / Т.А. Филиппова // Труды Института российской истории РАН. — 2017. — № 14. — С. 10–26.

336. Фостер Л.А.. Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968. Т. 1: А-К. / Л.А. Фостер. — Бостон: MASS: Hall, — 1970. — 681 с.

337. Фостер Л.А. Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968. Т. 2: Л-Я. / Л.А. Фостер. — Бостон: MASS: Hall, 1970. — 682-1374 с.

338. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. — М.: Высшая школа, 2002. — 437 с.

339. Хисамутдинов А.А. Русский юмор и сатира в Китае / А.А. Хисамутдинов // Вестник славянских культур. — 2016. — №4. — С. 7–20.

340. Холшевников В.Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение / В.Е. Холшевников. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1972. — 168 с.

341. Холшевников В.Е. Стиховедение и поэзия / В.Е. Холшевников. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. — 256 с.

342. Цурганов Ю.С. Б.В. Савинков (1879–1925) / Ю.С. Цурганов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. — 1995. — №2. — С. 81–87.

343. Цфасман А.Б. «Русский Берлин» начала 1920-х годов: издательский бум / А.Б. Цфасман // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 34 (135). — С. 102–107.

344. Цыбенко В.А. Творчество Демьяна Бедного: в 2-х томах: дис. … д-ра филол. наук: 10.00.00 / Цыбенко Виталий Андреевич. — М., 1963. — 865 с.

345. Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века / А.И. Чагин. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 600 с.

346. Чагин А.И. Расколотая лира (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920–1930-е годы) / А.И. Чагин. — М.: Наследие, 1998. — 272 с.

347. Чагин А.И. Русская поэзия 1920–1930-х годов в России и зарубежье (пути взаимодействия): автореф. дисс. … д-ра филол. наук / Чагин Алексей Иванович. — М., 1998. — 48 с.

348. Шешуков С.И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов / С.И. Шешуков. — М.: Московский рабочий, 1970. — 352 с.

349. Штейн Э. Поэзия русского рассеяния 1920–1977 / Э. Штейн. — Эшфорд: Ладья, 1978. — 182 с.

350. Щербакова А.В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Черного): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Щербакова Анна Владимировна. — Кострома, 2007. — 198 с.

351. Эвентов И.С. Маяковский-сатирик / И.С. Эвентов. — Л.: Гослитиздат, 1941. — 224 с.

352. Эвентов И.С. Сатирическая поэзия предоктябрьских лет. / И.С. Эвентов // Русская стихотворная сатира 1908–1917 гг. — Л.: Советский писатель, 1974. — С. 5–54.

353. Эйхенбаум Б.М. О поэзии / Б.М. Эйхенбаум. — Л.: Советский писатель, 1969. — 552 с.

354. Эльсберг Я.Е. Вопросы теории сатиры / Я.Е. Эльсберг. — М.: Советский писатель, 1957. — 428 с.

355. Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / Р.О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1987. — 464 с.

356. Ямпольский И.Г. Поэты «Искры» / И.Г. Ямпольский // Поэты «Искры»: в 2 т. Т. 1. — Л.: Советский писатель, 1987. — С. 5–57.